

KI1224610

Н. Ульяновский

ОБИДА

Виктору Васильевичу Туре-
на добрую память
и дружбу,
с искренним уважением.
Н. Ушаков

20/XII-63г.

Н. УГЛОВСКИЙ

ОБИДА

ПОВЕСТЬ

К I 1224610

ВОЛОГОДСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Этот мартовский вечер выдался на редкость студеным, хотя в полдень на южной стороне капало с крыш. Мороз, однако, смягчался полным безветрием и, как ни странно, — тишиной. Село уснуло. Дышалось свободно, без пощипывания в горле. В чуткой и такой знакомой тишине снег под Костиными желтыми ботинками поскрипывает, как дробящееся стекло, а Валя идет в валенках и скрип у нее иной, с легким шелестом, будто ступает она по ломким от первого заморозка осенним листьям в лесу.

Ее туфли, завернутые в газету, Костя несет под мышкой. Носить их он приспособился уже давно. От небольшого угловатого свертка левому боку вроде теплее. Идти Косте и Вале далеко, до самой окраины, к школе, где живет Валина мать-учительница. Этот дальний путь всегда радует Костю, но сегодня он почему-то хмур и молчалив.

— Ну, чего ты молчишь? Говори что-нибудь, — посмеиваясь в цигейковый воротник, говорит Валя.

Он знает эту ее привычку — насмешничать тогда, когда повода для иронии никакого и нет.

Костя идет молча еще несколько шагов.

— Да что! — Он зябко поводит плечами. — Я уже говорил, да без толку... Может, ты что-нибудь новенькое скажешь?

— А у меня каждый день новое, — невозмутимо отвечает Валя. — Вот, например, завтра ко мне все районное начальство со своим штатом придет — опыт перенимать.

Костя знает об этом. Недаром он целую неделю возился с новым оформлением клуба к предстоящему экономическому семинару, который на этот раз управление решило провести в их совхозе. Знает он и причину такого решения. Причиной была Валя «елочка». И хотя все, что касалось Вали, Костя с некоторых пор воспринимает как свое, личное, сейчас он без особого энтузиазма бурчит:

— Подумаешь, новость. Ты уже привыкла, небось, отрапортуешь.

— Ясное дело, отрапортовала бы. Только ведь с высоким начальством и наши заявятся — папашка твой с новым директором. Они, наверное, и объяснения давать будут.

Костя, незаметно для себя позабыв о том, что еще минуту назад томительно беспокоило его, сказал ободряюще:

— Они — экономику, а ты — технику...

— По-твоему, я в экономике не разбираюсь? Без меня, будь спокоен, они тоже ничего не подсчитали бы. А уж твой папаня...

— Валя! — болезненно морщится Костя; как видно, упоминание об отце, управляющем отделением, ему особенно неприятно и нежелательно теперь.

— Не спорь, никакой тут заслуги его нет, — безжалостно бросает Валя.

— Я не спорю, оставь, пожалуйста. Но не будет же он отмалчиваться, если его спросят. Ну, а директор и подавно.

— Директор — да... — задумчиво говорит Валя. — Я с ним всего раза два встречалась, да и то на собраниях. Станный он какой-то, Костя...

— По-моему, ничего особенного. Разве что покомандовать любит. Молодой, вот и напускает на себя солидность. Но, говорят, агроном опытный.

— Ну все равно, — отгоняя, по-видимому, какие-то свои мысли, говорит Валя. — Пусть... А знаешь, в эту субботу я в город поеду. Комитет комсомола приглашает на вечер передовиков промышленности.

— Ты же недавно ездила.

— Ну, то была молодежная дискуссия, я уж забыла — на какую тему. Что-то очень длинное, насчет облика современного молодого человека. Но в общем было интересно. Концерт давали артисты областной филармонии.

— В субботу я тоже в город поеду, — совершенно неожиданно и как-то мрачно сказал Костя.

— Это зачем же?

— Вызывают в отдел культуры и вообще дела...

— Неужели? — с прежней смешливостью роняет она. — Нет, Костя, я просто не представляю, как ты мог поступить в библиотечный техникум? Разве это мужская работа? И парень ты вроде ничего... интересный даже. Признайся, ты, наверно, в техникуме был один среди девчат?

— Ничего подобного. А пошел потому, что еще в школе книги любил. Ты вот об университете мечтала, а оказалась в доярках.

— Значит, нашла свое призвание, — явно смеясь над ним, отпарировала Валя. — Дурачок, думаешь, я в университете не буду? Еще как буду-то! Для меня сейчас все двери открыты. Помнишь, как нам в школе говорили?.. «Молодым везде у нас дорога, по заслугам каждый награжден...» Будет награжден, понял? Ну и помалкивай... Ха-ха!

Костю возмущает этот тон. Обиднее всего то, что не сразу поймешь — когда Валя говорит всерьез, а когда просто разыгрывает его. К тому же, чем ни дальше, тем она капризнее. Конечно, красивым девушкам это идет, чего уж там... но должен же когда-нибудь наступить предел ее упрямству.

В последнее время Валя все реже стала бывать в клубе — не то, что прошлым летом, когда она только что приехала к матери. Что ж, это можно понять: работа на «елочке» захватила ее всю. Теперь-то о ее способностях и достижениях известно всем, но первым оценил Валины достоинства именно он, Костя. Уже тогда он почувствовал в ней что-то особенное, а что она обнаружила

в нем — Костя и до сих пор не знает. Но домой обычно провожал Валу он. Так уставилось с первых дней, и никто из ребят не претендовал на такую честь. Ну, а Костя, тот, конечно, имел на это право, тут уж, как говорится, дело слаженное. Того и гляди, свадьбу закрутят...

Дурацкие разговоры — вот что это такое! В эту минуту Костя испытывал к Вале почти ненависть. Сколько же времени она намерена трепать ему нервы?

Он заговорил запальчиво, едва сдерживая раздражение.

— Дороги! А для меня, по-твоему, они закрыты? Ты в какой поступала? В Ленинградский? Ну, так я быстрее твоего могу в Ленинграде оказаться. Там же библиотечный институт есть, а стаж у меня три года.

— Расхвастался! Чем хвалишься-то? Что три года пыль с книжных полок глотал? Действительно, честь и хвала...

— А ты... — Костя поскользнулся на укатанной колее, сверток шлепнулся на дорогу. Костя, присев, смущенно завертывал туфли в разорванную газету, а Валя хохотала так, что, будь не столь поздний час, привлекла бы внимание всего села.

— Валя, — сказал он, выпрямляясь, — не будем больше об этом. Всегда ты так... О другом поговорить не хочешь?

— Отчего же? — все еще прыская в воротник, ответила она. — Говори о другом.

— В субботу я поеду с тобой в город.

— Не возражаю. Еще что?

Костя снова растерялся. Обычно уверенный и находчивый в разговорах с другими людьми, с Валею он всякий раз быстро терял всегдашнюю непринужденность. Положительно, она была какая-то «ненормальная». Костю злило, что Валя, отлично зная его чувства к ней, делала вид, будто ни о чем не догадывается. Он уже пытался однажды объясниться, а она подняла его на смех, обозвала дурачком и заявила, что вообще всякие там чувства и глупые объяснения — предрассудок... Дескать, все это само собой происходит, когда время придет. И странно, Костя тогда не мог даже обидеться. С одной стороны, вроде бы оскорбительно («с каких это пор он стал в дурачках ходить?»), а с другой — словечко это прозвучало так, словно Валя хотела сказать — «милый». Так он и расстался с ней, чего уж греха таить, в дурацком недоумении...

Сегодня, танцуя с Валею в клубе, Костя решил непременно поговорить с ней начистоту, а вот сейчас что-то вновь подсказало ему, что ничего путного из этого не выйдет. Пожалуй, будет похоже на то, как если бы он ей навязывался. Еще бы! Она же нынче — знатный человек, знакомств у нее уйма. В город чуть ли не каждую неделю ездит, за ней специально машину присылают, в газетах портреты и очерки печатают. Ну и пусть... У него тоже есть и гордость, и самолюбие, не лыком, небось, шит. Не любит — и не надо. Подумаешь...

Так размышлял Костя, а у самого ныло сердце от обиды на собственную несмелость

и никчемность, потому что, в конце концов, если бы он был настоящим парнем, Валя, конечно, давно перестала бы отрываться от него шуточками. А он-то воображал, что может всё — понравиться любой девушке, поставить замечательный спектакль, поступить в институт, добиться в жизни всего, чего захочет. Не так-то это было просто, оказывается, и не с его характером и способностями мечтать о сияющих горизонтах.

— А вот что: поеду и все, — упрямо заявил Костя. Нет, не поеду, — вдруг сказал он. — Тебя же там в президиум посадят, хвалить начнут, а я что же... В задних рядах буду отираться?

— При чем тут президиум? Тебя же в отдел культуры вызывают.

— Все равно не поеду. Нечего мне там делать.

— Ага, значит, тебе не нравится, что я в президиумах сижу.

— Пожалуйста, сиди на здоровье.

— По-твоему, я не заслужила? — серьезно и вкрадчиво спросила она.

Костя в отчаянии повернулся к ней.

— Ну, какая ты, Валя!.. (Он хотел сказать: «С тобой невозможно разговаривать», но сдержался). Я же совсем не о том. Мы с тобой не в первый раз встречаемся, и ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Чего же придираешься?

— Это ты ко мне придираешься, а не я. Может, даже завидуешь? Мне ведь теперь многие завидуют, я знаю. Ну и пусть, мне это совершенно безразлично. Абсолютно!

— Валя! — вспыхнув, сказал Костя. — На черта мне завидовать, я же люблю тебя, пойми. А, да что говорить. Ребята вон смеются, спрашивают: когда, мол, на свадьбу пригласишь?

— А ты им что? — развеселившись, сказала Валя.

— Ничего. Глазами моргаю. А что я им, по-твоему, должен сказать?

— Ну... — сощурилась она, — сказал бы, что вовсе и не любишь, а так... время проводишь. Похвастался бы перед ними...

— Конечно, ты-то так и сказала бы, — безнадежно произнес он.

Валя прошла несколько шагов молча.

— Не знаю, Костя, как бы я сказала. Да меня никто и не спрашивал. Впрочем... Не в свадьбе дело, Костя. Как ты об этом просто говоришь! Хотя ты симпатичный, ей-богу. Простой очень, понимаешь?... Ну вот я и дома. Давай-ка туфли!

Костя вялым движением передал ей сверток. Он уже знал, что у калитки Валя не будет стоять. Да и о чем еще им говорить?

Она прислонилась спиной к низенькому столбику школьной ограды, рассеянно оглядела Костю — не лицо, а всю его фигуру с опущенными плечами и руками. Потом сказала негромко:

— Костя, подойди ближе.

Он подошел. Руки, освобожденные от свертка, казались лишними. Костя засунул их в карманы, не сняв перчаток.

Валя чуть наклонилась вперед и поцеловала его в щеку.

— Валя! — приглушенно проговорил он.
— До свиданья, Костя!

Она быстро вошла в калитку, обернулась, сказала спокойно:

— А в субботу ты обязательно поедешь в город, слышишь?

Костя ухватился обеими руками за дверцу, но, хотя она и не была заперта, не посмел открыть ее.

2

Зинку Канавину, помощницу Вали на «елочке», даже не предупредили о приезде гостей во главе с самим начальником колхозно-совхозного управления Дубровиным. Видать, просто не сочли нужным. Правда, Дубровин, в бытность секретарем райкома, приезжал на «елочку» не раз, и Зинку уже ничто не могло удивить, но все-таки обидно. Можно было бы надеть новую косынку и вообще принарядиться. А то Валька вон вырядилась, будто на смотрины, а у Зинки все казенное — белая косынка, белый халат (если б он вовсе был белый, а то ведь давно просится в стирку), большие резиновые сапоги. Выходит, ее и за человека не считают. Словно бы Зинка и не проработала на ферме свыше трех лет. На одну Вальку молятся, а того не понимают, что Валька-то на ферме без году неделя. Поручили бы «елочку» одной Зинке — не хуже бы справилась, даром что у нее среднего образования нет...

Участники экономического семинара пришли на ферму к концу дневной дойки. Сперва они побывали в коровнике, потом долго

смотрели и дивились тому, как коровы, словно повинувшись чьей-то команде, выстроились на выгульной площадке гуськом и медленно, соблюдая очередь, двигались к воротам доильного помещения. А командовал ими скотник Иван Петрович Прахов, или, как его все звали, дядя Ваня — маленький, аккуратенький, с усами щеточкой, в ладно пригнанном ватнике и старой солдатской шапке. Польщенный общим вниманием, он проникновенно и не без гордости рассказывал:

— Видите, их теперь не надо подгонять или, скажем, за рога тянуть. А в первое время мы, конечно, помучились. Ну как ты животному разъяснишь, что ему в доильный зал, в эту самую «елочку» идти надо? И не всем сразу, а, скажем, по шестнадцать штук... Понятно, там их концентратами подкармливали, может, и это их завлекало, а сейчас вот и концентратов нет, кончились, однако коровушки идут, привыкли...

Дядя Ваня опасливо покосился на Николая Егоровича Зыкова, управляющего отделением, — не сболтнул ли лишнего насчет концентратов — и заученно, как заправский экскурсовод, закончил:

— В общем, это дело, дорогие товарищи, всем доступное и, не хвалясь скажу, крепко выгодное. Проходите, пожалуйста, в зал и увидите все в полной убедительности.

Через боковую дверь прибывшие оживленной гурьбой вошли в небольшую пристройку к доильному залу. Тут хозяйничал механик-моторист Паисий Христофорович Вожжин, тот самый, которого из-за трудно-

го имени-отчества односельчане переименовали в дядю Паська. Под его началом — вакуум-установка, мотор, котельная. Пасько за последние месяцы тоже привык к экскурсантам и уже раскрыв под вислыми усами рот, чтобы давать объяснения, но Зыков предупредил, что задерживаться здесь не стоит, дойка может закончиться, и уважаемые гости не увидят самого интересного.

Вот тогда-то Зинка и увидела их всех — Дубровина, директора совхоза Светозарова и еще много знакомых и незнакомых лиц. Она чуть не выронила из рук душевую воронку, из которой подмывала вымя только что вошедшим с улицы коровам. Экскурсанты нестройно поздоровались с доярками, Зинке так было неловко за свой затрапезный наряд, что она едва что-то промямлила в ответ. Впрочем, скоро Зинка успокоилась. На нее, оказывается, никто не обратил внимания, все взоры были устремлены на Валю. Зинка надвинула косынку на глаза и принялась за свое несложное дело...

А Валя в это время показывала высший класс механизированной дойки. Она и Зинка находились в неширокой бетонированной, с решетчатым полом траншее, глубиной около метра. Вдоль траншеи для коров были установлены станки, или секции, — по восемь с каждой стороны. Секции располагались под углом к траншее и напоминали ветви елей, устремленные от вершины вниз. Сооружение выглядело добротным и удобным — все у доярки было под рукой. Зинка подмывала и вытирала насухо полотенцем вымя у живот-

ных, а Валя... да, на Валю было любо посмотреть!

Не глядя, она привычным движением открывала левой рукой кран вакуум-трубопровода, потом молочный краник на ведре. В правой у нее доильные стаканы с коллектором. Их Валя надевает на соски быстро и ловко — сначала на дальние, затем на ближние. Это для того, чтобы не переключать коллектор из одной руки в другую. Проходят секунды — и она уже подключает доильный аппарат у следующей коровы. Животные стоят спокойно, изредка помыкивают, словно напоминая людям об отсутствии в кормушках концентратов.

Знала Валя один секрет, чтобы добиться полной отдачи молока. Заметив через смотровое стекло, что поступление молока прекратилось, она брала одной рукой коллектор и слегка оттягивала его вниз и вперед, а тем временем другой рукой массажировала вымя. При этом соски оттягивались, выпрямлялись, и оставшееся в вымени молоко сильной струей выплескивалось в ведро. Сняв стаканы, Валя легонько массажировала все дольки вымени.

Затем открывались передние дверки секции, и подоенные коровы выбегали в соседнее помещение — «столовую». Правда, подкормки и здесь тоже не было, зато за несколько минут пребывания в прохладной столовой распаренное вымя приходило в норму, и тогда животных выпускали на холод.

Восхищенные участники семинара (их восхищение можно было понять — ведь они

видели первую «елочку» в районе) неотрывно следили за малейшим движением Вали, и она это чувствовала и работала вдохновенно. Было время, когда посторонние взгляды ее смущали, сковывали, вызывали досаду, но то время давно прошло. Сейчас, напротив, ей работалось куда веселее и ловчее, если за нею наблюдали, восхищались и поздравляли. Было приятно, что экскурсанты, столпившись в проходах, переговаривались шепотом, но один негромкий и прочувствованный голос Валя не могла не услышать: он принадлежал Дубровину.

— Вот это и есть наш первый мастер механизированной дойки, товарищи. Смотрите и учитесь!

Зинка, понятно, тоже слышала этот горделиво восхищенный возглас. Она в общем-то всегда признавала превосходство Валентины, но тут ее взяла досада.

«Ну пусть она сейчас в передовиках ходит, не жалко. Грамотная, сноровистая, первая у Марии Васильевны на «елочку» попросилась. Мы-то робели братья, чего уж скрывать... А только почему же никто о Марии Васильевне не вспоминает, как будто все с Вальки и началось. Ведь это Мария Васильевна в один подмосковный совхоз ездила, чертежи привезла, добилась, чтобы «елочку» построить. А сколько она сил положила, чтобы Вальку этому делу обучить! Когда не ладилось, и коровы молока не отдавали, и агрегат барахлил, Мария Васильевна ночей не спала, чтобы наладить. Настоящий главный зоотехник была, не то, что нынешний...

И вот уехал человек и все забыли о нем, а Вальке хоть и не напоминай — огрызается. Какая же это справедливость?..»

Горечь и недоумение коверкали бесхитростную душу Зинки. За себя она не обижалась — сама виновата, раз тогда струсилась. Но за бывшего главного зоотехника, чьим детищем была «елочка», Зинке было обидно до слез. И какой это умник из совхозного треста догадался перевести Марию Васильевну в область? И вовсе она не собиралась отсюда уезжать, напрасно некоторые говорят, будто она сама просила о переводе. А если даже и просила, то разве не доброе дело она здесь оставила? И вот теперь выходит, что все почести достались одной Вальке...

Дойка закончилась. Валя сняла клеенчатый фартук, Зинка полила ей из шланга на руки, подала чистое полотенце. Слепя взоры белизной халата и яркой цветистостью косынки, одаряя всех и каждого приветливой улыбкой, Валя поднялась из траншеи наверх. Ее тотчас обступили, посыпались вопросы. А Зинка осталась внизу — ей надо было еще промыть доильные аппараты и ведра, произвести уборку траншеи и секций. Ей хотелось только одного: чтобы все эти люди ушли отсюда и выспрашивали Валентину где-нибудь в другом месте.

Однако никто не обращал на Зинку внимания, все стояли к ней спиной, а один пожилой дядька сердито шикнул на Зинку, когда она нечаянно брякнула ведром. Спасибо директору — он догадался увести экс-

курсантов в более просторную «столовую». Здесь беседа пошла спокойнее.

— Вы вот что нам скажите, Валентина Николаевна, — с улыбкой, говорившей о том, что он заранее знает ответ и тот эффект, который произведет этот ответ на слушателей, спросил Дубровин. — Вы очень устали?

— Нисколько, — с такой же улыбкой ответила Валя. — Дойка 120 коров занимает примерно два часа. Мой рабочий день немного превышает семь часов. Раньше это стадо обслуживали десять доярок, их рабочий день составлял иногда 10—12 часов. В том и преимущество «елочки», что она избавляет доярку от тяжелого ручного доения, повышает культуру и производительность труда. Ну, а все это ведет в конечном счете к снижению себестоимости молока.

— Каковы затраты на центнер молока прежде и теперь? Вы можете сказать?

Спросивший это председатель одного из колхозов с записной книжкой в руках перевел взгляд на директора совхоза, но Светозаров лишь повел бровями и непонятно улыбнулся.

— Могу, — ответила Валя, не обращая внимания на попытки Николая Егоровича Зыкова что-то подсказать ей. — При ручном доении на один центнер затрачивалось 2,15 человеко-дня, сейчас в два раза меньше — 1,11 человеко-дня.

— Наглядно, — кивнул председатель и записал цифры в книжку.

— Вы не применяете ручного поддоя. Однако же известно, что при машинном доении

молоко полностью не выдаивается. Какой у вас средний процент жирности? — спросили Валю.

— Нормальный. Даже несколько выше, чем при ручном доении, — с явным удовольствием сказала она. — Поддаивать коров вручную — значит портить их, приучать недодавать молоко. А приемы, которыми я добиваюсь полной отдачи молока, несложны...

— Вы не подвязываете стаканы, и они не спадают с сосков. Это очень упрощает дело, но как вы этого добились?

— Смекалка помогла, — улыбнулась Валя. — В первое время, действительно, стаканы плохо держались, но потом мы додумались. Нужно натянуть сосковую резинку так, чтобы при надевании на сосок она чуть-чуть загибалась у отверстия стаканчика. И он будет держаться крепко.

Вопросов было множество, и на любой из них Валя без заминки давала исчерпывающий ответ.

Дубровин снял. Он считал Валю «делом рук своих» и гордился ею, как гордился бы автор удачным и любимым произведением. Впрочем, бывший секретарь райкома действительно принимал самое непосредственное участие в создании «елочки» — следил за строительством, помогал доставать нужные материалы и оборудование, лично бывал в совхозе и звонил туда ежедневно. В некотором роде «елочка» строилась тайно, о ней до последнего времени не знали даже дотошные газетчики. С одной стороны, сомневались — выйдет ли что, а с другой, —

хотели поразить воображение всех при удаче. И удача после целого месяца трудного освоения пришла. Наградой были статьи в местной и областной газетах, поздравительные звонки из обкома. Валя в глазах Дубровина была олицетворением его собственного успеха.

Шум вокруг «елочки» как начался в январе, так и не утихал до сих пор.

Крайне довольный беседой, Дубровин в заключение объявил:

— Так вот, товарищи, по решению парткома управления на базе этой «елочки» создается школа передового опыта. Руководителем назначен товарищ Светозаров, ну, а преподавать будет, конечно, Валентина Николаевна. Вам предстоит послать сюда по одной — две лучших доярки из каждого колхоза. Порядок и очередность мы определим. Обращаю ваше внимание на огромную важность этого дела. Сами понимаете, изучение передового и прогрессивного — наш первейший долг. Я бы даже сказал — это главное... Мы начали, нам и продолжать.

Председатель, который все записывал в книжку, заметил:

— Но ведь ни в одном колхозе «елочек» пока нет. И, между прочим, неизвестно, когда будут.

— Строить надо, — нахмурился Дубровин. — И прежде всего — готовить кадры. Вы что же, товарищ Лазуткин, против передового опыта? Он вам не нужен?

— Очень даже нужен, но мне не совсем ясно...

— Тебе всегда что-нибудь не ясно, Лазуткин. Что же, разъясним... Ну, товарищи, поблагодарим Валентину Николаевну за весьма полезную беседу и пожелаем ей новых успехов. Спасибо вам, Валентина Николаевна...

Дубровин долго тряс Вале руку, а она улыбалась и кивала ему и остальным, хотя ей было досадно, что люди долго не расступаются перед суетившимся за спинами фотографом и мешают ему снимать. Все-таки настырный фотограф пробился к ней и сделал несколько снимков. Валя даже не заметила, что в этот момент рядом с нею нечаянно или намеренно был застигнут аппаратом и директором совхоза Светозаров.

Он выходил из «столовой» последним, но в дверях быстро повернулся и подошел к Валентине. Вид у него был серьезный, неприступный.

— Вот что, Лесукова, — заговорил он, избегая ее прямого взгляда. — Руководитель этой самой школы я, конечно, номинальный, для формы, так сказать... Сами понимаете, на носу сев, дел по горло и все срочные, дня не хватает. Заправлять всем здесь будете вы и Зыков. Хватка, вижу, у вас есть, говорить толково умеете. Так что на меня особо не рассчитывайте.

Валю вдруг рассмешил и вместе с тем разозлил этот подчеркнuto директорский тон и вид Светозарова.

— А я и не рассчитываю, — насмешливо ответила она. — Как-нибудь без вас справимся, товарищ директор.

— Вот, вот... — несколько удивленный, пробормотал он. — Об остальном я распорядюсь. И вообще, вы не теряйте связи с нами, заходите в контору. Возможно, претензии возникнут и тому подобное...

— А вы к нам разве не зайдете больше? И опять Светозаров неожиданно для себя смутился.

— Зайду, конечно... обязан, так сказать.

— А вы бы не по обязанности?

Валя улыбалась глазами, и не понять было — серьезно она говорит или шутит. Светозаров решил, что эта дерзкая девчонка попросту разыгрывает его, и сердито сказал:

— Не буду вас задерживать, всего хорошего.

— И вам также...

Он быстро вышел, а Валя подбежала к запыленному окошку, смахнула пыль рукавом белого халата и стала смотреть, как он идет по ископытенному грязному снегу в своих теплых хромовых ботинках и не по-здешнему коротком пальто с серебристым каракулевым воротником — высокий, неприступно важный и недоуменно нахмуренный.

«Нет, он определенно симпатичный, даже разозлиться по-настоящему не умеет, — не замечая, что улыбается, думала Валя. — Ему, наверно, еще и тридцати нет...»

Костя всегда берег и всеми силами старался упрочить репутацию своего клуба, а после того, как в прошлом году он занял

первое место на районном смотре, забот стало еще больше. Конечно, Костя понимал, что без ребят он не сумел бы многого сделать, но и похвалы в свой адрес тоже считал справедливыми. Как-никак, до нечего клуб влачил очень уж тихое и неприметное существование, это признавали все. Заведовала им пожилая женщина, обремененная семьей, и ей было не до веселья. А Костя мог при случае и сплясать, и спеть, и лекцию прочесть, и даже хлесткие частушки на какого-нибудь лодыря сочинить. Он вообще был видный парень — статный, с улыбочивыми глазами, вежливый и скромный, но в то же время умевший быть серьезным и строгим, когда этого требовали обстоятельства.

Танцы в «репертуар» клубных вечеров пошла ввести Косте Валя. С этого, собственно, и началось их знакомство. Прежде танцы были не в моде — не потому, что их не любили, нет, — просто мало кто из девушек и особенно парней умел прилично танцевать. Старинные хороводы и буйные, с горячей пылью из-под каблуков, пляски «на парочку» — удаль и отрада отцов и матерей в годы их молодости — оказались позабытыми. Зря, конечно... Поэтому-то и редко звучала в клубе заборная музыка. Будоражила она захлебывающимися голосами гармошек лишь в большие праздники да еще в те майские вечера, когда девчата, повинувшись весны и сердца, до утренней зорьки распевали под клубными окнами грустно жалующиеся, а чаще озорные, подмывающие в пляс частушки...

Теперь в распоряжении Кости не один гармонист с «хромкой», а целое трио баянистов и даже гитарист — Сергей Коряков, механизатор. Но те же ребята, которые участвовали в самодеятельности, помогали Косте и в других «мероприятиях», например, в оформлении наглядной агитации.

К экономическому семинару Костя готовился с особой тщательностью. Еще бы! Ведь придет начальство из управления во главе с Дубровиным, председатели колхозов, специалисты. Вот только темы семинара Косте никто не догадался сообщить, и сам он тоже толком разузнать не мог. Светозаров сказал, что разговор, наверное, будет о завершении зимовки скота, а отец на вопрос Кости только рукой махнул:

— О подготовке к севу пойдут прения, младенцу ясно. Время такое подходит — о чем еще толковать?

Костя поступил соответственно: отразил в лозунгах и плакатах и то и другое. Но главными были все-таки «маяки». Их портреты, вырезанные из газет и сделанные своими фотографиями по специальному заказу Кости, и описания опыта их работы были развешены по стенам на больших картонных листах. На взгляд Кости, все было честь честью. Особенно красочным выглядел лист, посвященный Вале Лесуковой. Костя оформлял его сам. И все же в душе у него шевелилось опасение: а вдруг что-нибудь позабыл?..

Участники семинара заполняли клуб медленно. Кто-то отстал по дороге с фермы, че-

ловек пять председателей колхозов курили и разговаривали на крыльце, иные встретили местных знакомых и делились новостями. Дубровина со Светозаровым тоже пока не было.

На крыльце — негромкие, раздумчивые голоса:

— А «елочка»-то, действительно, хороша штука... Только мне, к примеру, она не по карману. Цемент, трубы, моторы... Светозарову добро: от государства дотацию получает.

— Деньги, куда ни шло, я раздобыл бы, — оживляясь, откликнулся председатель колхоза «Вперед к коммунизму» Терентий Павлович Лазуткин. — А где остальное взять? В «Сельхозтехнике»-то покуда ничего нет.

— То-то и оно...

— Читал я в газетах, есть еще новинка, «карусель» называется. Инженер одного совхоза придумал. А я где такого инженера головастого найду?

— «Карусель» эта пока не очень-то... Корма отсчитывает автоматически, да загружать их в машину приходится вручную.

— А «елочку» можно удешевить, я прикидывал, — продолжал свою мысль Лазуткин. — Да и оправдает она себя скоро. Только где же оборудование достать?

— Сейчас нет, завтра будет. К этому дело идет.

— А Лесукова молодец девка! После десятилетки на ферму пришла.

— Чисто работает, ничего не скажешь.

— А у меня ни одной молодой доярки не осталось. Выведутся старушки — не двухжилные же они! — кто доить коров будет?

— Свою-то дочь в институт отправил...

— Так это до того было, как я председателем стал.

— Вот и строй «елочку», пока не поздно.

— Ежели со льном нынче управлюсь как следует, тогда, пожалуй...

— Вон Дубровин выпшагивает.

— Был секретарем, стал начальником...

— Разницы особой в нем покуда незаметно, — вставил Лазуткин.

— А ты погоди, дай человеку перестроиться...

Окурки полетели за перила на снег, крыльцо опустело.

В клубе — сдержанный гомон, разрозненные голоса то в одном, то в другом конце зрительного зала.

— Повестка-то о чем?

— Текущие дела, наверно...

— У меня сена на полмесяца, а силос...

— Нет, клеверок я все-таки приберегу.

— Кукурузу так и не смог дотянуть?

— Так лето же какое было? Север, шутишь, что ли? Да и хорошей земли, признать, под весь посев не нашлось.

— Тише! Начинаем!

За столом на сцене — Дубровин, заместитель секретаря парткома управления Полосков, Светозаров и приглашенные на семинар передовики из колхозов. Им-то и предстояло сегодня поделиться своими достижениями и опытом.

— У Лесуковой, товарищи, мы уже были и слышали ее яркий и убедительный рассказ, — поднявшись над столом, начал Дубровин. — Надо полагать, каждый из вас сделает соответствующие выводы. Теперь предоставим слово другим нашим «маякам». Думаю и уверен, что это и есть лучшая форма экономической учебы руководителей и специалистов сельского хозяйства...

Он еще минут десять говорил о необходимости и пользы изучения всего нового, прогрессивного, что рождается творчеством масс ежедневно, ежечасно. Потом пригласил на трибуну бригадира полеводческой бригады из колхоза «Вперед к коммунизму» Анну Тихоновну Сумарокову.

— Гордись, твоя рекордсменка, — толкнул Лазуткина в бок его сосед.

— Подожди, еще неизвестно, куда она завернет, — не поднимая головы, тихо отозвался Лазуткин и полез в карман за папиросами; вспомнив, где он сидит, неохотно вытащил руку из кармана, ссутулился в настороженно выжидательной позе.

Анна Сумарокова была пожилой, лет под шестьдесят, крупной женщиной, с суровым морщинистым лицом. Серый простой платок покрывал ее голову. Сейчас концы его выбились из-под воротника жакетки, выпростав удивительно черные, без единого седого волоска, пряди. Загрубелыми руками она попыталась водворить их под платок, но они выскользнули снова. А вскоре она и жакетку растегнула, чтобы не стеснять себя в движениях.

Сумарокову тут знали все. Она прославилась высокими урожаями еще в военную пору, потом года три по болезни не участвовала в колхозных работах — так и не долечившись, опять вернулась в поле. «За наши урожаи совестно стало, — объяснила она свое возвращение колхозникам. — В войну на худых лошадях да на коровах пахали и то больше выращивали...».

Как видно, колхозный агроном постарался подготовить для Анны Тихоновны нужную бумажку, и она бережно вытащила из-за пазухи пару свернутых четвертушкой листов, расправила их, положила на трибуну. И вдруг улыбнулась смущенно-лукавой улыбкой, повернулась к Дубровину:

— Батюшки, а ведь очки-то я дома оставила. Вот растеряха-то...

— А вы без бумажки, — ободрил ее Дубровин, знавший давнюю нелюбовь Анны Тихоновны к писаным речам.

— Придется... Ну, скажу, как умею. Верно, дорогие товарищи, получили мы в бригаде прошлой осенью по 26 центнеров ржи с гектара. Пшеницы чуть поменьше, но тоже подходяще. Как и почему — об этом уж в газете писали да и сама я на разных совещаниях рассказывала. Знаете, небось... Агротехника известная, чего же об одном и том же толковать? А я вот о чем хочу поговорить...

Костя, сидевший сбоку перед самой сценой и видевший одинаково хорошо и зал, и президиум, приметил на лице Дубровина некое недоумение и даже недовольство. Ка-

жется, то, о чем собиралась поговорить Анна Тихоновна, не было предусмотрено программой семинара. Пока она расстегивала жакет, Дубровин успел вежливо вставить:

— Анна Тихоновна, об агротехнике не мешало бы еще раз напомнить. У нас здесь не обычное совещание, а экономическая учеба. Вот и хотелось бы услышать, как вам удалось 26 центнеров получить.

Сумарокова энергично повернулась к нему.

— Так ведь 26 центнеров мы получили только с двадцати гектаров, Петр Петрович, а с остальных сколько? По восемь центнеров не набралось, а их у нас в одной бригаде около двухсот, гектаров-то... А кинь по всему нашему колхозу да и по другим тоже — по 5—6 центнеров на круг не обошлось. Да и совхоз, сосед наш, — она кивнула на Светозарова, — недалеко от нас ушел. Я тут как-то раздумалась и говорю себе: нечем пока гордиться-то...

— Позвольте, Анна Тихоновна! — еще вежливее, однако с заметным смущением перебил Дубровин. — Мы ценим вашу скромность, но факт остается фактом: вы доказали, что на нашей северной земле можно получать высокие урожаи. И этот факт мы умалять никак не можем.

Анна Тихоновна стояла теперь вполоборота, обращаясь то в зал, то к сидевшим в президиуме.

— Согласна — умалять нельзя, а только это и раньше было доказано. Земля тут ни при чем, ее к рукам прибирать надо. У нас

на этих двадцати гектарах одни люди работали, вроде звена. Мы им сказали: вот ваш участок, вы за него совестью своей отвечаете. А ежели бы мы еще им сказали: каков будет урожай — таков и трудодень, они бы лучше прежнего постарались. А что вышло? Ихний-то трудодень сравнивали с общим по всему колхозу — это почему же? За что они в нынешнем году будут стараться? Непорядок, по-моему, да об этом и колхозники говорят. Прямо скажу: прежде такой обезлички и уравниловки было меньше. Размахнулись мы с укрупнением колхозов и бригад не по зубам. У нашего председателя нынче, почитай, полсотни деревень, в нашей бригаде два прежних колхоза состоят — ну, как тут со всем управиться? По моей грамоте, мне бы на звене стоять, а меня бригадиром назначили, этакую махину доверили. При мне и заместитель, и помощники, и учетчики с нарядчиками, да толку все равно мало. Их бы в производство, а не чины-портфели таскать... Бывший-то райком колхозы укрупнил, а кадрами что-то не раскошелился. Да и не с маху надо было укрупнять, а постепенно, по два-три колхоза сначала, чтоб опыта набраться. А то слепили чуть не десяток, техники и всего вроде много, да пользы что-то не видать...

Бугристое, с массивными надбровными дугами и мягким подбородком лицо Дубровина нахмурилось. Уже не скрывая досады, он сказал:

— Как известно, Анна Тихоновна, вопрос об укрупнении реляли сами колхозники.

— Проголосовали — это верно, товарищ Дубровин, — уточнила Сумарокова. — Да кто голосовал-то? Уполномоченные голосовали, да и их вы собрали чуть не по тревоге. Начальства же тогда понаехало уйма. Ну и убедили... Только жизнь теперь многих обратно переубедила, и, по моему разумению, выходит так, что, к примеру, наш колхоз разделить надо. Мельчить не нужно, а ежели надвое разделить и бригады поменьше сделать — только на пользу пойдет. Мы уж у себя думали и подсчитывали — ладно будет...

Анна Тихоновна поправила платок и, суровая, с поджатыми губами, сошла со сцены в зал и села на общую скамейку.

Дубровин тяжело, будто держа на плечах невидимый груз, встал.

— Вопросы, поднятые товарищем Сумароковой, безусловно, заслуживают внимания. Очевидно, мы обсудим их в управлении. Сегодня у нас более важная тема — изучение передового опыта...

— О планировании тоже надо бы затронуть, — сказал кто-то из задних рядов.

— О планировании, товарищи, будет разговор на следующем занятии. А сейчас слово предоставляется знатному льноводу из колхоза «Россия» Ивану Михайловичу Серебрякову...

4

В субботу около двух часов позвонил Светозаров. Разговаривал с ним Николай Егорович Зыков. Костя, на минуту забежавший в

контору разузнать последние новости, не обратил внимания на разговор. Однако, положив трубку и поискав кого-то глазами, Николай Егорович обратился к сыну:

— Ты, случайно, не на ферму к Лесуковой собрался?

— Это откуда же видно? — вспыхнул Костя.

Тучный, рыхлый, страдавший застарелой одышкой, Зыков язвительно усмехнулся, сказал натужным, от природы сиплым голосом:

— Ишь ты, еще обижается... По глазам вижу, что к ней направился, от конторы тропка-то идет. Гляди, Костя!

Был обеденный перерыв, в конторе ждал кассира лишь один тракторист в промасленной фуфайке и в шапке с полуоторванным ухом. Он был явно под хмельком, после холодной кабины (он только что приехал с возом комбикормов с железнодорожной станции) в натопленном помещении его разморило, и он дремал возле бачка с питьевой водой.

— А если и к ней, то что из того?

— А то! Обведет она тебя вокруг пальца, помяни мое слово, — с непонятной для Кости враждебностью сказал Николай Егорович и для убедительности пристукнул пухлой ладонью по столу. — Не видишь, куда она нос задирает?

— Не замечал.

— Куда уж тебе!.. Ладно, звонил тут директор, просил Лесукову к шести часам к нему подойти, он тоже в город поедет. На

своей, значит, машине... Вот и передай ей, чтоб не прозевала.

Костя промолчал. Николай Егорович пожевал губами, повернулся и ушел из общей комнаты к себе в кабинет. Костя с обидой и недоумением посмотрел в его широкую спину. Да, конечно, незачем говорить отцу, что он, Костя, тоже собирается сегодня в город. Вообще с тех пор, как Николая Егоровича перевели из директоров в управляющие, с ним стало трудно разговаривать. Впрочем, и раньше между отцом и сыном особой близости не было. Пока Костя учился, — виделись редко, а когда приехал домой, как-то само собой получилось, что у него появилось своих дел по горло, у отца — своих. Костинными занятиями Николай Егорович никогда не интересовался, считал их баловством и пустым времяпрепровождением. Костя знал об отце больше, видел, что тяжело ему на директорском посту, но помочь ничем не мог. Иногда Косте попросту жалко было отца, иногда брала досада на его старческое упрямство. А потом случилось то, что должно было случиться. Костя предвидел это заранее, но и его удивило искреннее возмущение отца учиненной над ним «несправедливостью». Вскоре, однако, Николай Егорович как будто притих, ревностно взялся за работу, лишь временами вспыхивал, раздражался, казалось, по пустякам.

Однако почему он с такой неприязнью отзывался о Вале? И это уже не в первый раз. Конечно, у них бывали стычки по работе,

да с кем их у него не было? Без этого не обойтись. А как он говорил о Вале на семинаре! Со стороны было посмотреть — ну прямо распирает человека безграничная гордость за такую замечательную работницу! А сейчас...

Костя тупо глянул на дверь кабинета, не скоро поднял голову. В глазах его блеснула решимость. Черта с два, батя! Не твоего это ума дело.

Костя отлично знал, что Валя сейчас на ферме: он только что заходил к ней домой и не застал. С того вечера, когда Валя обожгла его летучим поцелуем, они еще не виделись. Валя не появлялась в клубе, а Костя все не мог выбрать времени сходить на ферму. Да и робел, признаться. Как-то она его встретит? Опять насмешками? А если тот поцелуй был искренним, как вести теперь себя с ней? Так или иначе, Костя твердо решил поехать сегодня с Валею в город. Там все выяснится. Только вот директор тут ни к чему. Зачем он едет? Не на вечер же... Ну, а какие могут быть у него дела в городе ночью? Непонятно...

Ферма находилась от села в полукилометре, так что даже пожилые люди добирались до нее за несколько минут. Лишь чуточку запыхавшись, Костя с ходу влетел в котельную и сразу остановился, потому что дверь в доильный зал была приперта деревянной скамейкой.

— А, Костя! — высунул из боковушки плешивую голову дядя Ваня. — Откуда ты сорвался? Заходи.

Костя переступил порог. Возле мотора примостились на старых бидонах дядя Ваня и Пасько. Лица у обоих розовели на скулах, глаза влажно поблескивали. Жердястый Пасько, колесом согнув спину, важно разглаживал темным длинным пальцем усы и невозмутимо глядел на Костю снизу вверх. Дядя Ваня, по-петушину подняв и скособочив голову, весело помаргивал.

— Опять, Паисий Христофорович? — укоризненно сказал Костя.

— Ну и опять, что ж такого? — пробасил Пасько, не меняя позы.

— Не отрицаем, раздавили махонькую, — сощуриив один глаз, сказал дядя Ваня. — Для сутреву это очень полезная штука. Не обессудь, не знали, что ты прибежишь, а то оставили бы. Тебя давненько что-то не видно было. Дела, небось?..

— Дела... Зачем это вы дверь скамейкой приперли? Доярки где?..

— Приставили на всяк случай, теперь можно и убрать. Там они...

Костя вошел в доильный зал. В этот день Валя и Зинка делали генеральную чистку доильных аппаратов. На цементном полу стояли большие тазы с теплым содовым раствором и чистой горячей водой, а в них множество деталей, которые после промывки предстояло вновь собрать. Этим и занималась сейчас Валя, сосредоточенная, строящая.

— Здравствуйте, девчата. Валя, звонил Светозаров, просил прийти в главную контору к шести, он тоже в город поедет.

Валя стремительно выпрямилась и с удивлением спросила:

— Светозаров?.. Ах да, я слышала, что его тоже пригласили. Ну, а ты?

— Ты же знаешь...

— Вот что, подожди меня, если хочешь, я быстро. Пойди к мотористу, нас не отвлекай. Зинка, давай новый патрубок, этот пусть отдохнет...

Повеселевший Костя вернулся в котельную, присел на порог, достал папиросы. Дядя Ваня тотчас потянулся к пачке, а Пасько демонстративно взял с полки собственный «Беломор».

— Марку держишь, механик? — усмехнулся Костя.

— Свои имею, потому и не нуждаюсь.

— Что и говорить, заважничал за последнее время, — обращаясь к Косте, сказал дядя Ваня. — Он же сроду «Беломора» не курил, не по средствам было, а как экскурсии пошли, так и стал держать папиросы на виду. Чтоб, значит, все видели.

— Ну и на виду, что из того? У меня квалификация, а у тебя что?

— Не ниже твоей, — без обиды возразил дядя Ваня. — Без меня Вальке тоже не обойтись.

— Правильно, дядя Ваня, — поддержал Костя.

— И ведь что, парень, любопытно: домой-то он эти папиросы боится носить, — трунил дядя Ваня. — А то бы прописала ему Прокопьевна за такую роскошь. Для параду только держит.

Костя хохотал, дядя Ваня весело помаргивал, а Пасько, ухмыляясь в усы, невозмутимо попыхивал папиросой, держа ее почему-то за самый кончик мундштука и чуть на отлете, будто позировал перед фотоаппаратом.

— Она у меня строгая, это верно.

— Не строгая, а зряшная, — поправил дядя Ваня. — Зря шумит, значит. Идет, к примеру, дельное собрание, подготовку к весне обсуждают, а она прицепилась и прицепилась к кладовщику: куда, дескать, муку девал, выявила же ревизия...

— Сознательность проявляет, — пробасил Пасько.

— Ну, это уж сверхсознательность, — рассмеялся Костя. — А вообще, не накрывала она вас за этим вот самым занятием?

— Было раз, — скромно сказал дядя Ваня. — Не доглядели. Из-за него и мне на орехи досталось, но я-то смылся быстренько, а уж что у них дальше было — неизвестно.

— Ничего не было.

— Может, и не было, это ваше семейное дело, — охотно согласился дядя Ваня. — А что, Костя, верно поговаривают, будто ты жениться хочешь?

Костя не успел ответить, его неожиданно опередил Пасько.

— Это ты, Иван, по селу разносишь.

— Ну, а хоть бы и я. Не слепой, замечая, что к чему. Верно, Костенька?

— Зря разносишь, дядя Ваня, — нахмурился Костя. — Негоже под старость сплетни распускать.

— Сплетни? А я, парень, больше скажу: Зинка-то наша тоже на тебя поглядывает и губки кусает. Не знал?

— Да ты что? — Костя даже привстал с порога. — Что ты мелешь?

— Значит, знаешь, — удовлетворенно усмехнулся дядя Ваня и подморгнул Паську. — Было раз, прошел ты с Валькой, улыбочки да переглядки, а Зинка на вас зверем смотрит, губки покусывает. Ты не гляди, что я старый, тоже молодым был и с девками любился. Женись, легче будет. И Зинка перестанет думать.

— Ну, знаешь... Догадки твои выеденного яйца не стоят. Сплошная ерунда, понял? И вообще все это тебя не касается.

— Само собой, не касается, — с готовностью кивнул дядя Ваня. — А только любопытно все-таки...

— За такое любопытство, знаешь, что бывает?

Дядя Ваня только пожал плечами, а Пасько вдруг заговорил серьезно и деловито:

— На Вальке не женись. Не получится. Гордая она шибко. Себя только признает. Сказал давеча: давай аппараты разберу, а она фыркнула — обойдусь, дескать... Не советую.

Костя принужденно рассмеялся.

— Эх вы, психологи! Может, еще что веселенькое скажете?

— Ты его, шептуна, не слушай, не слушай, Костя, — загорячился дядя Ваня. — «Не советую...» — передразнил он приятеля. — Тоже советчик! Таких, как Валька, по-

искать. Огонь девка! Грамотная, портреты в газетах, весь район, а может, и область знает, а он: гордая! В каждом человеке гордость должна быть, а уж Валентине и погордиться есть чем. Заслужила. Женись, Костя, а то, гляди, из-под носа уведет ее какой-нибудь хлюст в узконосых гамашах. Видал таких в Архангельске, когда к дочке ездил...

— Да гамаши-то тут при чем? — спросил Пасько.

— Гамаши, может, тут и ни при чем, а только много развелось таких, что Вальке и в подметки не годятся.

— Значит, мне и беспокоиться не о чем, — улыбнулся Костя. — Не пойдет же она за таких, которые ей в подметки не годятся.

— Ох, гляди, Костя, — потряс ногтястым пальцем дядя Ваня. — Девки, они, брат, народ спутанный. Такую иной раз штуку выкинут, что умом ни за что не разберешься. Бери Вальку, пока ей кто другой мозги не закрутил.

— Бери, бери, — не без ехидства фыркнул Пасько. — Гаечный ключ она тебе, что ли? Она-то пойдет ли? Я же говорю — гордая. А тут еще балуют, ровно артистку...

Костя, уже давненько опасливо поглядывавший на дверь в доильный зал, оперся руками о косяки, загородив проход.

— Ну, мужики, поболтали и хватит. Развели тут пустопорожнюю дискусию, будто других тем нет. Скоро дойка, а у вас, на верное, не у шубы рукав...

В это время Валя говорила Зинке:

— Теперь подключи аппарат к вакуум-водопроводу и прсмой горячей водой. Подожди вечером стадо, а утром я приду.

— Ладно, — негромко ответила Зинка.

— Ну, я пошла.

— Ладно, — еще тише повторила Зинка.

...Костя ждал Валу в тамбуре, жадно вдыхал после накуренной котельной морозный воздух. Он думал о том, что весна нынче надолго застряла где-то далеко на юге и, видать, не скоро доберется до здешних мест, что прав Пасько, и Валя в самом деле гордая, хотя, конечно, ничего плохого в том нет, как нет плохого и в том, что до знакомства с Валею он, Костя, раза три провожал Зинку из клуба и догадывался, что ей это приятно. Но неужели она имеет к нему какое-то чувство? Об этом он, признаться, не задумывался. Но он хорошо помнил, что в то время Зинка ему нравилась — она была такой стеснительной и по-детски ласковой... Значит, она не забыла тех вечеров. Странно. Ведь он не давал ей ни малейшего повода на что-то надеяться, ни словом не намекнул, что ему с ней легко и бездумно приятно. Да, именно так — легко и бездумно...

А с Валею — иное... С ней ему и радостно, и мучительно, но пусть она будет трижды гордая, все равно он любил бы ее не меньше. В конце концов все ее капризы — это всего лишь капризы, а душа у нее добрая и нежная. Уж если Валя полюбит, то навсегда. Конечно, он сегодня поедет с ней, обязательно поедет, это просто необходимо. Быть может, сегодня решится все...

— Пошли, Костя...

Валя, в теплом платке и простенькой жакетке, первой выбежала из тамбура, он едва поспевал за ней. Ему хотелось идти рядом, но тропинка была узкой и вела прямо к школе. Все-таки Костя попросил:

— Не беги так. Успеем же. Не бойся, Светозаров без тебя не уедет.

— Еще бы! — рассмеялась Валя и убавила шаг. — Все хорошо, Костя.

— Что хорошо? — не понял он.

— Ну, все — снег, и облака, и то, что едем. Хочешь, я тебя сейчас выкупаю в снегу?

— Попробуй!

Она резко обернулась и толкнула его в грудь. Но Костя стоял крепко и обхватил Валию руками, так что ее щека прислонилась к его щеке. Она упиралась ладонями ему в грудь, но не очень сильно, и Костя, остановив дыхание, плотнее прижал свое лицо к ее лицу. Ему так хотелось поцеловать Валину прохладную щеку, однако он не осмелился, только еще крепче сжал ее плечи.

— Ладно, пусти. Все равно я тебя подкараулю.

Он отпустил, взволнованный только что пережитой близостью к ней. А она? Валя как-то странно улыбалась, Костя так и не мог угадать, смущена она или обрадована, а может, жалеет, что позволила себе такую вольность. Как бы то ни было, Валя не обиделась, а для Кости это означало многое. «Зря я ее не поцеловал, — подумал он, — может, она ждала, что я поцелую. Ну и идиот...»

Они дошли до школы, и Валя сказала:

— Я только переоденусь. Ты жди меня у своего дома.

Костя кивнул. «Жди у своего дома»... Черт возьми, он мог бы подождать здесь, а потом пронести Валию на руках через все село!

5

Светозарова несколько удивило, что Валя едет не одна, но он был воспитанным человеком и ничем не выразил своего удивления. Напротив, директор проявил к Косте отменную вежливость, что, однако, не мешало Косте всю дорогу жалеть о присутствии директора в машине. Его утешало лишь то, что они с Валией сидели позади рядом, а Светозаров — впереди, бок о бок с шофером, причем в первое время он не оглядывался и, кажется, вообще не был расположен завести разговор с кем бы то ни было.

Возможно, он не оглянулся бы ни разу, если бы... не Валя. Уже на втором километре она завела с директором разговор. Сперва осведомилась, когда начнет работу школа, потом спросила:

— Насколько я поняла, сегодняшней вечер посвящен передовикам промышленности. Зачем же вызывают нас?

— Ну это же ясно... Поделиться опытом, своими мыслями, планами. В конце концов мы же делаем одно дело — строим коммунизм...

— И как же вы мне посоветуете выступить?

«Для чего она это спрашивает? — с досадой подумал Костя. — Ведь знает без него, что сказать. И вообще, зачем он едет? Нужен ему этот вечер, как же...»

Светозаров вынужден был повернуться и высказать свое мнение насчет Валиного выступления.

— А вы сами будете выступать?

— Да нет, зачем же? И вообще я бы не поехал, но Дубровин настаивал. Возвращаться вам придется одним, я останусь в городе. Надо решить кое-какие вопросы.

«С кем же он будет их решать? Ведь завтра воскресенье», — подумал Костя, довольный, однако, тем, что директора не будет с ними на обратном пути. Он незаметно пожал Вале руку, но она не ответила на рукопожатие и надолго замолчала.

Через сорок минут они остановились у подъезда районного Дома культуры. Светозаров предложил Вале не сдавать шубку в раздевалку, а раздеться на втором этаже, в кабинете директора. Они поднялись вверх, а Костя встал в общую очередь, чтобы сдать пальто. Настроение у него явно начало портиться.

В кабинете директора Дома культуры оказалось полно народу. Тут были Дубровин, работники горкома комсомола, руководители предприятий. Где-то за стенкой гремела музыка, молодежь танцевала. Валя все время одним ухом прислушивалась к оркестру, даже тогда, когда все бывшие в комнате по очереди здоровались с ней за руку. Дубровин с серьезным выражением на мясстом,

отливающим синевой лице представлял Вало, хотя в этом не было никакой надобности — ее и так знали все, и она всех знала. Он о чем-то расспрашивал ее, она отвечала невпопад, потому что в этот момент Светозаров помогал ей расстегивать шубку и сам снял ее с Валиных плеч. В этом ничего особенного не было (еще в школе ребята посмелее ухаживали за ней на вечерах с наименьшей галантностью), но прикосновение рук Светозарова, его взгляд, вежливо-предупредительный голос волновали Вало. Впервые в жизни она почувствовала себя смущенной, даже чуточку растерянной.

«Какие у него сейчас глаза... совсем, совсем не такие, как всегда... А вот он разговаривает с Дубровиным, и глаза уже совсем другие. Значит, это только для меня. Сейчас он опять повернется ко мне...»

Светозаров действительно сейчас же вновь обернулся к ней и предложил стул. Валя машинально села. Дубровин расхохотался:

— Вот это я понимаю: настоящий директор! Не только за кукурузой умеет ухаживать, но и за знатными девушками. Что значит молодость! Вот я бы уже не сумел.

— Это же мой золотой фонд, — улыбнулся Светозаров.

— Ну, допустим, вырастил ее не ты, но все равно гордись и береги.

— Ее беречь не надо, сама на ногах крепко держится. Верно, Валентина Николаевна? Валя овладела собой, ответила на улыбку улыбкой:

— Не маленькая, не упаду.

— Молодец! Во всех отношениях молодец! — воскликнул Дубровин, явно любуясь Валею.

А ею и впрямь нельзя было не любоваться. Каштановые волосы, завитые по последней моде, обрамляли ее раздумянившееся продолговатое красивое лицо с сияющими от радостного возбуждения глазами и выразительными, чуть припухлыми губами. У нее был один милый недостаток: иногда она слегка заикалась на отдельных словах, и это как бы придавало им особое значение. Смущаясь, Валя на мгновение прикрывала глаза такими же темно-каштановыми, как волосы, ресницами, отчего выражение ее лица часто менялось, а взгляд после таких пауз излучал еще более теплый и манящий свет. Для всякого разговаривать с ней было истинным удовольствием.

На Вале было платье из голубого шелка с белым атласным воротничком и такими же манжетами, с широким поясом. Шелк переливался и блестел в отсветах электричества при малейшем движении. Тончайшие чулки, почти незаметные на сохранивших летний загар ногах, и туфли-лодочки завершали ее наряд.

Такой Светозаров ее еще не видел и теперь с плохо скрываемым восхищением наблюдал за Валею, этой «дерзкой девчонкой», как он однажды мысленно назвал ее. При этом он испытывал двойственное чувство: восхищаясь, злился на себя, что позволяет себе эту слабость. Подумаешь, красавица! Видал он и позанозистее, однако не распу-

скал слюни столь глупо. Впрочем, женская красота неизменно покоряла его, вызывая сладкий восторг и не менее сладкие размышления. В этом он не видел ничего дурного, напротив... Но сейчас было нечто иное, и он упрекал себя за легкомыслие, за то, что забыл об Ольге, ради которой, собственно, и приехал в город.

Он познакомился с Ольгой, когда еще работал главным агрономом сельхозинспекции, около двух лет назад, и с тех пор она незаметно вошла в его жизнь, наполнила ее новыми планами и смутным ожиданием. Вот кончится учебный год, и Ольга может переехать к нему. Они, правда, пока не говорили об этом, но это не так уж важно. Стоит ему захотеть, и он устроит Ольге перевод в сельскую школу. Завтра он ее увидит и, может быть, договорится обо всем. Завтра... А сегодня, вот в эту минуту, перед ним, как в сказке, явилось воплощение девичьей красоты и свежести, сидит на стуле в непринужденной позе почти незнакомая девушка и улыбается ему, и темные ресницы трепещут неизвестно отчего — то ли от яркого света, то ли от волнения, и он уже откровенно и неотрывно смотрит на нее, позабыв, как и почему они оба очутились здесь. А за стенкой гремит и гремит веселая, пьянящая музыка...

После первого же звонка Костя пробрался в зал, занял место поближе к сцене, в третьем ряду. До этого он толкался среди движущейся толпы у дверей директорского кабинета, ждал, что Валя выйдет в фойе, и

они успеют немного потанцевать, но она не вышла. Костя не обиделся — знал, что иначе Валя не может. Зато уж после торжественной части они повеселятся, как следует. А главное — машина будет в их распоряжении.

Валя появилась из боковых дверей вместе с Дубровиным и остальным начальством. Как водится, председательствующий объявил вечер открытым и предложил избрать президиум. Тотчас на сцену выбежал паренек в клетчатой рубашке и бойко зачитал список. В нем, конечно, была фамилия Вали, а вместе с ней и Светозарова. Валю паренек охарактеризовал пышно и длинно: «Знатная доярка совхоза, первый мастер механической дойки коров, наш почетный сегодня гость...» Все было бы ничего, но в президиуме Валя и Светозаров сели рядом и то и дело переговаривались, склоняясь друг к другу. Это было просто неприлично — перешептываться на виду у переполненного зала. «На кой черт нужен здесь президиум? — тоскливо спрашивал себя Костя. — Пусть бы люди просто выходили на трибуну и говорили, что думают, как работают, о чем мечтают. При чем тут президиум? Засушат вечер».

Вечер не был «засушен», потому что молодые рабочие и работницы, члены бригад коммунистического труда, действительно просто и интересно рассказывали о своих делах, о товарищах, об удачах и огорчениях... Не их вина, что Костя половину из того, что говорилось с трибуны, пропустил мимо ушей.

Он не спускал глаз с Вали. Казалось невероятным, что она не видела его — ведь он сидел совсем близко. Лишь однажды ее взгляд как будто остановился на нем, но это был такой равнодушно чужой, официальный взгляд, что Костю даже передернуло. А ведь Светозарову она улыбалась! Разумеется, Костя и мысли не допускал, что между ними может быть что-то интимное, но как она может ему улыбаться?

Наконец слово предоставили Вале. Она уверенно прошла к трибуне, спокойно, с улыбкой, переждала аплодисменты, заговорила звонко, четко и как-то по-мальчишески весело. Валя приветствовала своих друзей — «молодую поросль рабочего класса» и сказала, что ее труд теперь ничем не отличается от заводского. Она рада, что столько молодежи уже трудится по-коммунистически.

— Мы, работники сельского хозяйства, не хотим отставать от вас и тоже будем бороться за высокое звание бригад и ферм коммунистического труда. Я лично обязуюсь надать за год от 120 коров 300 тонн молока. Давайте соревноваться, дорогие друзья!..

В эту минуту Костя был преисполнен такой гордости, словно не Валя, а он сам стоял на трибуне и брал высокое обязательство. Забывшись, он хлопал до тех пор, пока не остался в одиночестве. Девчата, сидевшие позади и впереди его, понимающе улыбались. Но теперь Костю трудно было смутить. Ведь никто в зале не знал, что только сегодня, несколько часов тому назад он обнимал Валю, касался щекой ее щеки.

Потом выступал Дубровин и еще кто-то, однако Костя уже не слышал и не воспринимал ничего. Сейчас он жалел, что забрался в третий ряд, а не сел позади — можно было бы выбраться в фойе и зайти в буфет. Он глядел на Валю, надеясь поймать ее взгляд, но она упорно смотрела в стол и лишь слегка поворачивала голову, когда отвечала Светозарову. Костю вновь охватило глухое раздражение.

«Чего он пристал? О чем таком он может болтать? Конечно, Вале нельзя не отвечать, директор все-таки... Ну и тип».

Однако дело заключалось не в том, что Светозаров был директором, он, помимо того, был еще симпатичным парнем, и только теперь Костя понял, что все время думал об этом. Вроде бы небрежно причесанная, а в действительности искусно уложенная густая шевелюра, правильный, тонкого рисунка, нос, бледноватое, несколько изнеженное лицо, безукоризненный костюм светло-зеленого цвета с чуть проступающими полосками... Костя перестал смотреть на Валю, он смотрел теперь на Светозарова, как бы изучая его и пытаясь разгадать, что он за человек, и вдруг Костю снова передернуло. Он увидел, что у директора красивые, чуть вывернутые и откровенно чувственные губы — таких Косте еще не приходилось встречать у мужчин. А может, он просто не приглядывался, не замечал. Наверно, как раз такие губы, полные, яркие, жадные, нравятся женщинам, но Косте они были сейчас противны до тошноты. Он встал и, беспокоя

сящих, мешая им, пробрался к выходу...

В фойе Костя прошелся взад-вперед, вспомнил о буфете, но там, кроме сладкого напитка, ничего не оказалось. Все-таки он выпил бутылку. Это его несколько успокоило.

«А вдруг Валя видеала, как я уходил? Что она могла подумать? Ну и дурак же я, в самом деле! Вообразил черт знает что и лезу в бутылку. Прав Пасько: гаечный ключ она разве? Положил в карман и показывал бы только знакомым... Ревность, видите ли, выиграла. Никакая это не ревность, а сплошной эгоизм. Хотя, пожалуй, это одно и то же. Нет, не одно... Ревность — это когда другого любишь больше себя самого, а эгоизм — когда только себя... Но ведь я даже не знаю, любит ли она меня. Какое же я имею право ревновать? И к кому? Чепуха в общем получается, смешно прямо. Ладно, впредь буду умнее. Заседание, наверное, кончилось, надо Валю найти. Ну, так и есть, уже радиолу завели...».

Костя поспешно покинул буфет, вернулся в фойе.

Из зала говорливым потоком текли люди. Радиола заглашала отдельные голоса, стоял лишь слитный гул. Закружились первые пары. Костя ловко пробирался сквозь толпу в коридор, куда был выход со сцены. А вот и Валя. Светозаров шел рядом, придерживая ее под локоть. Костя помахал им рукой и ринулся навстречу.

— Костя, ты почему из зала ушел?

— Да так, курить захотелось. Мне же не обязательно было, я не передовик... А ты здорово выступила, просто замечательно.

— Да нет, ничего особенного... Ты куда сейчас?

— То есть как — куда? — опешил он. — Куда ты, туда и я...

Светозаров молчал, снисходительно улыбался. Валин локоть по-прежнему лежал у него на ладони. Костя только теперь заметил это, нахмурился. Светозаров перестал улыбаться и убрал руку. Валя беспокойно оглянулась на него, затем опять на Костю.

В это время проходивший мимо председатель райисполкома окликнул Светозарова и заговорил с ним. Почти машинально они отошли на несколько шагов в сторону, к окну...

— Валя, будешь танцевать?

— Вообще говоря, буду, — протяжно ответила она, стоя на месте.

— Тогда пошли.

Валя обернулась, громко сказала:

— Федор Федорович, так мы с вами договорились?

— Да, да, непременно! — поспешно отозвался Светозаров.

— А славная парочка, как, по-твоему? — сощурился вслед уходящим Вале и Косте председатель райисполкома.

— Да, ничего, — пожал плечами Светозаров.

— Он кто, этот паренек?

— Наш. Не то библиотекарь, не то завклубом.

— А, вспомнил! Костя Зыков.

Честное слово, Костя не хотел ни о чем спрашивать Валу, чтобы не портить ей и себе настроение, и все-таки не удержался — видеть, это было свыше его терпения.

— О чем вы там с ним договаривались, Валя? — как можно более спокойным, даже безразличным тоном спросил он.

— А, с Федором Федоровичем? Он просил меня потанцевать с ним, и я обещала, — столь же непринужденно сказала она.

Костя молча вел ее за руку в фойе.

— Ты что, сердисься?

— Нет, конечно. С какой стати? Я думал, он побоится уронить свой авторитет.

— Представь себе, я сказала ему то же самое. Он ужасно стеснялся.

— Значит, не он, а ты его упрашивала?

— Ну да... — запнувшись, невнятно проговорила Валя. — Забавно посмотреть, как он танцует.

— Да, пожалуй... Хотя ничего забавного не будет.

— Нет, ты сердисься. Ну и глупо.

— На тебя? Нисколько. По-моему, ты больше придаешь всему этому значения, чем я.

— Костя, ты просто невыносим.

— Увы! — попробовал он пошутить, но шутки не получилось. Одна мысль, однажды зародившись, уже ни на секунду не покидала его: тоненькая ниточка, еще недавно связывавшая их, рвалась неотвратимо.

Они закужились, вяло и неслаженно. Валу словно подменили, и Костя с болью чувствовал это. Так ли она танцевала в прошлое воскресенье в клубе? А когда Костя за-

метил, что она то и дело ищет кого-то глазами (он-то знал — кого!), сказал:

— Пожалуй, хватит. Не нравится мне эта музыка.

— И мне тоже...

Он провел ее к стулу, постоял немного и сказал:

— Ты отдохни, Валюша, а я пойду покурю.

— Хорошо. Только ты не долго...

Он ушел, а она болезненно сморщилась, стиснув зубы. «Зачем я ему это сказала, зачем? Костя прекрасно понял, что я не хочу, чтобы он возвращался скоро. Да, не хочу, и не надо было лгать. Никто тут не виноват, хотя я сама пригласила Костю поехать. И уже тогда почувствовала, что не надо было этого делать. Но он такой милый и преданный, этот Костя. Просто обидно, что все так получается... ничего ужаснее я еще не переживала. Он, конечно, нарочно ушел, и мне его почему-то не жалко. Нет, жалко, но это не то, не то... Но где же Федор Федорович, неужели его куда-нибудь вызвали?»

Валя вскочила со стула, почти бегом, натыкаясь на танцующих, пересекла просторный зал и очутилась в знакомом коридоре. Светозарова и председателя райисполкома у окна не было. Она тупо остановилась, обессиленно прислонилась к стене. Не было ни мыслей, ни воли, чтобы взять себя в руки. Хорошо, что коридор оказался безлюдным.

Очнувшись от прикосновения чужей-то руки к плечу. Обернулась — он! Светозаров серьезно и ласково сказал:

— Я думал, вы в зале. Едва разыскал. Так как же наш уговор?

— Да, да, пойдете...

Она ухватила его за руку, стремительно увлекла за собой. Уже войдя в круг, насмешливо спросила:

— Так, значит, вы не опасаетесь за свой директорский авторитет?

— Я такой же человек, как и все, — с улыбкой, но так же серьезно и ласково ответил Светозаров; он не спускал с Вали глаз, и она тоже не могла отвести взгляда, хотя и понимала, что за ними могут наблюдать. Начинаясь концерт, и танцующих осталось немного.

— Я уже давно не танцевал, так что извините за неуклюжесть, — говорил он, касаясь щекой ее волос. — Волосы у вас чудесно пахнут, я даже затрудняюсь сказать — чем...

Это было банально, но ничего другого ему не пришло в голову.

— Чем они могут пахнуть у доярки? Парным молоком и навозом, — рассмеялась она.

— О, нет нет! — страстно возразил Светозаров и крепче прижал Валу к себе; он чувствовал, что теряет голову, и не хотел противиться той силе, которая властно влекла его к девушке с завитыми каштановыми волосами и упругим, гибким станом. — Я не знаю, что со мной происходит, Валя, — тихо и очень медленно продолжал он. — Это как в сказке... Я и не подозревал, что вы такая... такая...

— Какая же? — еще тише спросила она.

— Милая и красивая, с открытым сердцем... Не знаю, как вам, а мне этот вечер уже не забыть.

Валя вспыхнула, не скрывая радости и забыв даже прикрыть ресницами глаза.

— И я тоже... буду помнить.

Они медленно кружились, кружились... Светозаров танцевал прекрасно, но Валя вспомнила об этом позже, уже дома. Сейчас она вся как-то притихла, беспрекословно повинаясь сильным рукам, несшим ее куда-то далеко... Это было новое и удивительно приятное ощущение, трудно было поверить, что все происходит наяву. И было бесконечно жаль, что нежная, плавная музыка вдруг кончилась... Светозаров признательно пожал Вале руку, но ничего не сказал, и она была благодарна ему за это: любые слова нарушили бы очарование, которое она испытывала...

Стоило ей, однако, увидеть Костю, и очарование наполовину пропало. Он стоял в дверях, опершись о косяк, спокойный, прямо-таки страшно спокойный и безразличный ко всему, так что Валя, глянув в его лицо, невольно вздрогнула. Светозаров посмотрел на часы, принужденно улыбнулся.

— А, вот вы где... Однако уже поздно. Пора, пожалуй, одеваться:

— Шофер давно ждет, — сказал Костя.

— Пойдемте, Валентина Николаевна...

Когда они, одетые, вышли на улицу, Костя ждал их у машины. Он хотел было помочь Вале сесть, но Светозаров справился с этим лучше и быстрее, сам сел на прежнее

место — рядом с шофером. Когда машина тронулась, Костя спросил иронически:

— Федор Федорович, вы же собирались остаться в городе...

— Да, знаете ли, отпала такая необходимость, — холодно ответил Светозаров, не оборачиваясь.

За всю дорогу никто не проронил больше ни слова. Валя заново, в мельчайших подробностях, переживала все, что произошло в этот необыкновенный, странный вечер. Костя, оскорбленный и подавленный, горько упрекал себя за эту несчастную поездку, а Светозаров думал о том, что по отношению к Ольге он вел себя нечестно, но что, если бы он остался, это было бы столь же нечестно по отношению к Вале...

6

В один из первых апрельских дней, возвращаясь из города, Терентий Павлович Лазуткин завернул к Светозарову. Ехал он на грузовой машине, вез кое-что из запасных частей и тонну семян гороха. Подъезжая к центральной усадьбе совхоза, вспомнил, что давно собирался потолковать с директором, да все времени выбрать не мог, а тут как раз удобный случай — усадьба-то у самой дороги.

Машину Лазуткин не стал задерживать, отправил домой, а сам отряхнул бобриковое полупальто, слегка поскрипывая по снегу фетровыми валенками, пошел в совхозную контору.

Его наметанный глаз примечал все — новую шиферную крышу над зданием конторы, тесовые и тоже новые ворота в гараже, два трактора, как видно, недавно вышедшие из ремонта и уже опробованные. Весна была не за Черным морем, гораздо ближе, и Лазуткин, наскоро поворошив в памяти собственные заботы и неурядицы, глубоко вздохнул. Проходя мимо магазина, невольно замедлил шаг, с усмешкой подумал: «Взять разве пол-литровку, развеять тоску-печаль?» Но тут же вспомнил, что со Светозаровым он в сущности знаком лишь официально, хотя теперь они вроде бы и на равных правах. Надо прежде дело решить, а там видно будет...

У магазина его вдруг окликнули. Терентий Павлович удивленно обернулся и увидел пожилую, судя по всему, до времени постаревшую женщину, с поклоном поздравившуюся с ним.

— А, Семеновна, здравствуй, — радушно проговорил Терентий Павлович и по привычке пошутил: — А ты, никак, молодеть начинаешь, гляди-ка, вся в обновках.

Семеновна неожиданно легким, горделиво задорным движением поправила на голове светло-серый пуховый платок, ответила тонким окающим говорком:

— А и молодею, что с меня возьмешь? Вот на пенсию выйду — еще на сиделки бегать начну.

Семеновна была из бывшего колхоза «Заря», совсем под боком у совхоза, и его незадолго до укрупнения влили в совхоз. Когда-

да-то Лазуткин кратковременно председательствовал в «Заре».

— Так уж и на пенсию? — усомнился он.

— А как же? Всего два года осталось. Тут, Павлович, порядки строгие, не так, как у нас раньше. Вот ты, поди, сейчас смотришь на меня и думаешь: чего это, мол, Семеновна в рабочую пору по магазинам разгуливает, а я тебе объясню...

— Ну? — улыбнулся Лазуткин.

— А вот, видишь ли, разболелась у меня рука, жилу, что ли, какую-то растянула, когда силос разгружали, я к фельдшернице — и вот он, больничный-то лист, в кармане. Да лист-то что, главное, что по нему мне деньги за болезнь заплатят. Ишь как дело-то обернулось, куда лучше...

— Мы тоже, как-никак... которые действительно... больничные оплачиваем, — помрачнел Терентий Павлович.

— А раньше-то как было? Ничегошеньки! В совхозе всем хорошо, одно худо — на всем покупном доводится жить. А ведь и своей стряпни хочется, особенно по праздникам. Магазинное-то уж не то. Слышала я, что и вы деньгами теперь колхозников рассчитываете?

— Было дело... Пока не получилось. Нам бы трудодень укрепить — вот о чем думка.

— Ну, ну, подумайте, вам, небось, виднее. Известно, хлеб — всему голова. Как там моя племянница Аниска поживает, давно о ней не слыхала? Говорят, на маслозавод переделалась.

Лазуткин смешно выпятил губы, буркнул:

— Сбежала твоя Аниска, чартовка. Крунула хвостом, одним словом. Нашла какого-то женишка из лесников и смоталась с ним.

— Законно или как? — деловито осведомилась Семеновна.

— В том-то и загвоздка, что законно, а то бы...

— Ну-к, что ж, Павлович, поперек любви не встанешь, дело-то, чай, молодое...

— Эх, какая там любовь! — махнул он рукой. — Ну, прощай, Семеновна, некогда мне.

— Прощай, голубок, прости уж меня, старуху...

Терентий Павлович крупно пошагал к конторе, угнув голову, словно шел в атаку. Высокий лоб обнажился весь из-под сдвинутой назад шапки, и на нем пахотными бороздами обозначились две продольные морщины.

Светозаров был у себя. Все-таки он, видать, успел усвоить в совхозе некие другие привычки, нежели в свою бытность главным агрономом райсельхозинспекции, а потом управления. Хотя Лазуткин вообще был не из числа рьяных чиновочитателей, однако и ему было приятно, что Светозаров встретил его запросто, по-дружески. Терентий Павлович смахнул с головы шапку, оглядел просторный, хорошо обставленный кабинет, пару телефонов на маленьком столике, возле директорского кресла, потер, будто с большого мороза, руки, с усмешкой сказал:

— Ничего живем, а? У меня побольше твоего хозяйство, а вот порядочным кабинете-

том так и не обзавелся. Черт его знает, привык абы как, присядешь за хромоногий стол, а то и на подоконнике, бывает, все бумаги подпишешь. Оно, признаться, и сидеть-то мало приходится, а все же приличное рабочее место пора занять.

— Я тут тоже редко бываю, — с улыбкой проговорил Светозаров. — А ты представь, что к тебе придет молодая женщина по личному вопросу — что ж, ты при всех объясняться ее заставишь?

— Есть у меня для этого комнатуха, да двери фанерные.

И Лазуткин весело рассмеялся, как видно, нисколько не завидуя кабинету директора совхоза.

Отсмеявшись, Светозаров попросил:

— Ну, рассказывай, откуда и куда путь держишь? Наши позавчера тебя видели, ты вроде в город ехал.

— Верно! Два дня там проканителелся, а толку — во! — Терентий Павлович отмерил на мизинце полноття, потом прибавил еще немного и показал Светозарову.

— Это ты насчет чего? Разукрупнения?

— Говорили и об этом, но Дубровин уперся на своем: вы, говорит, и не пробовали использовать преимущества укрупненного колхоза, поддаетесь демагогии... Тут расчеты, а никакая не демагогия, жизнь все равно докажет. Сейчас не разукрупнимся, а тут сев, сенокос, уборка начнутся — не до разделов будет. Что ж, и до осени подождать можно, да времени жалко. А пока бригады придется перестраивать как-то по-новому...

Светозаров посерьезнел, с минуту молчал, барабанил пальцами по ручке кресла.

— Могу кое-что посоветовать, Терентий Павлович. Впрочем, ты, наверное, читал мою статью в газете?

— Это насчет полеводческо-механизированных бригад?.. Читал, конечно. Буквально не подойдет, но принцип, по-моему, правильный. В эти бригады надо же не одни тракторы, а всю технику в комплексе. Иначе опять старая песня — одни сеют, другие уход ведут, третьи убирают. А техники-то у нас и не хватает. Ты вот сколотил две бригады и достаточно, а мне, знаешь, сколько таких бригад надо?.. Опять же посевы у тебя компактно расположены, а у меня деревня от деревни на десять верст, возле каждой полный севооборот не развернешь...

Светозаров развел руками, как бы говоря, что тут уж он ничем помочь не может.

— То-то и оно, — многозначительно потрянул светловолосой головой Лазуткин. — Однако еще помозгуем. Пожалуй, звенья нам подошли бы. Надо же в конце концов найти выход, черт возьми! — стукнул он кулаком по колену. — До каких пор туда-сюда метаться будем?

Светозаров усмехнулся про себя, подумал: «Сидел бы я сейчас в управлении, что бы я ему сказал? Думайте, думайте, товарищ Лазуткин, хватит на поводу ходить. Партия развязала вашу инициативу, дала и впредь будет давать все, что надо, — действуйте, от вас зависит успех... Вот что я сказал бы. Да и сейчас... Впрочем, пусть уж выпу-

тывается сам, у меня, слава богу, свои заботы есть».

Вслух спросил:

— Ну, а как ты вообще... оцениваешь создание производственных управлений? Лучше или хуже прежних райкомов? По-моему, это... неплохой выход.

Лазуткин, позабыв о зажженной спичке, искоса глянул на Светозарова, хмыкнул:

— Станный вопрос! Конечно, лучше. Уполномоченных стало меньше, инструктора теперь не толкачами наезжают, а работниками. — Обжигая пальцы, прикурил, глупо затыкнулся. — Возьми хоть такой пример. Раньше, бывало, явись к Дубровину, сидишь час и два, а он занят и занят. К нему, видишь ли, и директор леспромхоза со срочным делом, и заведующий районо, и кого только не было. А нас, председателей колхозов, всего десять! И колхозы хромают на обе ноги! А у секретаря не было времени обстоятельно поговорить с нами. Какой же это порядок? Сейчас мы, как говорится, на первом плане, но, прямо скажу, и до сих пор не на все вопросы ответы найдены...

— На все вопросы, по-моему, и через сто лет ответы не будут найдены. Вопросы-то возникают быстрее, чем разрешаются.

— А надо найти. Надо! — видимо, думая о чем-то своем, упрямо повторил Лазуткин; он опять искоса, чуть ли не подозрительно посмотрел на Светозарова и другим тоном сказал: — А я к тебе за делом, Федор Федорович. Дай ты мне чертежи этой самой

«елочки», любопытно же познакомиться, как и что...

— Пожалуйста, Терентий Павлович. Если только они сохранились... Я вызову сейчас инженера.

— Да, да, мне бы с ним потолковать, а то ведь у меня специалистов-строителей нет, одни механики по машинам. Сам-то я, правда, кое-что на своем веку строил...

«Век» Лазуткина был невелик — чуть побольше сорока лет, но после войны ему действительно пришлось быть прорабом на строительстве ремонтно-механических мастерских. А сколько он возвел в колхозах за последние восемь лет скотных дворов, свинарников и прочих хозяйственных помещений — Лазуткин и счет забыл.

Светозаров вышел в соседнюю комнату, распорядился разыскать инженера Лазарева. Вернувшись, не без любопытства спросил:

— Значит, строить надумал?

— Придется. Насчет этого тоже хлопотал в управлении. Обещали подмогнуть.

— Чего же тогда людей на учебу к Лесуковой не направляешь?

— С этим успеется... Пришлю... Вот тоже проблема! — снова оживился Терентий Павлович. — Стариков не хочется посылать, а молодых да желающих в деревне пока маловато. А ведь придет время — всем нам смена потребуется. Сейчас ребят помоложе только среди механизаторов найдешь, да и то редко, а техники же каждый год прибывает. В доле и на ферме в основном старуш-

ки. Помнишь, три года назад комсомол послал в колхозы городских добровольцев, а много ли их там осело? Единицы! А шуму-то сколько было, боже мой!

— Да, не сумели вы их тогда закрепить, считали так: раз приехали — обязаны работать. А условий добровольцам не создали.

— Верно, надеялись на их сознательность, — подхватил Терентий Павлович. — Да ведь и то сказать: какие я им особые условия мог создать? Клуб — за восемь верст, да и в нем одно кино было раз в неделю, работа ручная, грязная, женихов для девочек мало... А их ведь как воспитывали? «Мы все добудем, пойдем и откроем...» так, кажется? А жизнь, она, брат, ох какого терпения и стойкости требует. Иные из молодых сразу в дамки проскочить хотят, а ведь это дело не простое. Обидно, Федор Федорович, что за прежние годы отучили мы молодежь ценить труд хлебороба. Да и не только молодежь! Вперед не заглядывали, а теперь...

Терентий Павлович горестно качнул головой, ссутулился и вроде бы стал меньше ростом.

Светозарову как-то не приходилось задумываться над этими вопросами, все эти годы его занимали чисто агрономические проблемы, да и то главным образом в теоретическом плане. Он был специалистом и хотел, чтобы его обширные познания были по достоинству оценены. И они были оценены, на это Светозаров не мог обижаться. Теперь ему предстояло показать себя на практической

работе, и он покажет, будьте уверены. Пока Лазуткин терзается разными отвлеченными вопросами и фантазирует насчет будущего, он, Светозаров, будет прямым путем добиваться намеченной им цели. Долго ждать награды за свои труды и способности он не намерен...

Чтобы как-то поддержать разговор, пока не пришел инженер, Светозаров счел нужным заметить:

— Вот ты говоришь — молодежь... Но ведь и в колхозах уже есть много таких, как Лесукова.

— Имеется, конечно, — вяло отозвался Лазуткин; он уже почувствовал, что то, о чем он в порыве откровенности говорил Светозарову, не вызвало ни душевного отклика, ни даже простой заинтересованности. — А Лесукова — это да! Только... Я ведь знал их семью. Анна Сергеевна-то да и покойный Николай Иванович полжизни в деревне прожили, а, пожалуй, пшеницы от ячменя не отличили бы. Удивляюсь, как это Валентина решилась. Думаю, если бы не «елочка», тоже не выдержала бы. Где она нужную закалку могла получить? В школе? Вряд ли. Школу нашу еще перестраивать и перестраивать надо. Слесарить да столярничать начали учить, а где по-настоящему хлеборобству учат? Пока мало где...

— Ну, допустим, закалку Лесукова уже получила, не первый день на ферме, и потом, надо думать, механизация скоро во всех колхозах появится, — с гордостью сказал Светозаров.

— Да, должна появиться, иначе... А Лесукова молодец, хороший пример для молодежи. Только вы ее берегите, не дай бог — споткнется или еще что. Возраст-то, сам понимаешь, у нее невелик пока...

— Убережем, не беспокойся, — снисходительно улыбнулся Светозаров.

Они еще поговорили о предстоящем севе, о ремонте техники, семенах, причем Светозаров на этот раз оживился и даже пообещал Лазуткину консультацию своих специалистов колхозным механикам. Потом пришел инженер Лазарев и пригласил Терентия Павловича в свой кабинет.

Не успела закрыться за ними дверь, как к Светозарову вошла Валя. Он был не столько обрадован, сколько удивлен и обеспокоен. Однако тотчас же вышел из-за стола, схватил ее за руки, на мгновение прижал к груди.

Она была такая прохладная, румяная и свежая с мороза, что только присутствие посторонних за дверью удержало Светозарова от дальнейших проявлений нежности. Но ему страстно хотелось поцеловать ее, и он видел, что Валя ждет этого поцелуя и вовсе не думает о том, что их могут застать. Голова у Светозарова кружилась. Прерывисто дыша, он спросил:

— Как же ты сюда попала?

Валя бросилась на диван, не выпуская его руки.

— А я давно здесь. Только ждала, когда Лазуткин уйдет.

— Где же ты ждала?

— Ну, здесь... сначала в красном уголке, потом в коридоре.

— Нам нельзя быть тут долго, — мягко сказал Светозаров и так же мягко высвободил руку из ее руки.

— А я и так на минутку, — с готовностью ответила она, но он заметил, что его слова огорчили ее. — Почему вы к нам не приезжаете, Федор Федорович?

Это «вы» и «Федор Федорович» несколько успокоило его, он невольно подумал: «Так, пожалуй, будет лучше». Но какой же она была привлекательной и желанной в своей сбившейся набок белой шапочке, короткой бордовой юбке, с незатухающим румянцем на щеках!..

— Я же недавно приезжал. Ты забыла?

— Не-ет, не забыла, — протяжно, с лукавым блеском в чуть сощуренных глазах, произнесла она. — Но имейте в виду: я-то сюда больше не приеду.

— Почему? — сделал он удивленное лицо.

— Здесь же нельзя быть долго... Впрочем, я по делу. У нас на ферме плохо с кормами, а Зыков, как всегда, отделяется обещаниями.

Из предосторожности Светозаров все-таки сел в кресло, хотя дорого бы дал за то, чтобы посидеть рядом с Валей.

— С кормами у нас везде плоховато, но тебе мы кое-что выделим. За март у тебя прекрасные показатели.

— А сейчас хуже... — Она умолкла, прикрыв ресницами глаза, но уже через секунду снова устремила на него улыбающийся,

зовущий взгляд. — Скучный разговор, правда? Я скучная, да?

— Уж я-то куда скучнее...

— Д-да, пожалуй.

— Зато, поверь, любой твой разговор, каждое твое слово приятны для меня. Вообще с тех пор, как мы встретились, я много, всегда думаю о тебе...

— Интересно, как же вы думаете?

— Ну... об этом я скажу потом, не здесь.

— Хорошо, — сразу согласилась она и встала. — Так ты приедешь? Когда?

— Завтра. Под вечер. И увезу тебя с собой...

— Куда же вы меня увезете? — весело спросила Валя.

— Куда-нибудь... все равно...

— Посмотрим, как это вам удастся... Так я уйду...

Но она все стояла, поправляя шапочку и волосы. Светозаров, не спуская с нее восхищенного взора, вышел из-за стола, и ему опять показалось, что Валя всем существом потянулась к нему, хотя на самом деле не тронулась с места. Он почувствовал это по ее взгляду, по всей застывшей в трепетном ожидании фигуре, по чуть дрогнувшим губам... Легкая, знакомая дрожь охватила его тело. Он грубо схватил ее за плечи и долго не мог оторваться от ее влажных, упругих губ. Валя почти повисла на его руках...

А потом он стоял у окна, наблюдая, как Валя легкой девичьей походкой выбежала на дорогу и остановила попутную машину. Машина уехала, а Светозаров все смотрел и

смотрел, не видя, будто прислушиваясь к тому, что происходило в его душе... Да, он поступил опрометчиво. Такого еще с ним не бывало. Так недолго и сорваться, а это уж вовсе ни к чему. Но что делать, если эта девочка чертовски красива и доступна? Решено: он завтра поедет к ней. А там посмотрим...

7

И все-таки весна пришла... В двадцатых числах апреля подули юго-восточные ветры, запахло снеговой влагой, смешанной по утрам с оседавшим к земле дымком русских печей, под крышами неуловимо быстро выросли синеватые сосульки. Вскоре испортились зимние дороги и тропы. Лошади, вывозившие из затопляемых мест сено, по брюхо проваливались в пропитанном водой и солнцем снегу, рискуя сломать ноги. А в это время у солнечной школьной стены уже обнажилась прошлогодняя, еще мертвая, мурава, и на ней на переменах радостно возились ребятишки.

Талая вода, скапливаясь под снегом, искала выхода, стремилась по издавна знакомым ложбинкам и склонам вниз, вырывалась на поверхность, весело журча ручейками и безымянными речушками.

Село не узнать. Идешь улицей, разбрызгивая ногами студеную воду в лужах, и не взглянешь ни в одно окно — все стекла полыхают от полуденного солнца пожаром, аж глядеть больно. А у иных заботливых хозяев уже сухо на дворе, и на нем, пока еще

сдержанно, как бы пробуя голоса, уже кулдахнут куры...

В эти дни у Кости, как никогда, было много дел: близился Первомай, и Костя не хотел ударить лицом в грязь. Он сам писал лозунги и плакаты, руководил репетициями драмкружка, по поручению парторганизации выпускал боевые листки и «тревоги», посвященные завершению подготовки к севу. Занятый с утра до позднего вечера, он упорно пытался не думать о Вале, забыть ее — и не мог. Быть может, ему легче было бы это сделать, если бы ничто и никто не напоминал о ней, но в том-то и заключалась беда, что о Вале Костя слышал и читал ежедневно. Она незримо была всегда с ним, вернее — он с ней, потому что сама Валя, конечно, вряд ли хоть раз вспомнила о нем.

Только два дня назад из села уехали операторы Ленинградской студии кинохроники, снимавшие Валину «елочку» для журнала «Наш край», а неделей раньше в библиотеку поступила брошюра Вали, изданная в области, — «Мой опыт дойки 120 коров». Драмкружковцы наседали на Костю, выпытывая, почему не участвует Валя в репетициях и будет ли она вообще выступать в праздничном концерте. Костя злился, даже грубил товарищам, и уже одно это вызывало у ребят и девчат догадки и подозрения. Потом стало известно, что на ферме снижаются надои, хотя, впрочем, никого, кроме Кости, это особенно не удивило, так как подобное случалось каждую весну. А Костя не мог думать об этом спокойно, как ни старался...

Вот уже несколько лет, благодаря заботам прежнего зоотехника, массовые отелы коров в совхозе проходили ранней зимой, поэтому и максимальные надои, естественно, падали на зимние месяцы. Но Костя знал, что причина не только в этом, а и в кормах, которых к весне обычно становилось в обрез. К этому привыкли и терпеливо ждали свежей травы. Но Валя? Вряд ли она будет ждать...

И еще... Костя и хотел бы ничего не слышать о Светозарове, но за последние дни имя директора приобрело в селе популярность. Полтора года назад совхоз был объявлен опорно-показательным хозяйством — и по праву. Десятки лет здесь развивали одну отрасль — молочно-мясное животноводство и добились прекрасных результатов. Зерновых сеяли мало, зато выращивали уйму овощей для снабжения городского населения. И вот на днях производственное управление спохватилось и предложило Светозарову показать для колхозов образец передовой агротехники льна, для чего следовало засеять этой культурой двести гектаров. Светозаров наотрез отказался, ссылаясь на то, что у него нет ни семян, ни удобных площадей, а главное — ни одного опытного льновода. Ему нужны корма, много кормов, а лен отлично умеют выращивать в колхозе «Россия»... Говорят, были у директора неприятные объяснения, но он настоял на своем.

Косте довелось слышать горячие споры по этому поводу в конторе отделения, и мысленно он был согласен, что Светозаров в дан-

ном случае прав. Дай бог справиться с кукурузой, сахарной свеклой, горохом, чтобы убедить всех в огромных преимуществах этих ценнейших кормовых культур. Правда, некоторый опыт их выращивания в совхозе был, но никогда еще они не занимали почти сорок процентов пашни. Осрамиться в этом деле совхоз не имеет права...

Зато неприятно было Косте узнать из вторых рук, будто в последний приезд Светозаров побывал у Вали на ферме, а потом и у нее дома. А что она дважды ходила в главную контору совхоза — это Костя видел лично сам...

Сердцем Костя чувствовал, что происходит нечто неестественное, ненастоящее, но тут же рассудок подсказывал ему объяснение, и все как будто выглядело логично. Да и над чем было задумываться? Конечно же, Валя несколько не любила его, просто ей иногда веселее было с ним, чем с другими, а Светозарова она полюбила неожиданно и сразу, вот и все. Разве не бывает так? Сколько угодно... И разве сам он не влюбился в Валу с первого взгляда? Почему бы не мог так же влюбиться и Светозаров? Очень даже понятно, и если кто тут виноват, так это сам Костя, вообразивший невесть с чего, будто он любим...

Однако от таких рассуждений, казалось, вполне здравых и неопровержимых, Косте не становилось легче. Всем своим существом он противился тому, что произошло и что могло еще произойти, не мог примириться с мыслью, что так нелепо потерял свое

счастье. Он жаждал борьбы за это счастье, но не знал, с кем и как бороться...

В один из ростепельных веселых дней Костя не выдержал и пошел на ферму. Просто так — посмотреть, что там делается, поболтать с дядей Ваней и Паськом. Нет, с Валею он не собирався встречаться. Зачем? Ни ей, ни ему это не доставит ничего, кроме неловкости. Вот взглянуть бы на нее незаметно, издали, какой она стала? Ведь он не видел Валею с той памятной злополучной поездки. Как давно это было!..

Костя выбрался за околицу и остановился в раздумье. Тропка, по которой когда-то они шли с Валею и где он обнял ее, безнадежно испортилась, но по дороге все равно не хотелось идти. И Костя свернул на тропку. Брел, увязая по колено, и до самой фермы его не покидало радостное и грустное чувство, вызванное столь же противоречивыми воспоминаниями.

Да, не так-то просто, оказывается, стать в этой жизни счастливым. А он-то думал, что об этом и беспокоиться нечего. Все давалось ему легко («Даже легче, чем Валею», — признался Костя сам себе), все шло, как по писаному — учеба, работа, взаимоотношения с товарищами, даже планы, которые он строил на будущее, представлялись ему почти осуществленными, стоит только захотеть... Правда, он не совершил еще ничего такого выдающегося, как, например, Валею, но это ничего не значит. Потребуется — совершит. А может, уже совершил бы, если бы в прошлом году его отпустили на

целину. Тогда в райкоме ему сказали: «Не торопись в дальние края, там пока без нас обойдутся. На севере, брат, своей целины полно»... Что ж, другого такого случая он не упустит. А если бы была с ним Валею, он готов поехать куда угодно, хоть в Антарктиду...

Скотный двор Костя едва узнал. Он был весь окружен огромными лужами, потому что стоял в низине, поближе к пастбищу, и теперь служил своего рода водосборником. «И какой дурак его здесь построил? — злился Костя, шлепая по лужам. — Это еще цветочки, а ягодки впереди: оттаит земля и тогда из грязи не выберешься. Знаю, какая тут почва...»

Коровы теснились в дверях помещения, но на улицу остерегались выходить: вода холодная, под ней лед, хоть и на четырех ногах, а не удержишься... Однако скоро их погонят на дойку — сколько же времени им придется тогда простоять в ледяной воде? О больших надоях тут думать не приходится.

Поскользнувшись, Костя чертыхнулся и рванул дверь в котельную. Тут он застал прежнюю картину: на одном бидоне, согнув длинную спину дугой, сидел Пасько, на другом — дядя Ваня. Только теперь они, судя по всему, «раздавили» не одну, а по меньшей мере две «маленьких».

— А, Костя! Здорово, здорово! — искренне обрадованный, громко заговорил дядя Ваня. — Ты где же пропадаешь, стервец? Аль дела государственные?

— Посиживаете, значит? — вместо приветствия спросил Костя. — Не боитесь, что вас затопит?

— Не-е, сюда не дойдет, — ухмыльнулся дядя Ваня. — Да она скоро сбежит, видал, как солнце-то шпарит? Пяток деньков — и снег тю-тю...

— Сам ты тю-тю... Вода сбежит, а грязь останется. За пять дней вы вовсе коров застудите. Можно ведь хоть большую воду спустить. Корма-то как доставляете?

— Ты вот что, не сепети, парень, — вдруг осердился дядя Ваня и перестал подмаргивать. — Ишь, пришел, раскричался. Ты начальству глаза коли, а не нам. Твой папаша был вчера, покрутился чего-то и убежал. А нас двое, скотников, а коров побольше сотни, вот ты и прикинь — можем мы еще и с водой управиться?

— Ты отцу говори, — поддержал приятеля Пасько.

— Скажу, не беспокойтесь. Но вы-то можете делу помочь?

— Ну, нам тоже не в три горла надо, — ощерился обычно добродушный дядя Ваня; хмель, видимо, порядком ударил ему в голову. — Пот наш, а слава и деньги другим? Тоже, умники!..

— У меня квалификация, я свое дело знаю, — сказал Пасько и отвернулся.

Костя побледнел, сказал чужим голосом:

— Пешня и топор у вас найдутся?

— Вот это хвалю! — как ни в чем не бывало, весело воскликнул дядя Ваня. — А вон они, добры-молодцы, в углу лежат...

Прихватив пешню и топор, Костя вышел на улицу. Сначала он не подумал, что берется за немислимое дело. Что можно сделать одному легкой пешней и топором? Кругом снег, место ровное. Но отступать было поздно. Надо во что бы ни стало спустить большую лужу недалеко от входа в доильный зал. Ее коровам никак не миновать. Костя обошел лужу кругом, выискивая удобное место для желобка. Вот тут, кажется, небольшой уклон. Да, так и есть. Лед придется рубить у самого края лужи, дальше пойдет снег.

Костя снял поношенное полупальто, отбросил его подальше, поплевал на ладони...

Он колот лед пешней без отдыха минут двадцать, а когда поднял голову, то увидел неподалеку от себя Зинку. Она железной лопатой разбрасывала снег. Зинка молча оглянулась на него и продолжала работать. Он сказал только:

— Оденся, а то простудишься. Эта погода обманчивая.

— Куда же одеваться, я и без того вся в поту.

— Тем более...

Из пристройки вышел дядя Ваня. Он долго стоял, подпирая плечом угол котельной, курил, ухмылялся, лихо, со свистом, сплевывал горький осадок, потом исчез в помещении и вернулся оттуда с длинным тяжелым ломом. Не обходя, прямо через лужу прошал к Косте, сказал одобрително:

— Правильную точку выбрал, парень. Тут она побежит, деться ей некуда...

И, ухнув, с силой ударил ломом...

Вода неотступно, будто охваченная терпением вырваться на волю, следовала за пешней и ломом и, наконец, пробилась по желобку через бугорок, жадно всосалась в снег по ту сторону.

Повеселевшая Зинка торжествующе подняла над головой лопату, но уже через минуту ей показалось, что вода течет слишком слабой струей. Она подбежала сначала к краю лужи, потом забралась подальше и, действуя лопатой, как веслом, с азартом принялась подгонять воду к желобку. И тут случилось непредвиденное: увлекшись, Зинка поскользнулась и боком шлепнулась в лужу. Костя бросился ее поднимать, поскользнулся сам, однако удержался на ногах, схватил Зинку за руку. Мокрая, вздрагивая от охватившего все тело холода, она виновато улыбнулась ему.

— А ну, быстро к Паську! — закричал дядя Ваня.

Они побежали в котельную. В резиновых сапогах Зинки зловеще чмокала вода. У Кости ноги тоже были мокрые, но почему-то он не чувствовал холода, ногам было даже жарко.

Впопыхах Зинка сбросила с себя сапоги, халат и платье, оставшись в одной рубашке. Но и рубашка была мокрая. Вдруг Зинка покраснела до корней волос, вспомнив о Косте. Он стоял в дверях, полуотвернувшись.

— Костя, принеси мне другой халат и ватник. Там...

Но в котельную уже входила Валя с сухой одеждой. Она видела, как Костя и Зинка долбили лед, как Зинка упала. Костя молча отошел в сторону, присел на скамейку в коридорчике, на которую ставили вымытые бидоны. Услышал Валин голос:

— Нужда была идти. Сегодня я устрою Зыкову тарарам...

— Но ведь прорубили же, — оправдывалась Зинка.

Валя вышла в коридорчик.

— Здравствуй, Костя.

— Здравствуй...

— Чего это ты помогать нам вздумал?

— Да так, случайно вышло, дядя Ваня сагитировал.

— А-а...

Он лишь мельком оглядел ее лицо, заметил на нем тень неловкости и принужденности, поспешно поднялся. Валя, словно обрадовавшись, что разговор окончен, повернулась и ушла в доильный зал.

Костя вернулся к Зинке. Она все еще вздрагивала, прижимаясь то боком, то спиной к горячему котлу. Видимо, она все слышала, потому что смотрела на Костю с затененным ожиданием, настороженно, почти с испугом.

— Ты вот что, Зина, отогревайся и иди домой. Справятся тут без тебя. У вас же сквозняки кругом...

— Что ты! Нет, я уж доработаю, а то скажут — простуды испугалась.

— Мало ли что скажут... А если заболешь, лучше будет?

— Ничего, я крепкая... А ты домой сейчас?

— Домой.

Зинка вздрогнула и ничего не сказала. Подошел Пасько, пробасил:

— Выпей грамм сто, у меня есть.

— Придумал тоже! — рассмеялась Зинка. — От меня коровы шарахаться начнут.

— Тебе тоже не мешало бы, — обернулся Пасько к Косте.

Костя посмотрел в смеющиеся, преданные глаза Зинки, перевел взгляд на дверь и тряхнул головой:

— Давай, если не жалко.

8

К вечеру следующего дня Зинка слегла, а утром 30 апреля ее положили в больницу с воспалением легких.

В этот же день в клубе состоялось торжественное собрание. Лучшим рабочим отделения была вынесена благодарность, многим вручены премии. Валя получила отрез на платье, Зинка — нежнейшего желтовато-солнечного цвета кофточку. По требованию присутствующих, главным образом девчат, Николай Егорович Зыков развернул кофточку перед всеми и отдал ее Зинкиной матери.

Валя на концерт не осталась. Она, правда, потанцевала немного во время перерыва с кем-то из ребят и затем незаметно ушла.

Костя наблюдал за ней в щелку занавеса. Нет, Валя нисколько не изменилась. У нее были такие же живые, чуточку насмешли-

вые глаза, те же припухлые губы, знакомые до подробностей жесты. И все же Костя уловил в ее лице нечто новое. Валя словно повзрослела за эти недели, неприметно для постороннего глаза расцвела вместе с весной. И улыбалась она не так, как раньше, видимо, сдерживала себя, но за этой сдержанностью чувствовалась скрытая торжествующая радость. Встревожила Костю лишь тоненькая поперечная складочка над переносьем, временами отражавшая столь же потаенную озабоченность. Этой складочки не было раньше...

После концерта Костя сразу же пошел домой, но, очутившись на улице, понял, что домой ему идти вовсе не хочется, там он не выдержал бы... Выручил Сергей Коряков, тракторист, с которым Костю связывала давняя дружба. Неизвестно, догадывался ли Коряков о переживаниях приятеля, но он вышел вслед за ним, предложил:

— Зайдем ко мне? У отца, правда, гости, но мы отдельно...

— Пойдем, — с облегчением согласился Костя.

У Коряковых действительно были гости. Из горницы доносились нестройные и довольно громкие голоса, кто-то из женщин тоненько выводил старинную песню. Сергей провел Костю в маленькую комнатку за русской печью, принес с кухни закуску и бутылку «московской».

— Отец всегда Первое мая раньше всех отмечает, — сказал он. — А завтра будет ходить по селу трезвехонек и ругать тех, кто

с утречка загуляет. Дескать, сеять пора, а они пьянствуют...

— Весна нынче поздняя.

— Оно-то так, но и зевать особо нельзя. Нашей бригаде одного гороха до сотни гектаров надо посеять... Ну, выпьем?

— Что ж...

Выпили. Долго молчали. Потом Сергей осторожно осведомился:

— Слушай, Костя, ты чего такой пасмурный? Конечно, если не секрет...

— А я и не знал, — попробовал отшутиться тот. — Откуда ты взял?

— Ладно, — обиделся Сергей. — Давай еще по одной.

— Давай.

С улицы в комнатушку вошла мать Сергея, принесла откуда-то еще водки. Видать, в горнице веселье только разгоралось. Неведомо почему Варвара Степановна любила Костю и втайне мечтала выдать за него свою младшую дочь Лену. Даже слухи о том, что Костя дружит с Валею Лесуковой, не поколебали ее намерений.

— Здравствуй, Костенька, здравствуй, голубок, — заворковала Варвара Степановна, вынимая из кошелки бутылки. — Это вы чего же сюда забрались? Шли бы в горницу, повеселились бы вместе.

— Потом, мама...

— Ужо я Ленку покличу, нечего ей там с мужиками старыми валадаться.

— Она в клубе, мать, не скоро придет.

— Небось, скоро явится... А чего я сейчас видела, ну и ну! Иду неподалека от шко-

лы, и тут мне свет в глаза как ударит, чуть не ослепла. А это, слышь-ко, сам директор на своей машине, я сразу узнала, как вышел. Неужли, думаю, стряслось что... Не успела это подумать, а из школы уж бежит на свет учителя Валька. Юрк в машину — и погнали обратно. Это куда же ее опять увозят, в город, что ли?

Сергей слушал все это с притворным безразличием, тыкал вилкой в рыбу, лениво жевал, уставясь в стол. Захмелевший Костя криво усмехнулся, пробормотал:

— В гости, значит, поехала... с директором.

— Вот ведь почет ей какой! — в простоте душевной позавидовала Варвара Степановна. — Добилась-таки девка, а ведь у нас же в деревне выросла.

— Добилась! — вдруг вскинулся Сергей. — За красивые глаза ее катают и больше ничего.

— А красивые глаза — это плохо? — сощурился Костя.

— Поэтому ты и страдаешь? — отбросив деликатность, спросил Коряков и страшно смутился, когда Костя просто и как-то виновато ответил:

— Поэтому...

— Черт его знает... девка она, конечно, славная и все такое прочее... Но ты-то говорил с ней?

— Не о чем с ней говорить.

— И я так думаю... — Сергей выждал, когда уйдет мать, угрюмо добавил: — И перживать тут понапрасну не стоит.

— Ха, не стоит! Ты бы, значит, не переживал? — насмешливо и горько сказал Костя, навалившись грудью на стол. — А ты любил когда-нибудь по-настоящему?

— Ты брось эти пышные слова, — явно задетый, сердито заговорил Сергей. — Один ты по-настоящему любишь, что ли? Ну и люблю, просто люблю, понимаешь? Но ежели бы я для нее был как вот эта пустая бутылка, унижаться не стал бы.

— Не в том дело, Серега... Любовь никого не может унижить, я так считаю. Чувствую, что у Вали со Светозаровым что-то не то. Не могу объяснить, но чувствую. Хотя, пожалуй, все это ерунда и говорю я черт знает что. Выпил и разболтался... от большого ума.

— Да ты меня не стесняйся, — понимающе, тепло сказал Сергей. — Я так думаю: то или не то, а факт есть факт. Вальку тоже просто на машине не увезешь... Ты ее любил, а она тебя? Этим ты интересовался?

— Да как тебе сказать?.. Интересовался, да, наверно, не так, как надо бы. Ладно, ты меня извини, пойду...

— Ты вообще захаживай ко мне... помимо всего прочего...

Костя вышел на улицу, постоял у калитки. Отсюда были видны освещенные окна клуба, там продолжалось веселье, но Костя повернул к дому. Шел и почти всю дорогу рылся в карманах в поисках папиросы, хотя и помнил, что оставил пачку на столе у Коряковых.

«Может, и зря разоткровенничался с Сергеем, ну, а с кем же еще и поговорить? Такое не каждому выскажешь... Уехала, значит. Сергей прав: факт есть факт. Хотя и поганый, а факт. Нет, почему же поганый? Это же я про Светозарова так думаю, а откуда я знаю, что он за человек? Ну и заткнись, брат, нечего разную муть разводить. Забудь. Очень просто. Найдется и для тебя хорошая девушка...»

Костя остановился, пораженный этой мыслью, посмотрел вдоль светлеющей безлюдной улицы и неожиданно для себя сказал вслух:

— А ведь врешь ты все, Костя. Никого, кроме Вали, тебе не надо...

9

Проснувшись утром, он вспомнил о Зинке. Надо же было ей упасть в эту проклятую лужу. А ведь, если разобраться, это он во всем виноват. Допустим, он не просил у нее помощи, но это нисколько не меняло дела — Зинка все равно бы пришла. Уж Костя-то знает ее не первый день. Нет, все-таки она молодец, Зинка! Обидно, что она так нелепо заболела...

Наскоро одевшись, Костя побежал в больницу. Больница находилась в стороне от села, в небольшой сосновой рощице. Сосны там росли удивительные — тонкие, очень высокие и гладкие до самой верхушки, будто сестры-близнецы. Кора была у них нежного светло-золотистого оттенка, и Косте, когда

он бывал здесь, всегда хотелось погладить ее рукой. Но он не позволял себе этого, опасаясь, что кто-нибудь невзначай подсмотрит и посмеется над ним. Рощица не отличалась густотой и просматривалась насквозь. За ней начиналось дремучее разнородье — ели, березы, осины и тут же, в тесноте и обиде, разросся дикий кустарник, в который не рисковали забираться даже мальчишки.

Сейчас в роще еще лежал снег, но не сплошь, а островками, день ото дня вытесняемый вытаявшей землей. Где-то в вышине зябко шуршали под утренним ветерком сосновые кроны, внизу похрустывал под ногами образовавшийся за ночь тонкий ледок, но все равно весна чувствовалась во всем: в солнечных бликах на стволах деревьев, в оживленном щебете воробьев, в оголившейся прошлогодней листве, занесенной из леса. Костя шел по тропинке и ногой раскидывал слежавшиеся кучки иголок и листьев. Они разлетались в стороны с сухим веселым звоном.

В этот праздничный день в больнице дежурила знакомая Косте фельдшерица Люся, и она, конечно, не могла отказать ему в свидании с Зинкой, хотя и знала, что для больной это нежелательно.

— Я только на две минуты, — заверил ее Костя. — Очень ей плохо?

— Температура высокая, вчера без сознания была.

— Антибиотики-то у вас, по крайней мере, имеются? — хмуро спросил он, надевая халат.

— Не у тебя же их будем занимать, — сердито ответила Люся.

— Нет, серьезно. Ежели что требуется — я достану.

— Ладно, иди. Предупреждаю — не больше пяти минут, а то еще врач зайвится, упадет обоим.

Костя на цыпочках (хотя в этом не было никакой необходимости) прошел по коридору, осторожно открыл белую, без пятнышка, дверь. Наверное, халат беспокоил его — Костя вдруг заволновался и не сразу обнаружил Зинку. В небольшой комнате стояло три койки, но две пустовали, а крайнюю у стены справа занимала Зинка. Когда Костя увидел, что ее лицо прикрыто простыней, он невольно вздрогнул. И в ту же секунду Зинка, не смотря на слабость, порывисто откинула простыню.

— Это ты, Костя?

Он молча кивнул, подошел ближе.

— Садись. Вон стул...

Костя сел, с щемлящим от жалости сердцем вглядываясь в ее покрытое жарким румянцем, похудевшее лицо. На миг он даже ощутил исходящий от нее жар на своих щеках.

— Ну, как ты? Может, спала, а я разбудил?

— Какой там сон... — слабо улыбнулась Зинка, подтыкая одеяло и поправляя простынь: она не хотела выглядеть в его глазах неряшливой даже в больнице. — Просто так лежала, думала...

— Лучше сегодня?

— Конечно, лучше. Вчера, правда, совсем раскисла, а сегодня намного легче.

Костя опять кивнул, хотя не поверил ни одному ее слову. Он видел, как Зинка часто и трудно дышит, как бисеринки пота проступают на лбу, а щеки полыхают огнем... Он не знал, что ему делать — уйти ли сейчас, чтобы не затруднять больную разговором, или посидеть молча, попросив и ее не разговаривать. Но Зинка снова улыбнулась, на этот раз как-то смущенно, и сказала:

— А знаешь, о чем я думала?

— О чем же?

— Думала, придешь ты или нет... Мама была поздно вечером, премию мне показывала, а я так толком и не разглядела. А ты видел?

— Ага. Кофточка очень красивая. Говорят, китайская.

— Тебе понравилась?

Зинка попыталась повернуться на бок, чтобы удобнее было разговаривать и видеть Костю, но у нее ничего не вышло. Она виновато посмотрела на него и повторила попытку. Костя неуверенно обхватил Зинку вместе с одеялом и помог лечь так, как ей хотелось.

— Спасибо, а то я хуже ребенка стала, прямо зло берет. Такая уж я, видать, невезучая.

— А может, тебе вредно на боку лежать? И разговаривать тоже...

— Это почему же вредно? Нисколько не вредно, я же чувствую. Угораздило же меня шлепнуться в эту воду...

— Я тут во всем виноват.

— Вот еще! Не ты ведь пихал меня в лужу, сама полезла. Да и не в том дело. Простой осенью в полынью на реке провалилась и хоть бы что, а тут на тебе...

— Зина, тебе тяжело говорить...

— Ты торопишься? — вдруг холодно и вместе с тем испуганно спросила она.

— Нет, но может прийти врач, а Люся сказала — врач скоро придет.

— Ну и сиди, если не торопишься. — Зинка откинулась на подушку и прикрыла глаза. — Мне так лучше, понимаешь?

Она продолжала лежать с закрытыми глазами, и Костя понял, что Зинка ждет его ответа. Казалось, она даже притаила дыхание...

Костя чуть шевельнулся и взял ее горячую руку в свою ладонь. Горло ему сжала спазма, но он все-таки проговорил:

— Ты, главное, духом не падай... все будет хорошо.

— Я знаю... — Она слегка пожала ему пальцы. — Я скоро поправлюсь, вот увидишь. Но ты посиди еще немного.

— Конечно, поправишься...

Ему хотелось, чтобы она открыла глаза, потому что тогда он смог бы догадаться, о чем она думает, и в то же время его пугал ее прямой взгляд, в котором он читал почти все... Он вошел в эту комнату с чувством жалости и дружеского участия, но теперь Зинке этого было мало.

Милая, добрая Зинка! Если бы ты не была больной, такой беспомощной и доверчивой,

как все было бы проще и легче — тебе и мне... Какая у нее горячая рука. А вот и пульс — тоненькая, чуть трепещущая жилка, соединенная невидимыми нитями с Зинкиным сердцем. Это его трепет слышит Костя в своей руке, а она биение Костиного сердца не слышит. А вдруг слышит и поэтому не хочет открывать глаза?..

— Зина, мне пора... — тихо произнес он.

Ее светлые ресницы дрогнули и медленно приподнялись. Взгляд Зинки был странно глубоким и признательным.

— Ты проверял мой пульс? Чувствуешь, какой он хороший? Я же говорила, что мне теперь совсем лучше.

— Да, я это тоже заметил.

— Но ты еще придешь сюда?

— Обязательно! Если хочешь, завтра утром.

— Конечно, хочу. А то кто еще придет? Одна мама... Валька же не догадается навестить. Да и некогда ей теперь.

Только на крыльце Костя задумался над последними словами Зинки, но так и не мог угадать, почему именно теперь Вале некогда — потому ли, что осталась одна на «елочке», или по той, другой причине, о которой Зинка, конечно, не могла не знать... Неужели Валя так и не зайдет в больницу? Да нет, быть этого не может.

Прикуривая, он вдруг ощутил на правой ладони невыветрившееся тепло Зинкиной руки, зачем-то прижал ладонь к щеке, смущенно оглянулся — не видел ли кто? — и ускориł шаги...

— Валюша, ты чем-то расстроена? Что случилось?

Как всегда, когда Анна Сергеевна разговаривала с дочерью, голос у нее был мягкий, даже чуть робкий, по-матерински участливый. И кто ее знает, быть может, именно это всегда и раздражало Валю.

— Да ничего особенного... С Николаем Егоровичем поругались, — небрежно ответила она, продолжая переодеваться.

— Опять? — вздохнула Анна Сергеевна.

— А что же делать, если он просто дуб толстокожий, а не человек?

Анна Сергеевна взяла было из стопки очередную ученическую тетрадь, но вдруг задумалась и еще тише сказала:

— В таком случае, Валюша, следовало бы обратиться к самому Федору Федоровичу...

— Мама! — резко повернулась к ней Валя. — Я же предупреждала, чтобы ты не вмешивалась в мои дела. Неужели, по-твоему, я сама не знаю, когда и куда мне обратиться?

— Да, конечно, ты не маленькая, но...

Анна Сергеевна не договорила, потому что Валя ушла в свою комнату и прикрыла за собой дверь. Вряд ли бы она договорила и в том случае, если бы дочь была рядом. В последнее время с ней вообще стало трудно разговаривать. Но думать Анне Сергеевне никто не мог воспрепятствовать, и она думала, думала наедине с бесчисленными уче-

ническими тетрадами, и непонятная тревога охватывала ее материнское сердце.

Валя родилась в разгар войны, но ни тяготы самой войны, ни трудности послевоенных лет не оставили у нее никаких воспоминаний. И не только потому, что она была в то время еще ребенком. Просто ни тогда, ни позже в ее жизни не произошло ни одного события, которое врезалось бы в детскую память большой радостью или большой горечью. Потом она узнала о войне из книг, но и книги попадались такие, где было много романтики и подвигов и мало будничного труда и страданий. Вообще-то, конечно, в книгах было то и другое, все дело заключалось в Валином восприятии жизни: она не понимала и не любила всего того, что заставляло людей страдать, терпеть, унижаться.

Получилось так, что Валя до последнего дня даже не подозревала о давней и мучительной болезни отца. Когда он умер, ей было четырнадцать лет. Она как-то не ощутила его отсутствия, потому что в семье по сути ничего не изменилось. Как и прежде, мать души не чаяла в единственной дочери и все силы и помыслы устремляла на то, чтобы обеспечить Вале беспечальную жизнь. В этом она видела свой святой долг...

Но не об этом думала сейчас Анна Сергеевна... Она вообще редко вспоминала прошлое, может быть, потому, что считала его прожитым счастливо и безупречно. Да, ей не в чем было упрекнуть себя за прежние годы. Она делала для Валентины все, что могла,

и даже больше, чем могла. И вот лишь недавно почувствовала себя бессильной. Это было страшно и непонятно. Валя пошла каким-то своим путем, живет какой-то скрытой, обособленной жизнью, и Анна Сергеевна уже не в силах ни вмешаться в эту жизнь, ни направить ее снова в желанное русло. Что ж, видно, девочка выросла, а она, мать, стареет с каждым днем.

Однако с тем, что дочь стала действительно взрослой и уже не нуждается в материнских советах, Анна Сергеевна в душе никак не могла согласиться. Это было свыше ее понимания.

Она не видела большой беды в том, что Вале не удалось поступить в университет. Это сейчас не такое уж необычное явление. Валя молода, талантлива, обаятельна, умеет держать себя в хорошем обществе. Кому же и быть в университете, как не ей? И она, конечно, там будет. А то, что Валя пошла в доярки — безусловно, временно! — даже к лучшему. (Анна Сергеевна забыла в эту минуту, как она противилась неожиданному решению дочери, сколько слез выплакала в первые дни, видя ее по вечерам с потухшими от усталости глазами, с руками в мозолях и ссадинах). С таким-то почетом ей теперь любой институт не заказан. Анна Сергеевна всегда была высокого мнения о способностях Вали, но тут даже она поразилась необыкновенной удаче дочери.

Да и как было не поразиться: многие годы прожив в деревне, Анна Сергеевна почти не интересовалась тем, что происходило за

стенами школы и уж во всяком случае старалась держать Валю подальше от деревенских дел и забот...

Однако, сколько бы ни утешала она себя прописной истиной: молодым — расти, старикам — стареть, легче от этого не становилось. Но страдала Анна Сергеевна молча, смирившись с неизбежностью. Только бы Валя была счастлива...

В свое время мать не раз осторожно спрашивала у дочери, нравится ли ей Костя и вообще какие у них планы, но Валя отделывалась шутками. А Анне Сергеевне Костя нравился: ласковый и уважительный паренек...

Вдруг Костя исчез, и появился Светозаров. Но о нем Анна Сергеевна и заикнуться не смела. Светозаров был в их квартире два или три раза и показался прекрасно воспитанным и образованным человеком. Далеко не второстепенным обстоятельством в глазах Анны Сергеевны было и его служебное положение. И хотя она считала себя убежденной атеисткой, при последней встрече, прощая Валю со Светозаровым неведомо куда (Валя сочла излишним предупредить мать, куда и надолго ли едет), Анна Сергеевна с надеждой и затаенным страхом вслух прошептала: «Дай-то бог, чтоб у них все хорошо получилось...»

С этой то угасавшей, то снова возгоравшейся надеждой Анна Сергеевна ждала, что Валя сама придет к матери и расскажет обо всем, но Валя молчала. Лишь по выражению глаз и настроению она иногда пробовала

угадать, что происходит в душе дочери, но настроение у Вали менялось так быстро и беспричинно, что эти догадки ставили Анну Сергеевну в тупик. А тут еще разные неприятности по работе. И о них Валя рассказывала скупно, а сама Анна Сергеевна не удосуживалась разузнать подробности от других.

Вот и сегодня: из-за чего Валя поругалась с Николаем Егоровичем? Такой добрый и заслуженный мужчина, хотя и сняли его недавно с директоров. А может, и не сняли, просто перевели на отделение по старости. Но уж если Валя права, почему же она не обратится к Светозарову? Он-то, чай, повыше Николая Егоровича...

Об этом и еще о многом другом передумала в тихий весенний вечер старая учительница, неспешно перебирая ученические тетради. Правда, на улице, не умолкая, шумела жизнь, звенели ручьи, перекликались, устриваясь на ночлег, птицы, но все эти посторонние звуки не проникали в уютную, с занавешенными окнами, комнату Анны Сергеевны, не мешали ей размышлять и аккуратно подчеркивать грамматические ошибки своих учеников...

11

А у Вали с Николаем Егоровичем произошло вот что...

Она уже третий день работала без Зинки. К этому Валя не привыкла. Все эти месяцы, изо дня в день, Зинка была под рукой, ни на какую другую помощницу Валя ее не про-

меняла бы. Покладистая и неутомимая, Зинка умела все и в то же время ничего не делала без спросу. Она была как бы живым придатком к Валентине, послушным и исполнительным, без всяких претензий. Встречаются такие люди. Когда они на месте, их почти не замечают, но стоит им уйти или заболеть — и окружающие с уважением говорят о их незаменимости.

Валя никаких особых чувств к Зинке не испытывала, просто сразу ощутила, что без Зинки ей тяжело и слишком хлопотно. Сегодня, измучившись и изнервничавшись за смену, она не стала после вечерней дойки промывать аппараты, а тотчас же направилась в контору. Еще с порога зыковского кабинета, не прикрыв за собой дверей, возбужденно заговорила:

— Николай Егорович, вам известно, что надои на «елочке» падают? А почему, по-вашему?

Зыков по застарелой привычке неспешно, с достоинством приподнял от бумаг посеребренную, в редких завитушках, голову, снял очки, внимательно посмотрел на Валентину и спокойно просипел:

— А я, грешный человек, только собирался у вас об этом спросить. Присаживайтесь, Валентина Николаевна.

— Вы что, шутите? Хотите все свалить на меня и умыть руки? — угрожающе понизив голос, спросила Валя; тонкие крылья ее носа дрожали от негодования. — Скотный двор утопает в воде — об этом я должна позаботиться?

— Вы бы потише... Я посылал людей, но пока снег не сойдет, вода будет.

— О кормах тоже я обязана думать?

— Зачем же вы? Мы обязаны думать. И думаем. Вспомните-ка, сколько вы концентратов за зиму перевели? Другие фермы и в глаза столько не видели. Имейте в виду, мы и сейчас рационы не намного уменьшили. А ежели с доставкой перебои бывают, то сами же видите — распутица...

Валя с размаху села на ближайший стул.

— Они, видите ли, думают! Рационы не уменьшили, а коровы стоят полуголодные, застужают ноги в ледяной воде. Хороши порядочки, нечего сказать... А вам, по крайней мере, известно, что моя помощница лежит в больнице?

— Очень даже известно, — недобро усмехнулся Николай Егорович. — Смеею напомнить, когда вы разъезжали по собраниям и совещаниям, помощница ваша не предьявляла особых претензий.

— Значит, по-вашему, я не должна была ездить?

— Я этого не сказал. Я просто устанавливаю факт.

— Я тоже устанавливаю факт: тогда таких безобразий на ферме не было. Что же это за школа передового опыта у нас будет?

Зыков достал носовой платок и тщательно протер очки. Но не надел их, а бережно положил снова на стол и сказал:

— Знаете ли, я человек тертый в подобных делах... Вы об этой самой школе в газете вычитали?

— Почему в газете? Сам же Дубровин говорил. Забыли разве?

— Говорил, верно. А школы-то нет как нет. И не будет, по-моему.

— Это как же понимать? — заикаясь, спросила Валя.

— А как хотите. У Дубровина да и остальных, надо полагать, сейчас другая работа — сев. Провалим его — всем на орехи достанется, это уж как пить дать. Ну, а там, сами понимаете, подойдет уход за посевами, заготовка кормов, потом уборка... Всему свой черед, Валентина Николаевна. Учиться, видать, зимой начнем.

Валю до глубины души возмущал его спокойный, откровенно насмешливый тон. Она вскочила со стула, подошла к Зыкову вплотную.

— Это что же получается? Пошумели — и хватит? До следующей зимы, значит? А весь позор на меня?

На этот раз Николай Егорович поспешно откинулся на спинку стула, задышал шумно и часто.

— А вы, что же, трудностей испугались? И без того для вас делают, что можно. Что вам еще надо от меня?

— Устраните беспорядки на ферме, не суйте мне палки в колеса. Через несколько дней там будет море грязи. Подвезите хотя бы шлаку. А кроме того, мне нужна на время помощница.

— Ага, — язвительно скривил рот Зыков. — Еще что? Может, дать трех, а заодно перейти на ручную дойку?

— Тогда дойте их сами! А я буду жаловаться Дубровину.

Валя круто повернулась и пошла к дверям. Губы Зыкова заметно посинели, он почти задышался. Опомнившись, он приподнялся и натужно, но достаточно громко, чтобы его услышали в соседней комнате, выкрикнул:

— Жалуйся хоть самому Светозарову!..

Этот нелепый выкрик, этот явный и грубый намек на ее связь с директором совхоза хлестнул Валю будто плетью, краска разом залила ее лицо и не сходила всю дорогу до самой школы...

И даже теперь, лежа у себя в комнате на неразобранной постели, снова и снова вспоминая весь разговор с Зыковым, Валя то краснела от неведомого стыда, то заново кипела негодованием. Почему она не вернулась, почему прямо и смело не сказала Зыкову: «Да, я люблю Светозарова и поэтому не буду ему жаловаться, а вам до этого нет никакого дела. Никакого, понятно?..». Почему она так глупо покраснела тогда, на виду у людей, словно ее обвинили в чем-то постыдном? Да пусть весь свет знает о ее любви, пусть все завидуют ей, если им всем не везет в жизни. О, какой она оказалась малодушной! Сможет ли она теперь так же открыто, с чистой душой посмотреть Федору в глаза, как смотрела несколько дней назад?..

Да, но он сам просил ее никому не говорить о их любви. Странно, чего он боится? Ведь все равно скоро все узнают... Вспомнив

недавнее, Валя прикусила губу и плотно зажмурила глаза. Но это всплыло и стояло перед ее взором, и ей вдруг, неизвестно почему, стало страшно...

Накануне майского праздника Светозаров заехал за Валею и отвез ее на квартиру одного из своих знакомых, жившего в поселке сплавщиков, на берегу Сухоны. Компания была небольшая — человек пять-шесть мужчин и женщин. Никого из них Валя раньше не знала, однако уже после первого тоста перезнакомилась со всеми, а еще через полчаса перешла с ними на «ты». Но в общем-то новые знакомые интересовали ее мало. Душой общества был Светозаров. Он пил много, но не пьянел, рассказывал забавные анекдоты, играл на гитаре и пел приятным баритоном чувствительные, берущие за сердце куплеты. Валя весь вечер не спускала с него глаз, говорила и улыбалась только ему и ради его. Было удивительное, никогда прежде не испытанное ею ощущение легкости, свободы и счастья, куда более сильное, чем тогда, в Доме культуры... Валя плохо помнила, как они очутились одни. Светозаров носил ее на руках, и она сама целовала его, потом он положил Валою на диван. От выпитого вина у нее кружилась голова, но ей почему-то казалось, что никогда она не была такой ловкой и сильной, как теперь. Пожалуй, она легко могла бы пронести Светозарова по комнате на своих руках — не хуже, чем он ее. Валя крепко обнимала его за шею и смеялась, когда он пытался вернуться, освободиться... Для нее это была

игра, необычная и приятная, и ей хотелось, чтобы Светозаров тоже принял в этой игре участие. Но когда он вдруг грубо и недвусмысленно схватил ее, Валя испугалась. Хмель разом вылетел из головы. Она с трудом оттолкнула его и вскочила с дивана, оправляя платье.

— Ну, чего ты, дорогая? Чего ты испугалась? — слегка дрожащим голосом спросил он, подходя к ней и обнимая за плечи.

Валя смутно осознала, что чем-то оскорбила его, он выглядел таким жалким и обиженным. А вдруг он обиделся серьезно? Стыд охватил ее — не за него, а за себя, сделавшей что-то не так, как, наверно, следовало бы сделать в таких случаях. Стыд и боязнь потерять его...

— Извини меня, милый. Я все-таки опьянела... — Валя спрятала лицо на его груди. — Я не хочу этого, и ты тоже не должен...

— А что же я должен? — усмехнулся Светозаров, но она не могла видеть этой усмешки.

— Ну... просто любить меня...

— Просто не любят. Ты же взрослый человек и должна понимать... Я, видишь ли, не создан бесчувственным истуканом. Но ты, значит, не любишь меня?

— Нет, нет!.. То есть, да, но... — Валя подняла голову. Светозаров смотрел на нее с насмешливой отчужденностью, и ее опять охватил страх потерять его. — А ты... любишь меня?

— Разумеется, — с той же грустной полуулыбкой ответил он. — Ну, успокойся и давай сядем. Ты не торопись?

— Н-нет... — Она села, и Светозаров нежно обнял ее. — Федя, я все хочу спросить... как же мы дальше будем?

Она хотела спросить: «Ты женишься на мне?» — но слова эти застряли в горле. Неужели он сам не скажет об этом? Валя притаила дыхание, не решаясь взглянуть на него.

— Главное, что мы любим, а остальное неважно, — быстро ответил Светозаров, как бы давая понять, что разговор на эту тему преждевременен. — Жизнь только начинается, и у нас все впереди, понимаешь? Надеюсь, ты веришь мне?

— Да, я верю, — благодарно сказала Валя. — Как же иначе? И кому же мне еще верить?

— Вот и хорошо. Ничего не бойся... Хотя, говорят, жизнь и сложная комбинация, но надо всегда рассчитывать на лучшее. Я, по крайней мере, твердо рассчитываю... Да и ты... Ты же современная девушка и не должна поддаваться всяким старомодным пред-рассудкам...

— Что ты этим хочешь сказать? — спросила она, хотя и догадывалась — что. Но прежнего страха уже не было. Федя так крепко и нежно обнимал ее!

— Только то, что ты самая красивая, милая и умная... Принести вина? Совсем немного? У меня что-то голова разболелась.

— Да, — прошептала она.

Они выпили по рюмке. Потом он легко поднял ее и посадил к себе на колени.

Занимался мутный, сырой весенний рассвет. За единственным в комнате окном веселее зажурчали укрытые за ночь тонким ледком ручьи, с нарастающим шелестом и бульканьем плыла по окраинам Сухоны шуга, просыпались шустрые воробьи... Но Валя ничего этого не видела и не слышала. Она лежала на диване полураздетая, с закрытыми глазами, притихшая, обессиленная, растерявшая недавнюю веселость и уверенность. Она чувствовала только, что случилось непоправимое, и хотя ни в чем не раскаявалась, ей вдруг стало жалко себя. Но тут же Валя отбросила эту непрошенную жалость. Ведь Федор с ней, рядом, вот он легким прикосновением целует ее закрытые глаза, а главное, скоро они всегда будут вместе, и не надо ни о чем таком думать и жалеть, так должно было случиться...

Кружным путем он довез ее до окраины села. В машине оба молчали. Светозаров выглядел смущенным, его виноватый вид трогал и вместе с тем почему-то беспокоил Валю. Казалось, не она, а он жалеет о том, что произошло между ними. Валя растерянно взглянула на него, но заговорить не было ни сил, ни желания. Смутная тревога закрадывалась в ее сердце.

— Ты на меня не сердишься? — спросил он, когда машина остановилась и Валя открыла дверцу.

— Что ты! — Она вымученно улыбнулась. — Я... я сама во всем виновата.

Он не стал ни возражать, ни утешать ее, только сказал:

— Пожалуйста, никому ни о чем не говори, это очень важно.

— Но...

— Я очень прошу тебя! Пойдут криво-толчки, сплетни, а это вовсе ни к чему... ни тебе, ни мне.

— Хорошо... Когда мы встретимся? Ты приедешь?

— Конечно. Постараюсь даже завтра. Если вдруг куда-нибудь не вызовут или не задержат срочные дела.

— Кто же может вызвать в праздники?

— Время сейчас такое, что хлеборобам не до праздников. Все должно быть подготовлено до винтика. Уже есть участки, где завтра можно пахать. Дубровин звонит каждый день, да я и сам не намерен зевать. Но я постараюсь...

— Я буду ждать... очень...

Губы у нее дрогнули, она только сейчас поняла, что он так и не поцелует ее на прощанье. Светозаров сидел, положив руки на руль, сосредоточенный и даже хмурый, и был совсем не таким, как там, в комнате... Валя медленно повернулась и пошла, оскользаясь, по схваченной утренним холодком дороге...

Но и тогда и вот теперь, когда острота первых переживаний вроде бы притупилась, Валя действительно не сердилась на Светозарова. Сейчас она более, чем когда-либо, понимала, что вела себя легкомысленно и прометчиво. Что из того, что она любит Фе-

дора и готова ради него на все? Все равно так поступать она не имела права. Куда девалась ее гордость? Подумать только — она сама почти повесилась ему на шею, наивно допытывалась, любит ли он ее. А он вовсе и не любит, раз не приехал ни позавчера, ни вчера, ни сегодня. Конечно, он считает ее наивной простушкой, с которой любопытно позабавиться, и он прав. Как это все мерзко и глупо! Наверно, он думает, что Валю соблазнил его чин, а ей наплевать на любые чины. Разве она виновата, что полюбила просто человека и поверила ему?..

Но эти мрачные мысли недолго владели Валею, да и возникли они лишь сегодня, потому что Светозаров все не ехал и не ехал и не подавал никаких вестей. Конечно, его задержали дела. Он непременно приедет, как только освободится. А может, позвонить ему? Из конторы нельзя, но телефон есть в сельпо. Ах да, сейчас уже поздно. Хорошо, она подождет до завтра. Ей так много надо сказать ему...

12

Все эти дни Светозарова буквально лихорадило. Вот уже третье утро специально купленный будильник оглушительно тревожным звоном, пугая за стенкой соседей, поднимал Федора Федоровича ровно в половине седьмого, хотя, откровенно сказать, особой нужды в том не было. Но директора совхоза одолевало нетерпение. Ему все казалось, что если он проспит и лично не поторопит людей, главный инженер и механик тоже бу-

дут прохладяться, мастерские откроются с запозданием, агроном, вообще-то нерасторопный человек, забудет выполнить данные ему вчера поручения...

С непривычки вставать рано пробуждение Федора Федоровича было мучительным. Отрванный от сна внезапным звонком, он вздрагивал, ошалело мигал, потом зарывался головой в подушку и на ощупь натягивал одеяло. Однако будильник гремел, как при пожаре. Светозаров, тоже на ощупь, тягивался до него и, мысленно чертыхаясь, выключал. Однако и после этого встать было не так-то просто. Веки упрямо слипались, все тело было вялым и непослушным, оно не хотело расставаться с теплой и мягкой постелью.

Все-таки минут через десять Светозаров поднимался и в первую очередь подходил к окну. За окном как будто все то же, что и вчера, но Федор Федорович уже притягивался к давно знакомой картине и замечал малейшие перемены. Вон на дороге обнажилась до земли не только колея, но и бровки кюветов. С сосулечек на соседней крыше даже в этот ранний час стекали, словно выдавливаемые из пипетки, едва видимые прозрачные капли, а вчера этого не было. Да и сосулечки стали совсем тоненькие и гладкие, похожие на блестящие иголки. Небо, правда, хмурилось, но по некоторым признакам Светозаров угадывал, что эта грязноватая облачность ненадолго, к полудню, а то и раньше на землю хлынет солнечное тепло.

Пока он наскоро прибирал свою немудреную холостяцкую комнату, умывался и завтракал, проходило еще минут сорок. За это время окончательно выветривалась из головы сонная одурь.

Получалось как-то так, что когда Федор Федорович заявлялся в контору, потом в мастерские и в другие места, он обнаруживал, что инженер уже успел побывать в первом отделении и сейчас уточняет график работы на севе, в мастерских слесаря заканчивали ремонт очередного культиватора, а агроном с кладовщиком заняты подсушкой и яровизацией семян...

«Знают, что проконтролирую, и не потом, а именно сейчас, с утра, — удовлетворенно думал Светозаров. — Здесь без этого нельзя. Начнем сев — придется удвоить требовательность. В прошлом году совхоз почти наравне с колхозами шел, ну, а нынче этого не будет».

Как можно быстрее начать сев, больше того — первыми засеять хотя бы пять-десять гектаров — эта мысль неотступно преследовала Светозарова, что бы он ни делал, с кем бы ни разговаривал. Он каждый день ездил по полям, искал подсохшие, пригодные для пахоты или культивации участки, увязая в грязи, лично пробовал, выдержит ли земля тяжесть трактора. Таких участков пока не находилось, но одно поле Светозаров сразу же взял на особый учет. То было красивейшее место — обширный косогор, полого спускавшийся к речке, километрах в шести от центральной усадьбы. По гребню косогора

протянулся негустой лесок — молоденькие березки, осинник, ольха. Отсюда можно было разглядеть далекие деревни, подернутые тонким маревом испарений, забытую всеми церквушку на высоком холме и все поля окрест, не укрытые лесом. На много километров прослеживались капризные извивы протекавшей в низине речки, по берегам которой еще держались изумительной на фоне обнаженного черного леса белизны снежные островки.

Спрятавшись за гребнем от студеного северного ветра, косогор каждую весну первым подставлял свою грудь солнцу и в иные дни как бы дымился, выдыхая в воздух излишнюю влагу. Талая вода самотеком пробивала себе путь вниз, в речку.

В первый раз Светозаров приехал сюда 5 мая. Он поднялся по косогору от речки до самого гребня. В иных местах нога увязала по щиколотку, в других почва вполне сносно выдерживала человека. Хуже всего оказалась середина поля, полоса шириной метров в двадцать — там под сухой потрескавшейся коркой попросту было густое месиво. Федор Федорович не мог понять, в чем тут дело. Неужели здесь вода течет поперек косогора? Даже если и так, через пару дней все подсохнет. Скорей всего, он случайно попал на застойное место, ничего больше.

В тот же вечер Федор Федорович позвонил бригадиру второй бригады Филиппу Попову и приказал ему послезавтра утром пригнать один трактор с плугом на косогор. Попов, кажется, пробовал что-то оспаривать,

но Светозарова отвлекли, и он сказал только: «Послезавтра поговорим...»

Уверенность в том, что наконец-то ему удастся развернуть сев и опередить других, не покидала Светозарова весь следующий день. Хорошее настроение не мог испортить даже звонок Дубровина и последовавший затем довольно щекотливый разговор.

Спросив Светозарова, когда тот думает начать пахоту, и получив ободряющий ответ, Дубровин вдруг сказал:

— Слушай, на тебя есть серьезная жалоба...

— От них, Петр Петрович, никто не застрахован. Особенно в нашем деле.

— Так вот, звонила мне вчера Валентина Лесукова. Надеюсь, знаешь такую, а?

Федор Федорович заметно побледнел и двинул креслом.

— Одну минутку, Петр Петрович... — Он плотно прикрыл ладонью трубку и сказал сидевшему в кабинете главному бухгалтеру: — Ты выйди пока, у меня серьезный разговор. Зайдешь после...

Тот пожал плечами и, сунув под мышку папку, вышел.

— Я слушаю, Петр Петрович.

— Так вот, Лесукова жалуется, что ей не создают нормальных условий для работы, больше того — нарочно создают трудности. (Кровь постепенно вновь начала приливать к щекам Светозарова). Вода, грязь вокруг скотного двора, перебои с кормами, а тут еще помощница заболела. Тебе известны эти факты?

— Нет, не известны, — твердо ответил Федор Федорович. — Никаких жалоб от Лесуковой не поступало, сам я в последние дни на ферме не мог быть, потому что... ну, вы знаете — почему, я уже говорил.

— Но у тебя же есть управляющий отделением, специалисты. Ты видел итоги работы доярка за апрель?

— Не успел, Петр Петрович. Просто не хватает на все времени...

— Надо успевать, на то ты и директор. Лесукова с первого скатилась на одно из последних мест. Выходит, беспорядки начались на ферме не сегодня и не вчера. А может, сама Лесукова иначе стала относиться к делу?

— Когда мы с вами были...

— Вот что, Светозаров, меня машина ждет, еду в заречные колхозы... Немедленно разберись в этой истории, накрути там хвост кому следует. Безобразия! В областную сводку теперь ваша «елочка» не попадет, а этим могут заинтересоваться. В мае вы должны ее вытянуть во что бы то ни стало. И давай поторавливайся с севом. Не может быть, чтоб у вас не было подсохших участков. Сам видишь — время уходит.

— Завтра начнем, Петр Петрович, слово даю.

— Я, наверное, не смогу у тебя побывать в ближайшее время, да и другие работники управления тоже. Все внимание — колхозам, там вовсе худо раскачиваются. «Мокрые» настроения, знаешь... Или, может, захватить, помочь и тебе?

В голосе Дубровина Федор Федорович почувствовал добродушную иронию.

— Сделаю все, что могу, Петр Петрович. Сам на полях круглые сутки буду. Не беспокойтесь, все посеем в самые короткие сроки.

— Еще бы! Агроном с высшим образованием, а энергии при твоём возрасте на двоих должно хватить. Ну давай...

— Всего хорошего, Петр Петрович...

Светозаров не просто с облегчением, а с каким-то ребяческим удовольствием, словно это была занятная игрушка, положил трубку и даже погладил ее, черную и равнодушную, ладонью. Ага, значит, вот в чем дело! Это совсем не то, чего он опасался. Что же, он уже давно понял, что весенний сев — первый и самый ответственный его экзамен в качестве руководителя большого хозяйства. Так, конечно, расценивают это в управлении да и в области. Они поверили в него, так сказать, авансом, когда назначали директором совхоза. Будьте уверены, Светозаров этот экзамен выдержит, хотя бы все небесные хляби разверзлись над ним. Он не настолько глуп, чтобы не понимать — от этого зависит его будущее. Решающая ступенька в это будущее будет пройдена с блеском...

О каких это безобразиях говорил Дубровин? Ах да, Валентина... Что за чертовщина! Она ни словом не обмолвилась ему об этом. Все-таки хорошо, что она позвонила Дубровину, а не ему, Светозарову. Как бы он сейчас с ней разговаривал? Как это все необдуманно получилось... Однако выяснить

придется, а то, чего доброго, Валя разыщет Дубровина и в заречных колхозах. Может даже в область позвонить, ее там тоже знают. Вообще неизвестно, что она способна выкинуть в ее положении. Хотя... Девушка она, кажется, без предрассудков и вряд ли станет особенно переживать.

Светозаров снял трубку другого телефона, вызвал третье отделение и велел срочно найти Зыкова. Тот позвонил через полчаса. На этот раз Федор Федорович попросил бухгалтера остаться в кабинете.

— Что у вас там на «елочке» творится, Николай Егорович? Вы итоги работы доярок за апрель читали?

— Лесукова, значит, пожаловалась? — понимающе прохрипел в трубке голос Зыкова. — А вы бы, Федор Федорович, приехали к нам, посмотрели...

— Вы что, шутите? Завтра у меня пахта, а я бы поехал к вам, опытному хозяйственнику, и распорядился привезти солому. Экая беспомощность!

— Погодите, Федор Федорович, да на что она жаловалась-то?

— И вы еще спрашиваете? Это я вас должен спросить, что сделано и делается по устранению беспорядков на «елочке».

— Что надо, то и делается, — после некоторой заминки недоброльно проговорил Николай Егорович. — У меня тоже не одна «елочка» на руках... С кормами, верно, трудновато, да это же не у нас одних. Ну, а грязь... Дайте мне машину, я подвезу шлак с льнокомбината.

— А своя что делает?

— Поломались, черти, ремонтируют...

— У меня тоже свободных автомашин нет. Одна в городе, две семена развозят. Ремонтуйте и возите шлак. Помощницу Лесуковой подобрали?

— Нету помощницы, — мрачно ответил Зыков и вдруг взорвался: — Да что она панику разводит, в самом деле! То ей подай, это сделай, а там и делать-то особо нечего. Весна же, сами понимаете... Пройдет сколько-то времени и все войдет в норму. А то чуть заело, она и давай всем плакаться. Мало того — людей оскорбляет...

— Ну, это уже эмоции у вас... Давайте дело делать. Когда пахать начнешь?

Зыков откашлялся, потом сказал:

— Сыро пока, Федор Федорович...

— Вы мне эти сказки бросьте. Старое клеверище под Березовской вполне можно распахивать. Да и вообще... Проойдитесь-ка сейчас по полям и выводите тракторы. Ждать больше нечего.

— Ладно, — буркнул Зыков.

— Давай...

Рассеянно глянув на бухгалтера, почтиительно сидевшего поодаль от стола, Светозаров подумал: «А может, съездить к Зыкову? Заодно с Валей поговорить. В рабочей обстановке это было бы легче... Нет, лучше позже. К тому же мне и в самом деле некогда».

— Ну, что там у вас? — обратился он к встрепенувшемуся бухгалтеру. — Давайте побыстрее, меня машина ждет...

О разговоре с Дубровиным и Зыковым Федор Федорович вскоре забыл, однако его хорошее настроение все же было испорчено — и совершенно неожиданно. Он уже садился в машину, когда девушка-почтальон с улыбочкой вручила ему письмо. Светозаров кивком поблагодарил ее и разорвал конверт. Тревожное предчувствие не обмануло его: письмо было от Ольги. Он прочел и, помрачнев, велел шоферу трогать.

Федор Федорович побывал на полях наиболее отдаленного первого отделения, но ничего утешительного там не обнаружил. Хотел было съездить на присухонскую пойму, предназначенную под овощи, однако вдруг передумал и, не глядя на водителя, кашлем маскируя досадную хрипотцу в голосе, сказал:

— Поедем, Саша, в город. Да не очень гони, не к спеху...

Ехал Светозаров туда с беспокойным сердцем, явно потеряв обычную самоуверенность. И то, что он, решившись на поездку, так и не сумел восстановить душевного равновесия, приводило его в бешенство. Невольно сунул руку в карман, чтобы еще раз перечитать письмо, и тут же вспомнил, что и так знает его наизусть.

«Ты не приехал на праздники, хотя отлично знал, что я ждала тебя. По-видимому, чувствование знатных доярок на квартирах друзей входит в твои служебные обязанности. Что ж, это похвально для молодого

директора. Я, разумеется, горжусь твоими успехами и хотела бы поговорить с тобой о них, чтобы выяснить наши отношения. Ольга».

Светозарова бесил не только иронический тон письма (он знал, что за этой иронией кроется и горечь), сколько собственная неосторожность и непредусмотрительность.

«На кой черт надо было везти Валентину к Серегину да еще приглашать гостей? Какой же подлец сообщил Ольге о вечеринке? Серегин не мог, я его давно знаю, но там еще были люди. Могут из мухи сделать крокодила. И сделают, сволочи. И будут злорадоваться, когда моя репутация полетит к черту».

В конце концов за Ольгу Федор Федорович не слишком беспокоился, она умная женщина и поймет все, но Валя... Как быть с ней? Не было смысла сейчас вновь копаться в душе и допытывать себя, любит ли он ее. Об этом думано и передумано сотни раз. Слов нет, Валя красивая девушка, и на его месте вряд ли кто устоял бы перед ее юностью и свежестью, особенно с Валиным романтическим характером. А может, в отношении его у Валентины был трезвый расчет? Кажется, она из тех, кто, и увлекаясь, не забывает о своих практических интересах...

Светозаров и сам чувствовал шаткость и фальшь этих рассуждений. Он понимал, что главное не в этом. Главное было в том, что он не мог заставить себя усомниться в искренности Валиных чувств к нему. И сколь-

ко бы Светозаров ни вилял в мыслях вокруг этого главного вопроса, он наконец вынужден был признаться самому себе, что выглядит перед Валею подлецом. Конечно, и она, так легко поступившись девичьей гордостью, несла свою долю вины, но он-то не имел права воспользоваться ее слабостью. Пожалуй, Валя не похожа на тех случайных женщин, с которыми судьба сталкивала его когда-то. Там все было проще, никаких переживаний, а теперь...

А впрочем, все это не так страшно, как он представляет. Незачем преувеличивать. Если Валя сама не поймет, что он не может на ней жениться, тогда он все объяснит ей. Это будет честно и благородно. Из гордости и самолюбия она, конечно, никому ни в чем не признается и быстро найдет утешение с этим пареньком... как его? — ах да, с Костей. В ее возрасте любовь вспыхивает так же быстро, как и гаснет. У нее же жизнь только начинается, а ему пора уже обрести покой и солидность.

С некоторых пор покой и солидность, несмотря на кратковременные срывы, довольно устойчиво связывались у Светозарова с его планами насчет Ольги. Определенного плана, собственно, не было, но, чем дальше продвигался он по служебной лестнице, тем сильнее утверждался в мысли, что лучшей жены ему и искать нечего. Ольга была не столько красивой, сколько обаятельной женщиной, а главное — она была умна, опытна, образованна, умела вести себя в порядочном обществе. Торопиться Светозаров не хотел,

холостяцкая жизнь еще отнюдь не надоела ему, но и терять Ольгу ни в коем случае не собирался. Сейчас он пытался угадать, как Ольга поведет себя с ним и как ему с ней держаться. Ну что же, если она разозлена не на шутку, он сделает ей предложение. А может, обойдется и без этого...

Подъезжая к городу, Федор Федорович уже уверенно и бодро проговорил:

— Правь на Кооперативную, у магазина свернешь...

Саша кивнул — он давно знал эту дорогу и адрес, где должен был остановиться.

Через десять минут взвизгнул тормоз, и машина, как вкопанная, встала возле двухэтажного деревянного дома в тихом, почти безлюдном переулке.

— Ты подожди здесь с полчаса, я выйду — скажу, останусь или нет.

На этот раз шофер не кивнул и даже не обернулся, словно ничего и не слышал. Федор Федорович неловко потоптался около машины и пошел к калитке.

«Уж ежели приспичило, ехал бы один, я-то тут при чем? — исподлобья глядя в спину директора, думал Саша. — Мерзни тут из-за чужих удовольствий. Небось, когда Вальку в поселок возил, так машину без спросу взял, третий, мол, лишний. Да я-то все знаю, не слепой. Ну и бабник, леший, ловко это у него получается! — с неожиданным восхищением цокнул он языком и тотчас вновь нахмурился. — К черту! Завтра же попрошусь на трактор, хватит за кучера мотаться...»

По знакомой лестнице Светозаров через две ступеньки взбежал на второй этаж. На площадке остановился, перевел дух, прислушался. Кругом тихо. Он знал, что Ольга дома, — видел с улицы свет в ее окне. В этот час она всегда была дома. Медленно приблизился к двери, постучал не сразу. Надо было еще раз собраться с мыслями, привести их в порядок. Жаль, что не удалось переодеться, в этой пыльной куртке и сапогах Ольга не привыкла его видеть. А может, это к лучшему? Он занятый человек, хлебороб, ему сейчас не до приличий.

При виде Светозарова Ольга изобразила на своем лице крайнее удивление и неприступность. С холодной вежливостью сказала:

— Ну что же, входи, из коридора сильно дует.

В эту минуту Федор Федорович действительно ощутил, как его обдало холодным ветром. Однако он тут же определил линию поведения: главное — не чувствовать себя виноватым.

— Здравствуй, дорогая. Извини, что я не смог приехать на праздники. То, что сообщил тебе некий аноним — а я уверен, что это аноним — не играет тут никакой роли. Меня пригласили друзья, я не мог отказаться. Подожди, я расскажу тебе все. Ты позволишь раздеться? Я здорово устал. С поля и прямо сюда...

Она прислонилась спиной к шифоньеру, по-прежнему неприступная и непривычно чужая.

— Можешь не рассказывать, подробности меня не интересуют.

Светозаров уже снял плащ, машинально взбил и пригладил ладонями свою шевелюру, мельком оглядел себя в зеркало.

— Да никаких подробностей не было. Что за чушь! — с возмущением заговорил он. — Да, Лесукова была в компании, и что же из этого следует? Положительно, Оля, я тебя не узнаю. Придавать какое-то значение пустякам! Я даже отвез эту доярку на своей машине. Это еще совсем ребенок. Как ты могла поверить?

— Чему поверить? — быстро, в упор спросила Ольга.

Светозаров на мгновение смутился.

— Ну, я не знаю, что тебе наговорили... Могли наболтать черт знает что, злопыхателей в совхозе немало. Кое-кто рассчитывал заставить меня под их дудку плясать, но не вышло. И этими подленькими уколами они тоже ничего не добьются. — Он на шаг приблизился к ней. — Оля, я должен знать, о чем тебе насплетничали, чтобы защищаться.

— Ничего особенного. — Обойдя его, она остановилась у стола, плотнее запахла халат. — Только то, что это была не первая твоя встреча с красивой доярочкой. Недаром же ты с таким энтузиазмом собираешься защищаться.

Светозаров злыми глазами посмотрел ей в затылок, мысленно отметил, что прическа у Ольги не та, какая была в последнюю их встречу, заговорил тоном незаслуженно оскорбленного человека:

— Значит, ты мне не веришь? Напрасно... Глупо, что я стал оправдываться. Ладно, не будем об этом. Но я не мог не приехать, получив от тебя такое письмо. Бросил все и приехал. Учти, если бы я был виноват перед тобой, я не приехал бы, вот и все.

Он заметил, что голова ее опустилась ниже, а открывшаяся белая полоска шеи показалась ему беззащитной и легко доступной.

— Ты мог бы приехать и без письма. Не думаю, чтобы ты Первого мая лазил под трактор или занимался другими делами.

Светозаров усмехнулся. Он уловил в ее голосе не ледяную иронию, а лишь упрек, пусть горький, но всего только упрек. Подойдя, он сзади сжал ладонями ее плечи.

— Вот тут я виноват, дорогая. Но вечером я должен был присутствовать на празднике в клубе. Поверь, мне так хотелось побыть тогда с тобой...

Федор Федорович прижался лицом к ее волосам, потом повернул Ольгу к себе. Она сопротивлялась, но не слишком. И хотя ее губы не ответили на его поцелуй, он понял, что лед окончательно сломан...

Он усадил ее на диван и стал расспрашивать, как она жила в эти дни, что нового в школе, скоро ли в отпуск. Ольга отвечала сначала скупно, безучастно, не глядя на него, но так продолжалось недолго... Если бы Светозаров догадался спросить, соскучилась ли она по нему, Ольга прямо призналась бы, что — да, очень... Ей, двадцатисемилетней женщине, уже давно опротивели короткие

знакомства, хотелось спокойствия, уверенности в будущем, милых семейных хлопот. Нет, Светозарова она не отдаст никому. Ей казалось, что она прекрасно изучила его недостатки и справится с ними, если они будут вместе.

— Ты, наверно, есть хочешь? Вообще, как ты там питаешься? В столовой?

— Как придется, — улыбнулся он. — Я уже привык.

— Пора отвыкать...

Светозаров коротко взглянул на нее, проворчал:

— Пожалуй, пора...

Ольга поджала полные, слегка подкрашенные губы, встала.

— Сейчас я приготовлю чай.

— А я отпущу шофера.

Он вернулся быстро. Снял сапоги, куртку и с газетой уютно устроился на диване. Но газета его не интересовала. Полуприкрыв глаза, Федор Федорович наблюдал за Ольгой. Она ходила по комнате, собирая на стол. На ней был домашний, в талию, халат из голубенького с белыми ромашками ситца. Про себя Светозаров называл его халатиком, потому что шит он был, наверно, еще в студенческие годы, едва достигал колен и делал Ольгу моложе лет на пять-шесть. Лица Ольги Федор Федорович как-то не замечал, потому, может быть, что еще ощущал на своих губах вкус ее твердых, цепких, пахнувших кармином губ, зато не мог оторвать взгляда от длинных, без чулок, ног, мелькавших перед ним.

— Оля! — негромко позвал он.

— Да?

— Иди сюда, ко мне...

Она улыбнулась ему, спокойно поставила на стол вазу с печеньем и подошла к дивану...

14

Под вечер к Косте в библиотеку неожиданно появился Володя Дьяков и с ним незнакомая белобрысенькая девушка, которую Дьяков представил до обидного кратко: Танюшка. Как будто этим все было сказано. Но Танюшка ничуть не обиделась, только смущенно посмотрела на Костю и ухватилась тоненькими пальчиками за столь же тоненькую витую косичку.

Володя Дьяков был секретарем комсомольской организации колхоза «Вперед к коммунизму» и время от времени навещался со своими ребятами к соседям — то на концерт, то за советом по самодеятельной части. Однако Костя знал, что с художественной самодеятельностью в колхозе было по-прежнему плохо. То ли желающих не находилось, то ли толкового организатора. Сам Дьяков на сцену выходить стеснялся. Даже на собраниях избегал трибуны и предпочитал говорить с места.

В библиотеке у Кости — человек десять народу. Шестеро сидели за столом и читали свежие и старые журналы, двое ходили вдоль полок и выбирали книги, за столом дежурила одна из Костиных активисток — Соня Гладкова, а перед ней стоял пожилой,

степенного вида мужчина, только что снявший поношенную, в масляных пятнах кепку и ладонями приглаживавший жесткие, с проседью, волосы.

Костя краем глаза наблюдал за ним и одновременно отгискивал гостей от стола, чтобы разговором не мешать читающим.

— Ты чего, Володя?

— Да вот, понимаешь, просьба есть... Может, выйдем?

— Одну минутку...

Опыт подсказывал Косте, что здесь, в библиотеке, потребуется его помощь.

Мужчина наклонился к Соне и, приглушив густой баритон, стеснительно спросил:

— Мне бы про атомную бомбу что... И про Кубу...

— Я посмотрю, Иван Кузьмич...

Вскоре Соня подала ему довольно объемистый том и брошюру. Иван Кузьмич, щурясь и держа книгу на отлете, бережно и внимательно полистал страницы.

— Нет, не подойдет, — вздохнул он. — Тут больно по-ученому, и формулы вот... Не постигну. Мне бы попроще.

Соня вопросительно взглянула на Костю. Костя подошел.

— Специально про бомбу, Иван Кузьмич, у нас нет, а вот про атомную энергию можно подобрать.

— Вот, вот, — обрадовался Иван Кузьмич. — Это мне и требуется. Ты мне, Костя, найди, где эту самую энергию в жизни можно употребить и каким манером. А про бом-

бу я уж в газетах читал. Хорошо бы ее совсем не было, ну ее к лешему...

Костя быстренько повыдергал с полки несколько книжек.

— В этой вот рассказывается, как ученые в атом проникли и что там нашли, а в этой — про мирное использование. И написано просто, все понятно. А эти две — о Кубе...

— Ты, Костя, давай их все, дома я разберусь. Очень, понимаешь, любопытная штука, мне сын рассказывал...

— Пожалуйста, Иван Кузьмич. Соня, запиши.

Костя предложил Дьякову и Танюшке выйти на крыльцо и поговорить там. Усевшись на перила и закурив, он доброжелательно, хотя и без особого любопытства, сказал:

— Ну, так что у нас за просьба?

Как видно, Володя намеревался начать издалека, поэтому тоже достал папиросу, не спеша прикурил, строго покосился на Танюшку: дескать, не вмешивайся, все дело можешь испортить....

— Слыхали мы про ваш первомайский концерт, Костя... Мне-то самому, к сожалению, не пришлось посмотреть, а вот Танюшка видела. Ну и...

— А уж плясали как! — восторженно сцепив ладошки, с придыханием вставила Танюшка.

— А у нас ничего не получается, — со вздохом и как-то виновато проговорил Володя. — Надо бы разжечь наших, а как — вопрос...

— Ой, Володька, да чего ж ты тянешь? — покраснев от досады и смущения, перебила девушка. — Костя, то есть товарищ Зыков, мы же с такой просьбой и пришли, чтоб вы у нас в колхозе выступили. С тем самым концертом. А если и другие номера есть, то еще лучше. Не подумайте, что это я с Володькой придумала, все ребята просят. Мы с ним, можно сказать, делегация...

— И колхозники тоже, — просительно, боясь категорического отказа, добавил Володя. — Нам главное — ребят расшевелить, есть ведь у нас таланты. Вот хоть Танюшка — она хоть сейчас на сцену, вашим не уступит.

Танюшка скромно потупила глаза.

Костя тепло смотрел на обоих и сам не замечал, что улыбается.

— Поешь, что ли, Таня? — спросил он.

— И поет, и пляшет, и стихи читает — будь здоров! — ответил за нее Володя, не скрывая восхищения и гордости. — Да что она одна может?

Костя спрыгнул с перил, сказал решительно:

— Ладно, ребята. Только один вопрос: как ваше правление? Сеять же надо, а мы народ отвлечем.

Танюшка, подпрыгнув, захлопала в ладоши, а Володя солидно заверил:

— Мы с Терентием Павловичем советовались. Он даже похвалил: хорошая, говорит, будет людям зарядка перед страдой, весенняя... Да и не днем же мы людей соберем. Днем-то и вам, понятно, некогда.

— Ладно, — повторил Костя, — я переговорю со своими ребятами. Думаю, что дело выгорит. Но с уговором — чтобы, кроме Тани, еще кто-нибудь из ваших выступил. Ну, кто посмелее... А там и другие потянутся, понимаете?

— Найдём, — грянула косичками Танюшка. — У меня есть на примете.

Костя был уверен в своих кружковцах и смело назначил день концерта. А кроме того, его давно мучила совесть: ведь знал же, что у соседей плохо, а чем помог? На одних советах далеко не уедешь, практически показать надо... В эту минуту он был благодарен Володе и Тани за их счастливую догадку.

Они договорились о деталях и стали прощаться, как вдруг Володя вспомнил:

— Постой, а Валентина Лесукова придет?

— Ой, я тоже чуть не забыла! — спохватилась Танюшка. — Она же поет как! И в пьеске я ее раз видела — ну, прямо взаправдашняя артистка. Наши прямо ахнут.

Им показалось, что Костя задумался, а на самом деле он просто не знал, что ответить, и оттого еще больше нахмурился.

— Валя теперь здорово занята, но я постараюсь...

Они весело сбежали с крыльца, и Костя невольно посмотрел им вслед, чему-то радуясь и вместе с тем завидуя. Льяные тонкие косички Тани, точно шаловливые и капризные сестры-близнецы, долго еще прыгали и разлетались в стороны перед его взором.

Из библиотеки вышел Иван Кузьмич, слесарь, не торопясь спустился на две ступеньки, обернулся и, подмигнув Косте, постукал пальцами по верхней книжке.

— На Кубе-то шесть миллионов всего, а против всей Америки не боятся, видал? Тото, брат! Нашей закваски!

И пошагал степенно, не тая довольства.

Кое-кто из кружковцев был в библиотеке, и Костя тотчас сообщил им, зачем приходили ребята из колхоза. Соня первая высказалась за поездку, но добавила:

— Ехать, так чтобы всем. К примеру, без Вальки нам тот смешной скетч не приготовить, а она роль на зубок знает и вообще...

Ее поддержали другие.

— Надо Вало позвать, а то она в последнее время совсем отклонилась...

— Опять же песни у нее хорошие...

— Не поедет она, ребята. Загордилась, ну все равно как прима-балерина. Обойдемся и без нее.

— Допустим, обойдемся, не в том дело. Но она-то что думает? Неужто так на отшибе и хочет со своей славой жить?

— Концерт — тоже комсомольское поручение, а Валька из комсомола пока еще не вышла.

— Объявляли ей, а на собрание в прошлый раз не явилась.

— Нет, ты, Костя, поговори с ней. Нечего Вальке перед своими нос задирать. Да и, сам понимаешь, концерт надо дать на все сто. Колхозники ждать будут, а про Валькины таланты они давно знают.

Костя слушал разнобоистые, взволнованные голоса ребят (про тишину все забыли) и испытывал раздвоенное чувство гордости за Валю, которую ребята искренне любили, и растерянности от того, что ему предстояло поговорить с ней. Он боялся этого разговора — и не потому только, что опасался выдать себя, свою любовь к ней, растравить еще больше неутихавшую боль, но и потому, что Валя могла наотрез отказаться от поездки и тем самым потерять уважение ребят. Но и отказаться нельзя было — все сразу поняли бы, что Костя отвергнут и все-таки страдает по Вале.

Он сказал бодро:

— Ладно, ребята, я поговорю с ней. Отколоса Валя или нет, но мы-то откалываться от нее не имеем права. Ей сейчас тоже не легко — дела-то на ферме вовсе худые...

— А она нас просила помочь? — резонно заметил кто-то. — Привыкла только с начальством разговаривать, а мы для нее вроде и не существуем.

Возразить Косте было нечего. Он посмотрел на часы и обратился к Соне:

— Ты подежурь пока, а я, значит, пойду...

На ферму он, конечно, не собирался идти, а рассчитывал встретить Валю по дороге домой. Ежели все нормально, дойка должна была кончиться с полчаса назад. Ежели все нормально... Эх, угораздило же Зинку плюхнуться в лужу в самый неподходящий момент. Врач говорит — поправится Зинка не раньше, как через неделю...

Костя шел по улице, огибая лужи и не поднимая головы, но даже невеселые думы не мешали ему всем телом ощущать торжествующее дыхание весны. От набухавшей соками коры берез и черемух, даже от жидкой дорожной грязи пахло чем-то острым, свежим и бодрым, на огородах, на взрыхленных кое-где грядках чирикали воробьи звонче, чем вчера. Костя явственно слышал, как срывалась и падала, задевая другие, какая-нибудь хрупкая ветка тополя. Он глубоко вздохнул, огляделся вокруг и понял, что вышел за околицу. Слева отчужденно и грустно чернела провалами окон школа. Огня не было и в знакомом окне — значит Валя еще не приходила...

Она заметила Костю, когда, балансируя, перебежала по узкой доске, переброшенной через дорожный кювет, вернее, в тот момент, когда неловко прыгнула с выскользнувшей из-под ног шаткой опоры, и Костя подхватил ее под руку.

Их обоюдное смущение было одинаково сильным. Валя не сразу высвободила руку, и так они молча простояли в неудобной позе на краю кювета несколько мгновений.

— Ты? — дрогнувшим голосом спросила она. — Почему ты здесь?

И Костя понял — к старому возврата быть не может, но неужели он, чудак, на что-то надеялся? Иронически усмехнувшись над самим собой, он чужим голосом сказал:

— Валя, нам надо поговорить... по делу.

— По какому делу? — насторожилась она и запахла жакетку.

Предвечерняя синева исподволь сгущалась в серовато-сумеречную дымку, прохладную и точно дрожавшую от усталых вздохов ветра. Костей овладела непонятная вялость и безразличие к тому, что произойдет дальше.

— В воскресенье мы едем в колхоз с концертом. Оттуда были ребята и просили, чтобы ты тоже приехала. И наши ребята просят. В скетче нам тебя заменить некем, времени в обрез.

(А поперечная складка над переносьем у нее стала резче, машинально отметил про себя Костя. И глаза... какие-то холодные, недоверчивые, незнакомые. Ее взгляд был словно обращен внутрь, и вряд ли Валя видела Костю, хотя и смотрела на него).

— Я не могу, — отрывисто ответила она.

— Почему? Если боишься не успеть, можешь вечернюю дойку начать раньше.

— Раньше? — зло переспросила Валя, и рот ее некрасиво искривился. — По-твоему, я двуязычная, да? Это папаша твой так думает, и ты туда же...

— Валя, в чем дело? Тебе трудно? Я ведь давно не был на ферме, — почему-то совестясь, сказал Костя.

— Конечно, нет! — вызывающе, с нарастающей злостью вскрикнула она, пятясь от Кости. — Чего же там трудного? Все очень просто... Он, видите ли, не был на ферме! А что ты можешь? Думаешь, я нуждаюсь в сочувствии? Нисколько!... Зачем ты тут?

Костя был ошарашен этим потоком стремительных, злых и, как ему казалось, не-

справедливых слов. Что он сделал ей плохого? Отец... Но при чем тут отец? Почему она всякий раз попрекает его отцом?

Глухое раздражение, обида, ревность и застарелая боль помимо его воли разом зашевелились в груди. И Костя уже не противился тому, чтобы они вырвались наружу.

— Зачем? Затем, что ты зазналась, липнешь к начальству, которое стлало тебе ковровую дорожку к славе. Старые товарищи тебе уж не нужны, а они не хуже тебя. И в колхоз ты не хочешь ехать потому, что считаешь это ниже своего достоинства. Вот если бы в город — тогда пожалуйста... Президиум, речи, аплодисменты, блеск — да, это жизнь! И ты воображаешь, что так и дальше будет? Рассчитываешь всю жизнь одни аплодисменты срывать? Ну, знаешь!..

Костя внезапно умолк, почувствовав всю наготу и грубость собственных слов. Страшное оцепенение пригвоздило его к месту. Неужели все это сказал он?..

Валя остановившимися, жутко расширившимися глазами смотрела на него, подняв правую руку, словно защищаясь. Но вдруг ее глаза сузились.

— Я липну? Ковровая дорожка для меня? А ты знаешь... знаешь, что я... что мне... О, какой же ты подлец, Костя. Боже мой, какой подлец!..

Она повернулась и, пошатываясь, пошла, потом побежала к школе. Лишь через минуту Костя опомнился, крикнул приглушенно и безнадежно:

— Валя! Подожди!..

Домой он пришел около двенадцати. В горнице за занавеской Николай Егорович, крихтя, раздевался, готовился лечь спать. Уставившись в занавеску тяжелым, мутным от горечи и недоумения взглядом, Костя сказал:

— Отец, что происходит на «елочке»?

— Не кричи, мать разбудишь, — недовольно отозвался Николай Егорович. — А что, собственно говоря, там должно происходить? Крыша, что ли, обвалилась?

— Вот если бы крыша обвалилась, тогда ты, конечно, принял бы меры, — язвительно сказал Костя. — А то, что надои падают, тебя, видно, не беспокоит.

Зыков, садясь, скрипнул кроватью.

— А тебя беспокоит? Смотри, какой заботливый! А ты бы о надоях у Лесуковой спросил. Небось, раньше-то спрашивал, а теперь боишься? Я тебя, парень, предупреждал...

Костя стиснул зубы.

— Это тебя не касается, папа. По-твоему, в Лесуковой все дело? Ты тут не виноват? Обещал шлаку — где он? Силос заморозили — по чьей халатности? А помощница Лесуковой не нужна?

Слышно было, как часто и шумно задышал Николай Егорович. Занавеска на колечках со свистом отдернулась, и в темном проеме появилась сначала голова, а затем и вся грузная фигура отца в нижней белой рубахе. В неверном свете слабо горевшей лам-

почки лицо его было желтовато-серым и еще более постаревшим.

— Молокосос! Поешь с чужого голоса, а того не возьмешь в толк, что у меня не одна твоя Лесукова драгоценная на уме. Иди, утри ей слезки, ежели тебе ее жалко. Дурак, ее не жалеть надо, а ремня хорошего дать. Разбаловали девчонку, а теперь сладу с ней нету. Работали ж до нее люди, и никакого скандала, все шло чин-чином, а ей все неладно. Что же, может, на руках ее носить прикажешь?

— Не паясничай, папа. Скажи, зачем вы ей создаете искусственные трудности?

— Подумаешь, трудности! А вы бы без них хотели обойтись? Земной рай еще далеко. Как же вас воспитывали? Трудностей бояться? А?

— Речь идет о простом человеческом внимании...

— А ей мало внимания оказывали? Дай бог всякому... Я за всю жизнь столько внимания не видел. И слюни не распускал, имей в виду. Ей внимание, а сев пускай кувырком идет? С нее за сев не спросят, а с меня и голову могут снять. Ишь, умники... Вот что, Костя, кончим об этом разговор. И ты за свою бывшую любушку понапрасну не страдай, не мужское это дело. Признаться, раньше-то я иначе думал, ну, а уж коли она с директором шашни завела — нечего тут... Видать, губа-то у нее не дура, а ты затвердил — внимание...

Отец задел большое место, говорить с ним сейчас было бесполезно — все равно он свер-

нул бы разговор на эту тему. Косте было и стыдно, и злость брала на отца за его тупое упрямство, но сразить его Костя не мог и не знал чем. Его подавляла, мешала сосредоточиться сверлящая мысль о том, что он грубо и необдуманно оскорбил Валю, хотя и не хотел этого. Теперь Костя казался самому себе безвольным, никчемным, мелочным человеком, потерявшим всякое уважение. Но Валя! Как она могла так говорить? В чем он перед ней виноват?

«Нет! Все, что угодно, но подлецом я никогда не был и не буду. Никогда! Валя еще раскается в своих словах...»

15

7 мая в восемь утра Светозаров уже был на облюбованном им косогоре. Он приехал сюда прямо из города и застал на опушке голого, просматриваемого насквозь лесочка, бригадира Филиппа Яковлевича Попова и молоденького тракториста Петю Тараданкина. Его ДТ-54 с заглушенным мотором стоял поодаль, уткнувшись носом в мшистый буторок, словно вовсе и не собирался сегодня работать.

Федор Федорович бодро выпрыгнул из машины и, заговорщически щурясь на солнце, за руку поздоровался с Филиппом Яковлевичем, а здороваясь с Петей, невольно подумал: «Не мог что ли бригадир на первую пахоту выбрать тракториста поопытнее? Это же совсем салажонок. Небось, первый месяц на тракторе, прямо из училища...»

Однако поинтересовался добродушно, даже с поощрительной улыбкой:

— Давно из училища? На практике, наверно, а?

— С неделю как машину принял, — просяив, ответил Петя. — Практику я еще осенью прошел.

— А, ну что ж... это хорошо.

Светозарову и в самом деле трудно было это веселое солнечное утро испортить настроением такой мелочью. Не фигуры же высшего пилотажа предстоит делать Пете. Завести мотор и держаться за рычаги сумеет, а большего от него и не требуется.

Федор Федорович подошел к Попову и взял его под руку, увлек за собой. Тот с видимой неохотой повиновался. Был Попов мужиком приземистым, коренастым, малоразговорчивым. Крупное квадратное лицо его с короткими жесткими усами и пристально-придирчивым взглядом маленьких глаз из-под таких же жестких, торчком, бровей было вечно озабоченным, словно он в уме решал одну трудную задачу за другой. Да так оно, пожалуй, и было. За многие годы бригадирства и еще раньше, когда Филипп Яковлевич ходил в рядовых трактористах, множество задач поставил он перед собой и ни разу, кажется, не отступил, пока не добивался своего.

Сейчас на строгом лице Попова была не только всегдашняя озабоченность, но и проskalъзывало некое беспокойство, которого, впрочем, Светозаров не заметил или не хотел замечать.

— Филипп Яковлевич, у вас что, постарше трактористов нет?

— А что? — на мгновение скосив глаза, спросил Попов.

— Да, знаете ли... первая борозда, а он только что со школьной скамейки.

— Петька-то? Не беспокойтесь, он еще до училища трактор самоуком водил. А иначе я ему такую махину не доверил бы! Да сейчас это не имеет и значения — он ли, кто другой...

— Вот именно, — подхватил Федор Федорович. — Ну что ж... начнем. Скажи, чтоб заводил мотор.

Попов остановился и, упершись взглядом под ноги директору, тихо и раздельно проговорил:

— Не выйдет дело, Федор Федорович... Не пройдет тут машина.

— То есть, как это не пройдет? — опешил Светозаров. — Что за чепуха! Я сам позавчера прошел все поле и убедился, что пройдет.

— Поверху пройдет, а в середине завязнет. Там топь образовалась, из года в год вода застаивается. Видать, подпочва обратный скат имеет. Чудо, не чудо, а нам эта каверза известна. Да и внизу хлюпко, я пробоval...

Светозаров заметно побагровел, повысил тон.

— Значит, вам эта каверза известна? А известно ли вам, товарищ бригадир, что лучшие сроки сева уходят? Привыкли по старинке: земля, мол, сырая, а мы при чем?..

Не выйдет! Бойтесь руки замарать, если машина вдруг застрянет? Поэтому и парнишку этого с собой взяли?

Попов медленно поднял голову и тяжелым своим взглядом сломил бешеный взгляд Светозарова.

— Рано вам говорить о моих руках, товарищ директор... — Он яростно кивнул головой. — Пошли!

Выпрямившись, Попов крупными шагами направился к трактору. Издали крикнул:

— Петр, заводи!

Петя опрометью бросился к машине, но, встретившись с Филиппом Яковлевичем, остановился, посмотрел на него испуганно и вопросительно.

— Чего смотришь? Заводи, говорю.

Подошел Светозаров, встал в двух шагах от Попова, неприступно сжав губы.

— Я не поеду, — обернулся к нему бригадир. — Еще скажете, что я нарочно посадил машину.

— Вызовите другого тракториста. Вы уже нарочно подсказали парню, что машина должна застрять, — с убийственным спокойствием проговорил Светозаров.

— Что? — Разом побледневший Попов сжал кулаки и шагнул к Светозарову. — Я ему подсказал? Это я вам говорю, что машина тут не пройдет. Через пару дней — пожалуйста, а сейчас бесполезная затея, понятно? Вредная затея, товарищ директор.

Петя, насупившись и тоже незаметно для себя сжав кулаки, с тревогой переводил взгляд с Попова на Светозарова.

— Это у вас, товарищ Попов, вредные настроения, и я сомневаюсь, сможете ли вы дальше быть бригадиром...

— Снять хотите? Не выйдет, товарищ директор!

— Это почему же не выйдет? — холодно усмехнувшись, процедил Федор Федорович. — Не беспокойтесь, замену найдем. Незаменимых людей у нас нет.

— Ладно, — скрипнул зубами Филипп Яковлевич; лицо его исказилось презрительной гримасой. — Словам не верите — на факте убедитесь. Петро, валяй за Архиповым, он в кузнице. Десять минут туда, десять обратно. И ни слова ему не говори, понял? Пусть директор с ним разговаривает.

— Филипп Яковлевич! — встрепенулся Петя. — Я проведу. Честное слово, проведу! Не верите?

— Не стоит срамиться, Петро. Было бы за что рисковать, а то... Эх!..

— Товарищ Светозаров! — стремительно повернулся Петя к Федору Федоровичу.

Светозарову понравилась горячность парня. К тому же он считал себя знатоком человеческой психологии. Ради того, чтобы спасти престиж бригадира, этот паренек сделает все. Да и что тут, собственно, хитрого? Паникер этот хваленый Попов, паникер и тихоход, обыкновенная отрыжка старого недоброго времени. Удивительно, как он столько лет удержался в бригадирах. Э, да ведь и Николай Егорович Зыков, бывший директор, из такого же теста...

— Давай, товарищ Тараданкин. Верю, что проведешь. Земля же тут явно пересыхает, а мы дурака валяем.

Под укоризненным взглядом бригадира Петя невольно втянул голову в плечи, но в то же время он чувствовал на своей спине ободряющий, уверенный взгляд директора и понял, что отступать поздно. Ему только сейчас пришла в голову обжегшая его стыдом мысль, что если он проедет, то Филипп Яковлевич будет непоправимо опозорен и, наверное, снят с бригадиров. На черта ему было высовываться? Ну и попал же он в переплет...

А все дело было в том, что у Пети уже давно зудели руки, хотелось поскорее взяться за рычаги и показать, на что он способен. Ведь ежели он проедет, все будут знать: не кто-то другой, а именно Петр Тараданкин вспахал первые гектары.

Филипп Яковлевич вялым движением натянул на самые брови кепку и отошел в сторону, сел на трухлявый, продавившийся под ним пенек. Полное равнодушие ко всему охватило его, в груди было пусто и знобко. Он достал папиросу, не спеша закурил. Нет, не угроза снять с бригадирства испугала его. Оскорбительным было недоверие и подозрение в чем-то нехорошем — его, положившего все силы земле и машинам. Он их любил не меньше, чем людей, и уважал, пожалуй, тоже не меньше. Те сложные и умные машины, которые работали на заводах, а не на земле, не вызывали в нем зависти или особого восхищения. Другое дело, если бы их

приспособить к земле с тем, чтобы помочь ей родить больше. Но и то, что было в его руках, радовало Филиппа Яковлевича. Никто лучше его не знал, какая это большая сила, если ею умело распорядиться. Вот и в эту весну каждый винтик любой машины осмотрен и проверен им лично, на все тракторы подобраны две смены механизаторов, подойдет срок — и они будут пахать и сеять круглые сутки, и пусть ему снесут голову, если хоть один трактор остановится в борозде из-за поломки...

А сейчас он остановится, и придется гнать второй трактор, чтобы выгнать Петра из грязи. Эх, Петро, Петро!.. Что ты с него возьмешь? А может, удастся ему проехать? Нет, это невозможно. Испытанное дело... Уж если директору не терпится, гектары ему нужны, можно бы пахать по самому угору, в крайности потом пересеять можно. А, не все ли равно! Такому начальству советовать — сам же дураком окажешься. И когда только такие ретивые директора выведутся? В районе сидел — нажимал, сюда приехал — то же самое. А ведь и земля теперь перед ним, вот она, любушка, сама подскажет, как с ней поступать...

Когда затарахтел, а потом, набирая силу, ровно и весело застучал трактор, Филипп Яковлевич беспокойно задвигал бровями, чуть выпрямился на своем пеньке и осторожно скосил в ту сторону потеплевший взгляд.

Петя резво выехал к кромке поля, и тут Филипп Яковлевич не выдержал.

— Стой! Куда ты на самое мокрое попер, дурья башка! — закричал он, позабыв, что Петя его все равно не услышит. Вскочив с пенька, сдернул с головы кепку и замахал ею, но и этот сигнал Петя, видно, не заметил. И тогда Филипп Яковлевич побежал трактору наперерез. Светозаров, шедший сбоку машины, удивленно остановился. Приглушил мотор и Петя, высунулся из кабины.

— Погоди, — запыхавшись, сказал Филипп Яковлевич и надел кепку. — Правее надо, тут на пяти шагах сядешь. Там вроде потверже. Держи за мной.

Обрадованный Петя юркнул обратно и, притормозив правую гусеницу, развернулся. Теперь и Светозаров пошел впереди машины, рядом с бригадиром. Легкая усмешка скользнула по его сочным женским губам и тотчас исчезла.

Проехали метров тридцать, и тут Филипп Яковлевич предостерегающе поднял руку, двинулся дальше один. Светозаров пошел за ним. Ноги стали вязнуть чуть глубже, однако влаги не было. «А ведь это и есть опасное место. Чепуха, пройдет. Да и старик теперь убедился, что пахать можно, — удовлетворенно подумал Светозаров. — Любопытно все же, чего это он вскочил? Ведь если пройдет, чем он будет оправдывать свое глупое упрямство? Сам себя топит».

Филипп Яковлевич, не глядя на Светозарова, жестом подозвал его к себе.

— Дальше нельзя. На глаз вроде бы ничего, а я вам говорю — не выдержит.

Упрямство бригадира не на шутку разозлило Светозарова. Все-таки, значит, пытается доказать свою правоту. На испуг хочет взять. Ну, этот номер не пройдет. За мальчишку он его считает, что ли?

— Не морочьте мне голову, Попов! Опасное место мы уже прошли. Уходите, если боитесь, проедем без вас.

— Говорю вам — понапрасну посадите машину.

— Хватит. Уходите!

— А, черт! Пожалеете, товарищ Светозаров. А еще агрономом считаетесь. Стыдно! Филипп Яковлевич плюнул и в бессильной ярости сам махнул Пете рукой.

Трактор медленно пополз вперед, волоча пятикорпусный плуг, выворачивая влажные, ноздреватые, отсвечивающие глянцем пласты земли. Присев, Филипп Яковлевич сбоку пристально следил за гусеницами, сердце его трепетало за каждый сантиметр металла, погружавшийся в почву. «Дай бог, если бы прошел. Эх, если бы прошел!» — сдерживая дыхание, шептал он и в то же время знал, всем опытом старого механизатора знал, что этого быть не может...

Трактор протащился еще с десяток метров от того места, где недавно спорили Попов и Светозаров, и безнадежно забуксовал. Какое-то время все его тело сотрясала мелкая надсадная дрожь, потом мотор заглох, и вспотевший от растерянности Петя спрыгнул на землю. Под взглядом бригадира он заюлил глазами и бестолково засуетился вокруг машины. Ждал, что вот сейчас Филипп

Яковлевич обругает его последними словами, и заранее был готов примириться с любым наказанием, кроме одного — снятия с машины. Но бригадир молчал.

И тут Петя не выдержал.

— Филипп Яковлевич, виноват! — чуть не плачущим голосом заговорил он. — Делайте со мной, что хотите, только оставьте на машине. Я докажу, честное слово...

— Ладно, не оправдывайся, — мрачно сказал Филипп Яковлевич. — Я сам виноват, что допустил такое безобразие. — Он повысил голос. — Но уж впредь не допущу, не надейтесь. Отцепляй плуг...

Светозаров стоял по другую сторону трактора и тупо смотрел на закрутившуюся коричнево лоснящуюся грязь, облепившую гусеницы...

16

Ночью неожиданно выпал первый весенний дождь, недолгий, но буйный, с погромыживанием. Выйдя спозаранок на улицу, Валя пошлепала прямо по лужам на ферму. Потом пошла по обочине, поминутно оскользаясь. Это действовало на нервы. К тому же Валя не выспалась — уснула уже под утро, когда в сараях началась первая переключка петухов. То же самое было и вчера. Такое «дурацкое», как она выражалась, состояние выводило ее из себя, делало смешной в собственных глазах. «Не хватает только валерьянки», — иронизировала Валя над собой.

Однако в душе ей было не до смеха. Говорить, озлобление и безысходная пустота ца-

рили в ее душе, отгоняя сон и былую уверенность.

К доильному помещению Вале пришлось добираться обходным путем. Здесь ее встретили пунцовый от возмущения дядя Ваня и хмурый, с квели обвисшими усами Пасько.

— Видела? — ткнул в дверь пальцем дядя Ваня, имея, очевидно, ввиду выгульную площадку у скотного двора. — Болото! Как я, к примеру, коров к тебе доставлю? Сам по уши и они по рога?..

— Там и до колена не наберется, не ври, — пробасил Пасько.

— А этого мало тебе? — набросился на приятеля дядя Ваня. — Может, ты коров погонишь, рост у тебя с удилице, а я тут посижу? Милости просим, я с моим удовольствием.

— Небось, не завязнешь, грязь весной легкая.

— Шлаку не привезли? — спросила Валя.

— Черта с два! — сбавив тон, махнул рукой дядя Ваня. — Как ты велела, я пошел вчера к Егорычу, а он говорит: у меня одна машина, как перст, да и та в ремонте. И верно, надсадили ее за зиму так, что еле по ровному ходила. Ей и целомошной на нашу горку ни за что бы не взобраться. Егорыч опять звонил директору, а тот говорит, что, мол, свободных машин у него нету.

— Николай Егорович звонил Светозарову? — Валя машинально теребила концы косянки, взгляд у нее был какой-то отсутствующий. Хотя она и смотрела на дядю Ваню, но вряд ли видела его.

— При мне разговор шел. Так они насчет шлаку и не договорились, на сев перешли, а тут и шлаку-то немного надо. Середину бы только засыпать, а с краев я сам бы канавки прокопал.

Валя устало опустилась на скамейку, потухшим голосом произнесла:

— Ну что ж, раз так, отменим утреннюю дойку.

— Да ты что, девка? — хохотнул дядя Ваня, но тут же осекся. — Ты это всерьез?

— Я не буду доить...

Дядя Ваня суетливо поелозил руками, бесцельно потоптался перед Валею и с тревогой спросил:

— Это как же так? Сроду не бывало... Погоди, на тебе лица нет. Может, ты заболела, а?

— Нет, я здорова. Но я не могу больше так...

— Э, Валюша, такое ли в жизни бывает! Вот, помню, раз на фронте — дождина такой шпарит, что не продохнешь, ветер насквозь прохватывает...

— Ты это уже рассказывал, — вставил Пасько.

— Ну и что? — огрызнулся дядя Ваня и, повернувшись к Вале, расплылся в улыбке. — Одним словом, Валюша, ерунда все это. Как умные люди говорят, знаешь? Упав в грязь брюхом, да не падай духом... Там и грязи-то вершок, курица перебредет, а корова же не курица, верно? Сейчас я их к тебе доставлю поэтапно, как миленьких, и ты их обрабатываешь в два счета. А иначе кани-

тель же получится, да и совхозу убыток...

Валя молчала.

— Ну я пошел, — выжидательно косясь на нее, сказал дядя Ваня. — Заводи свою тарактелку, Паисий Христофорович...

Валя медленно поднялась со скамейки, и обрадованный дядя Ваня по-молодому выбежал на двор...

Это была тяжелая дойка. Нет, не только потому, что коровы приходили в зал по колено в грязи, с измочаленными хвостами, с которых при каждом взмахе грязь разлеталась во все стороны. Приходилось подолгу обмывать из шланга каждое вымя, прежде чем надеть на соски стаканы. Это было утомительно и нудно, и Валя не раз бросала работу, стояла несколько минут в своей траншее, опустив руки, уставившись невидящим взглядом в одну точку. Потом требовательное мычание возвращало ее к действительности, и она вялым движением снова бралась за шланг.

Ей казалось, что она находится здесь уже два часа, а коровы шли и шли, словно их собрали сюда со всех ферм совхоза. Несколько раз прибежал дядя Ваня, суетился на площадке, шутил, пробовал даже придержать хвосты у особо нетерпеливых животных, потом отходил в сторону. Издали озадаченно наблюдал за Валею, качал головой и понуро шел за следующей партией коров. В одну из передышек заглянул к Паську, попросил у него папиросу, прикуривая, недоуменно сказал:

— А Валька-то, брат, не того... Смутная какая-то. Может, дома что не ладно? Твоя Прокопьевна ничего не слыхала?

— А что у нее дома может быть? Вчера только видел Анну Сергеевну — жива-здорова, улыбается даже...

— Да, дела... — задумчиво протянул дядя Ваня. — Значит, тут другая загвоздка. Я ей не сказал, и ты, смотри, не брякни сдуру, а только после того телефонного разговора Егорыч мне и говорит: «Видал? Светозарову своему любезному пожаловалась. Ну, вот и пусть он ей шлак возит...» Понял?

— А кому же ей еще жаловаться? Директор же...

— Ни хрена, значит, ты не понял, а еще механик... Уж на что твоя Прокопьевна дошла на всякие сплетни, а и ей, видать, уши ватой залепило...

— Ты личностей не касайся, — предупредил Пасько.

— Подумаешь, личность... Не сообразишь, почему сюда Костя перестал ходить?

— А зачем мне надо соображать. Не ходит и не ходит, мне-то что? У всякого своя квалификация.

— Ладно, — мрачно, с убийственной презрительностью сказал дядя Ваня. — Бузуй тут... Соображай, одним словом. А еще папиросы курит.

Вконец расстроенный, он швырнул окурок под ноги Паську и вышел.

С трудом преодолевая усиливавшуюся вялость, Валя кое-как подоила последнюю группу коров. Аппараты промывать не ста-

ла. Когда сняла халат и повесила его рядом с Зинкиным халатом, почувствовала некоторое облегчение. Дядя Ваня услужливо полил ей из шланга на руки.

— Сходи отдохни, а я тут площадку живо обчищу, — говорил он, тщетно пытаясь заглянуть Вале в глаза. — О чем задумалась-то? Брось. Ежели о каждом типе... словом, ежели по работе так переживать, то никакого терпения не хватит. Все образуется. Я вот сегодня к Егоровичу пойду и договорюсь насчет машины. За грузчика сам сяду.

— Значит, Светозаров сказал, что у него нет машин?

— Сказать-то сказал, да только кто же поверит? Это во всем-то совхозе не нашлось бы! Быть этого не может.

— А еще что он говорил?

— Ей-богу, не знаю. Все больше о севе...

— А Егорович что ему про меня сказал? — настойчиво допытывалась Валя и теперь уже требовательно и пристально смотрела на дядю Ваню.

Дядя Ваня смешался, невольно отвел глаза, отколупывая на рукаве подсохший шлепок грязи.

— Говори же! Я ведь догадываюсь...

— Да ничего такого особенного вроде бы не говорил... Ну, сказал, что ты зря в панику ударилась, оскорбила кого-то. А кого ты могла оскорбить, скажи на милость?

— Могла, ты меня не защищай...

— По делу да промеж своих какое может быть оскорбление?

— Чем сейчас коров кормить будешь? — внезапно переменяла разговор Валя, уже собравшись уходить.

И снова дядя Ваня замаялся, хотя и на короткое время.

— Найду чем, — с деланной бодростью проговорил он. — Подвезут, небось, до обеда еще не скоро...

— Что ж, хорошо, — спокойно сказала Валя и открыла дверь.

От удивления дядя Ваня втянул голову в плечи до самых ушей.

«Чего же тут хорошего? То ли подвезут, то ли нет, черт его знает... Хотя, конечно, должны подвезти. Да кое-какой запасец у меня на чердаке имеется. А любопытно — кого же она могла оскорбить? Девка она, известно, бойкая, да не в том суть. Нет, голубушка, это тебя оскорбили, вот что... Вознесли до небес, на карточки с тобой снимались, закружили голову, а теперь, мол, сама выпутывайся. Дескать, на ноги тебя поставили, об чем еще разговор? Теперь других будем ставить, славу наживать... Так-то оно так, да только одно забыли: Вальке-то едва восемнадцать стукнуло... В эти-то годы и я, помню, на ногах худо стоял, хоть и из крепких считался...»

Валя плохо помнила, как она очутилась возле конторы сельпо. Она шла домой и где-то в глубине души радовалась, что в этот час мать на уроках — значит, не будет лишних расспросов. Ах, мама, мама, когда же

ты начнешь что-нибудь понимать, кроме арифметики и грамматики. Так, наверно, и пройдет твоя жизнь за тетрадами да двойными рамками...

Но когда же она свернула с проторенной дорожки к сельпо? Ах да, ей надо позвонить Светозарову. Может, с ним что случилось? Столько дней прошло, а от него ни звонка, ни весточки. Ни звонка? Но он же вчера звонил Зыкову! И говорил с ним о себе...

Валя растерянно посмотрела на окно конторы, за которым сидела знакомая женщина-бухгалтер. Кажется, она заметила Валю и усмехнулась. Валя словно очнулась от дурманящего сна и ужаснулась тому, что собиралась сделать. Как же это она стала бы звонить Федору при посторонних? Как вообще могла прийти ей в голову эта нелепая мысль?

Словно ожидая удара, Валя пригнулась и горопливо пошла обратно. Конечно, женщина из сельпо обо всем догадалась. И без того по селу ходят разговоры, будто директор совхоза приезжал к Вале свататься, но не всерьез, а так... ну, это же известное дело... Поиграл в любовь и в сторону. Все ясно-понятно. Хоть Валя и знатная, а все ему не пара...

О, какие все-таки мерзкие живут на свете люди! Она же никого не спрашивала, как ей поступить, какое им до нее дело? А все это Костя виноват, он распустил по селу сплетню, теперь-то в этом сомневаться нечего. Ну, кто бы мог подумать? А она-то

считала его порядочным парнем. Весь в папашу — ханжа и лицемер. Конечно, он всегда обманывал ее, ни словечка правды не было.

Ну и пусть! Если люди из зависти злословят на ее счет, то уж ей-то на них вовсе наплевать. Домой, скорее домой, пока на улице никого не видно. Она должна все обдумать спокойно и трезво, как всегда это делала. Только почему же у нее горячее лицо и в висках часто и болезненно стучит? Может, дядя Ваня прав, у нее в самом деле грипп? Вот уж ни к чему. А впрочем, какое это имеет значение?..

Матери действительно дома не оказалось. Валя скинула у порога резиновые сапоги, сбросила с плеч вязаную рабочую кофту, прошла в свою комнату. Движения ее были хотя и стремительны, но не совсем точны и уверенны. Открыв гардероб, она сняла с вешалки коричневое шерстяное платье, но тут же раздумала, подбежала к зеркалу и приглянулась поспешно причесываться. Не кончив, вспомнила о туфлях и ботинках, кинулась их искать. Потом снова лихорадочно перебирала в гардеробе платья и остановилась на том же коричневом, с кружевной прошивкой. И уже совсем одевшись, обессиленно села на кровать, закрыла глаза, словно припоминая, что же она собиралась сделать дальше.

Да, значит, так... На дневную дойку она не пойдет. Хватит! Это издевательство, а не работа. У нее больше нет сил бороться. С кем бороться? Ну вообще... все это надоело.

В конце концов, не ей же одной это нужно — «елочка», рекорды и прочее. Об этом Вале сколько раз твердили и Дубровин, и корреспонденты, и многие другие. Ну, так вот, сегодня или завтра они спохватятся. Они — это Николай Егорович, Костя и... нет, нет, Федор тут ни при чем. Он просто не знает, что тут происходит, а про сплетни и подавно не слышал. Если б Федя знал! Может, он и интересовался, да Зыков разве скажет правду? Ну, конечно, вся причина — Зыков. Но пусть он не воображает, что ему все позволено. Он обязан был позаботиться о Вале в первую очередь и прежде всего. Она же не рядовая дочерка, каких сотни. Как он с ней разговаривал! Это возмутительно! Ладно, уважаемый товарищ Зыков, сейчас-то вы поймете, что с Лесуковой шутить нельзя. Вы схватитесь за голову, будете искать и упрасивать ее, сами побежите на ферму, но все равно эта история даром для вас не пройдет. Вам напомнят, что Лесукова — пока единственный человек, освоивший «елочку», и наверняка, сделают это отнюдь не в вежливой форме. Давно пора...

В этот момент Валя не думала о том, что если она не явится на ферму, коровы останутся неподоенными. Эта мысль пришла в голову позже, на минуту смутила ее и затем уступила место безудержному мстительно-му чувству. Валя знала, что замену вряд ли найдут раньше следующего дня, да и кто мог бы заменить ее? Зинка еще в больнице, а никого другого Валя не научила своему делу. Впрочем, никто из начальства и не

просил ее об этом. Затея со школой, как и предсказывал Зыков, сорвалась, все о ней забыли. Не Вале же было хлопотать и взваливать на себя лишние заботы. Более или менее был знаком с техникой дойки дядя Ваня, но, конечно, он не станет браться за бабье дело и ронять достоинство. Оставался еще зоотехник, да и тот уехал на курсы.

Ну и пусть теперь Зыков покрутится, небось, чуть поуменеет. Для Лесуковой не хотел условий создать, так нынче нужда заставит...

Мысленно насладившись мстью, Валя сейчас же забыла и о Зыкове, и о коровах. Не это беспокоило ее. Когда она шла в село и затем домой, все, казалось, было ясно, оставалось только выполнить задуманное. Иного выхода она не видела. И без того она слишком долго мучилась в догадках и неизвестности. Все это так, но до чего же трудно было встать с кровати, надеть пальто и добраться до крыльца! Лишь на улице ей удалось взять себя в руки.

Крадучись, Валя перебежала школьный двор. Не через калитку, а через противоположную сторону, где сразу за оградой начинался лес. Здесь была ребячья тропа, по которой, сокращая дорогу, они каждодневно бегали в школу из окрестных деревень. Тропа оказалась узкой, со снежными лужицами и коварными наледями, скрытыми войдой. Ноги у Вали скользили и заплетались, в ботиках вскоре захлюпало, но она, точно подталкиваемая тревожными, сбивчивыми мыслями, почти бежала вперед и вперед.

В эти горячие дни Костя большую часть времени проводил на полях. Иногда даже вечерами клуб оказывался на замке, потому что Костя, проведя информацию или раздав очередной боевой листок механизаторам, бывало, садился на плуг за прицепщика и работал с трактористами до конца смены. По-настоящему, чаще всего это случалось на пару с Сергеем Коряковым, так что Сергей однажды с серьезным видом предложил:

— Слушай, Костя, бросай ты к чертям свое культурное ведомство и становись настоящим человеком. Ей-богу, через пару месяцев ты бы не хуже меня с трактором управлялся.

— Все равно кому-то в клубе надо быть.

— Посадим какую-нибудь девчушку... — Сергей вдруг улыбнулся и сказал не без гордости за товарища. — Нет, у девчушки так не выйдет, а ты, брат, умеешь. В колхозе-то какой концерт отгрохали, а! Полгода вспоминать будут... Ладно, оставайся. А что на прицепе ездешь — заплатим.

— Да ну тебя...

— Не выпендривайся! Деньги лишние завелись? Знаем твою зарплату. Жениться вздумашь — и подарка невесте не сообразить.

— Ну хватит, — досадливо перебил Костя. — Что-нибудь поинтереснее не приходит в голову?

— А это не интересно?

— Нет.

Коряков умолк.

В другой раз они вечером возвращались с дальнего поля. Шли бездорожно, по обочинам вчера или сегодня засеянных участков, пересекали неглубокие овражки с иссякавшими ручейками на дне, редкие перелески с набухавшими на ветках берез и ольхи почками.

Деревья и нагретая за длинный день земля источали разнородные и острые запахи воды и пробрызнувшей кое-где травки. Воздух точно загустел от этих запахов, так что у Кости даже слепались губы. Зато засеянные поля, мягкие, пухлые, будто опара, жадно впитывали животворящий аромат, полной грудью дышали им, темнея и волнисто переливаясь в голубых полусумерках.

Обычно словоохотливый, Сергей в этот вечер долго молчал. То ли он здорово устал за долгую, не отмеренную гудком смену, то ли думал о чем-то своем, что ни в какой степени не касалось Кости. Кругловатое добродушное лицо его, с пыльными следами пролитого и высохшего пота, выглядело обычным, однако в глазах проскальзывало некое беспокойство. Без всякой видимой причины он вдруг спросил:

— О Вальке что слышно?

— Это ты о чем?

Костя даже не обернулся, идя несколько впереди приятеля.

— Ну... как она живет, работает?

— Я не интересовался.

— Знаешь что, Костя: брось дурака валять! — сразу вскипел Сергей. — Это ника-

кое не благородство, а обыкновенное оwin-ство. Или уж за товарища меня не считаешь?

Костя прошагал, не отвечая, добрых полсотни метров. Коряков обиженно замолчал, даже демонстративно замедлил шаг возле худосочной, с диковинно искривленным стволом березки, вцепившейся в землю на самой кромке поля.

«Гляди-ка, тоже почечки пустила, жить хочет, — рассеянно подумал он. — Кто же тут пахал? Яков, кажется. Ну, этот, конечно, пожалел сердягу, не выворотил плугом похода. И я бы тоже...»

Костя, стоя боком, подождал его, сказал глуховатым голосом:

— Тут такое дело, Серега... Встретился недавно с ней и, кажется, брякнул лишнее. Оскорбил, словом. А она подлецом меня назвала, понял?

Коряков изумленно уставился на Костю.

— Ни черта не понял, — откровенно признался он. — За что подлецом? И для чего тебе надо было ее оскорблять?

— Ну, погорячился и наговорил разной чепухи, а она, конечно, обиделась.

Костя уже досадовал на себя, что начал этот разговор. Никому об этом не надо знать, даже Сергею. Чем он может помочь? Да и не нужна тут ничья помощь.

— Кажется, начинаю понимать: ты это из ревности? — не совсем уверенно предположил Коряков.

— Вообще нет! — вспыхнул вдруг Костя. — Просто ребята поручили мне договориться насчет концерта, а она отказалась. Теперь-

то понимаю, что ей и вправду было не до концерта, а тогда не удержался и сказал, что она зазналась, прежних друзей забыла, к начальству льнет... В общем, по-дурацки все вышло, и виноват я один, она тут ни при чем...

Он отвернулся и пошел вперед, угловато приподняв плечи.

Сергей не отставал, но и не подавал голоса, над чем-то размышляя. Через некоторое время окликнул негромко, будто извиняясь:

— Костя!

— Ну?

— А ведь, елки-палки, ты ей все верно высказал. От фактов, брат, никуда не по-прешь...

— От каких это фактов? — Костя недоуменно укоротил шаги.

— Ну как же... Давай уж говорить прямо. Зазналась Валька не по росту, это и лю-бому видно. ~~И~~, мол, талант и передовой человек, а другие — так себе, работяги серые... У нее это и раньше было заметно, я ведь в семилетке вместе учился, помню... Признаться откровенно, и сам я тогда мечтал свою звездочку с неба ухватить, не без этого. Да и как удержаться было? Уж больно красиво нам будущее-то в школе расписывали. Дескать, только учись хорошо, а остальное само в руки дастся... А Валька способная, ничего не скажешь, все больше пятерки получала. Ну и... уверовала, чего хитрого? Я это к тому говорю, что рановато ее превознесли, ей бы до «елочки» в рядовых походить надо было. Она думает, что раз

слава, так она передовой человек, а я, к примеру, отсталый. Нет, тут не только в новизне да в рекордах дело. А то у нас привыкли на одну мерку мерять: раз рекорд — значит передовой. У нас вон Ванька Булыгин каждую весну рекорды ставит, а потом все лето загорает, машину ремонтирует. Его даже и передовиком нельзя назвать, а не то что передовым. А слава... она, брат, иного настоящим человеком делает, а иного и вовсе наоборот...

— Что же, Валя только ради славы на «елочку» пошла? — хмуро спросил Костя.

— Сперва — нет, по-моему. Это потом ее испортили. Да таких, как Валька, и испортить недолго, а выправить потруднее будет.

— Да, но... — Костя морщил лоб, подыскивая необходимые слова; в душе он был согласен с Коряковым, но и так вот сразу поверить, что Вале нужна только слава, почести и успех, а больше никто и ничто, Костя не мог и не хотел. — Нет, Сергей, все это не так просто, как ты расписал. Ведь вот сейчас у Вали очень трудное положение, надои падают, в газетах и на собраниях о ней уже не шумят, а она не сдаётся, работает, значит, дорожит своим делом. И она же не может не знать, что скоро таких «елочек» появится множество...

— В том-то и штука, — поджал потрепавшиеся губы Коряков. — Пока-то она первая. И ты вот что учти: трудное-то положение у нее давно ли стало? А ежели оно еще какое-то время будет? Ну и... выдержит Валька, как думаешь?

— Не знаю... — потерянно ответил Костя.
— Плохо, что не знаешь... Ведь любишь ее?

Тяжело было Косте говорить о наболевшем, но и скрывать от друга свои чувства представлялось бесполезным и фальшивым.

— Хочу забыть про нее, а не могу. Главное, что худо ей теперь, а признаться не хочет. Пусть не со мной, а с другими ребятами хотя бы посоветовалась. Конечно, отец мог бы помочь, но он считает это в порядке вещей. Руганью от него ничего не добьешься, ему приказ сверху нужен, да наверху, видать, тоже сейчас не до Вали. Дубровину она уже жаловалась. Чем все это может кончиться?

Коряков вдруг не на шутку обозлился.

— Да ничем, по-моему. Она же, черт возьми, со Светозаровым любитесь, наплевать ей на всех, а ты тут мучишься, завел одно да добро: ой Вале плохо, ой забыть не могу... Самолюбие-то есть у тебя? Будто уж других девчат на свете не стало. Не беспокойся, Светозаров получше твоего о Вальке позаботится...

Костя, пригнувшись, наискосок взбирался по склону очередного овражка наверх, молчал. Сергей, сердито пыхтя, нарочно шел рядом и, видать, не собирался ни утешать, ни извиняться перед товарищем.

— Значит, по-твоему, ей не просто человек, а директор нужен, только и всего? — не поднимая глаз, спросил Костя.

— Я в чужие дела не вмешиваюсь, но ежели ты из-за нее страдаешь, одно скажу:

сходи завтра на ферму и разузнай все толком. Может, и извиниться придется, это уж твое личное дело. Хоть Валька и воротит от ребят нос, но нам-то она не чужая, «елочка» как-никак наша, совхозная. Я к ней тоже руки приложил, когда строили...

Дальше разговор у них не клеился, и остальной путь до села друзья прошли почти молча. Простились сухо, кивком головы.

Однако то, что в запальчивости или обдуманно высказал Коряков, задело и взволновало Костю. Да, прав Серега: куда же девались его самолюбие и мужская гордость? Конечно же, Валя холодный и расчетливый человек. Ей и слава нужна только для того, чтобы поскорее и удобнее устроить свою жизнь. Стоило ей послушать сладких речей Светозарова — и вот она уже бежит за ним, а пройдет немного времени — и Светозаров тоже покажется ей обыденным, скучным. Еще бы, ведь Валя убеждена, что ей все можно и доступно. Но к чему же она в конце концов стремится?..

Этого Костя не знал. А может, она вовсе и не стремится ни к чему, а просто пользуется временным успехом легко и бездумно, уверенная, что дальше все устроится само собой и гораздо лучше, чем теперь. Эх, какой же он был слепец, когда поверил в ее искренность и стойкость...

И все-таки — почему он все время думает о ней? Самолюбие самолюбием, а вот вызвать в себе злость и презрение к Вале Костя так и не смог. Может быть, потому, что она чаще всего вспоминалась ему той, прежней Ва-

лей, которая когда-то обожгла его мимолетным поцелуем у калитки, а может, потому, что он со времени последней встречи все острее чувствовал непонятную вину перед ней.

Однако Костя решил бесповоротно: если Вале будет плохо, он постарается быть с ней рядом. Даже если она не захочет этого...

19

К центральной усадьбе совхоза Валя вышла со стороны леса, в десяти шагах от длинного, приземистого здания мастерских, стоявшего поодаль от жилых построек. Только тут она вспомнила, что в этот предобеденный час Светозарова на месте может не быть, и в растерянности остановилась.

«Это было бы ужасно, — сказала Валя себе, как бы оценивая создавшееся положение со стороны. — Ты же не можешь ждать, ежеминутно подвергаясь любопытным расспросам посторонних. Значит, надо уйти, вот и все. Значит, так надо, и это, наверно, к лучшему...»

Но она тут же пошла дальше. Обогнула левый угол здания и, повинувшись какому-то внутреннему голосу, управлявшему ее действиями, приблизилась к воротам мастерских. Зачем — этого она не знала. Первым, кого Валя увидела возле ворот, был знакомый ей шофер Светозарова. Она несмело поздоровалась, шофер ответил сухо, подозрительно покосившись на нее. Валя покраснела, но все-таки решилась спросить:

— Не знаете, где товарища Светозарова можно найти?

— В конторе, где же еще? — без намека на вежливость проговорил шофер и тут же добавил: — Да мы сейчас на поля поедем. Вот только рессору сменю...

Он проводил ее недобрый взглядом, подумал: «Уж не в город ли они сговорились катануть? А то чего же она приперлась сюда? Нашли время... Пстой, — вдруг осенила его новая мысль, — как же так? В городе у него эта самая учительша, позавчера ездили к ней, и Федор Федорович сказал, что ездить больше не будем, она сама сюда постоянно работать приедет... Насчет работы не знаю, а что он жениться на учительше собирает — это, по-моему, факт. Тогда к чему же он с этой заигрывал? Ну, дела!..»

Валя торопливо шла к конторе. Навстречу попадались знакомые, удивленно здоровались, оглядывались вслед. И Вале казалось, что все они догадываются, зачем она здесь, посмеиваются и осуждают ее, как тот шофер, который ясно намекнул, что Светозарову некогда, и отвлекать его по пустякам не время. Она все сильнее и горше раскаивалась в своем нелепом поступке, и единственное, что еще поддерживало ее силы, — это смутная надежда (уверенности, как сейчас Валя поняла, у нее не было уже давно), что Светозаров рассеет все сомнения, и все ее страхи исчезнут, как дым.

В большой проходной комнате, за непокрытым столом сидел разный люд — тракторист в расстегнутом комбинезоне, какой-то

мужчина в шляпе и еще два или три человека, которых Валя не успела разглядеть. Наверно, они ждали приема у директора, но Валя не могла ждать. Собрав последнюю решимость, она толкнула дверь и еще быстрее захлопнула ее за собой.

У Светозарова находился главный инженер совхоза, но Федор Федорович не растерялся. Он тотчас вышел из-за стола, с улыбкой протянул Вале руку, усадил ее на стул. Инженеру сказал:

— Ну, мы, кажется, обо всем договорились, Иван Дмитрич. Прошу завтра доложить, насколько эффективен новый график.

Инженер поднялся.

— И предупреди там, пожалуйста, чтобы пока не входили...

Валя сидела ни жива ни мертва, однако с каждой секундой, с каждым словом Светозарова у нее становилось теплее на сердце, и уже вскоре она забыла, где находится. Она видела лишь его лицо, глаза, несколько виноватую и предупредительную улыбку и чувствовала, что ничего страшного не случилось, что все остается по-старому...

— Я рад, что ты пришла. Но как же ты решилась? Знаешь, я несколько раз собирался заехать к вам и всякий раз что-нибудь мешало. Словом, увяз в делах по уши, живу сейчас на колесах... Ну, как ты? Мне звонил Дубровин насчет беспорядка на «елочке», и я велел Зыкову все устранить. Надеюсь, теперь у тебя нет причин жаловаться?

— Нет, — тихо ответила Валя.

— Ну и прекрасно! В мае ты опять будешь героем, об этом я позабочусь. Как ты добралась сюда? Пешком?

— Да...

— Гм, напрасно... То есть я хотел сказать — надо было мне позвонить. Ты извини, мне придется скоро уехать, но я рад, что увидел тебя. Признаться, я думал, что ты опять с жалобой...

Он понял, что начинает повторяться, умолок и только теперь заметил, что лицо у Вали словно окаменело, а глаза ее смотрят на него пристально и отчужденно.

Мурашки забегали у Светозарова по спине. «Зачем она пришла? Что может потребовать от меня? — раздраженно подумал он. — Глупейшее положение, ей-богу. Да, надо как-то с этим кончать...»

— Ты не сердись? — осторожно спросил Федор Федорович, отходя к своему креслу за столом. — У тебя какой-то странный вид. Что-нибудь случилось?

— Нет... Да, — стряхивая с себя оцепенение, твердо сказала Валя, — случилось!.. Я тебя ждала, но ты не приехал. И даже никак не известил — почему?

— Ну, я же объяснил сейчас, что не мог... Светозаров сел в кресло и почувствовал себя несколько увереннее.

— Да, сев... — горько усмехнулась она. — Когда ты советовал Николаю Егоровичу устранить недостатки, ты тоже, собственно, говорил о себе.

— По-моему, это вполне естественно в моем положении, — холодно заметил он.

— Еще бы! И, по-моему, тебе очень неприятно, что я пришла, хоть ты и сказал, что рад.

— Да нет же, откуда ты взяла? Что за нелепые подозрения!

Но Валя не слушала его. Слова уже не имели для нее того значения, которое она придавала им в первую минуту. Федор был не тот... Он не подошел к ней, не приласкал, не сделал даже попытки понять ее душевное состояние, те причины, которые привели ее сюда, хотя, конечно, он о них догадывается. То, что он говорил до сих пор, — это даже не оправдание, не желание ее успокоить и разубедить в каких-то подозрениях. Это просто плохо замаскированное недовольство тем, что она осмелилась напомнить ему о себе. Его притворная вежливость, его настороженно-выжидательный взгляд ясно говорили об этом. О, какая же она дура, что пришла сюда!.. Что же теперь ей остается? Унижаться до конца и постараться пробудить в нем прежние чувства? Если они вообще у него были...

Валю передернуло. Но она все еще сомневалась — слишком страшным и невозможным представлялось ей то, о чем она начала догадываться. Как видно, внутренняя борьба отразилась на ее лице, потому что Светозаров спокойно и досадливо заскрипел своим креслом.

Валя заговорила с возраставшей дрожью в голосе:

— Да, я не верю, что ты не мог приехать или хотя бы известить. Значит, тебе было

безразлично, как и что я... Помнишь, ты в тот вечер выразился: просто так не любят. Теперь я понимаю, что ты хотел этим сказать.

— Прошу потише, Валентина Николаевна, там люди... Я ничего не хотел этим сказать. Во всяком случае, не то, что вы думаете. Вспомните, что вы сами тогда говорили. Зачем же обвинять одну сторону? Помоему, вы такой же взрослый человек, как и я.

Он говорит ей «вы», называет Валентиной Николаевной! Обвиняет ее в том, что она поверила ему!.. Валя чуть не задохнулась от возмущения и обиды, а Светозаров тем временем небрежным тоном закончил:

— Вообще, Валентина Николаевна, мне казалось, что вы не придавали серьезного значения тому, что между нами было...

— Я? Не придавала серьезного значения? Как ты можешь?.. Я считала тебя порядочным человеком, я любила, хотя сейчас мне стыдно произносить это слово... — Злые слезы стояли у нее в глазах. — Да, конечно, я поступила глупо, но скажи хотя бы, зачем тебе надо было притворяться и лицемерить?

— К чему эти громкие и лишние слова? — усмехнулся он. — Я искренно увлекся вами, а потом понял, что это не настоящее чувство. К тому же, имейте в виду, я не старался вас увлечь, напротив... Я понимаю, вас пугают последствия — ведь это привело вас сюда?.. Последствий может не быть, даже наверняка не будет. И большого чувства у вас ко мне тоже не могло возникнуть, скоро

вы сами в этом убедитесь. Так что давайте не ссориться и не быть притчей во языцех. Люди злорадны. Уверяю вас, здесь не место для подобных сцен.

Это был такой ушат холодной воды, который сразу заставил Валю вспомнить о своей гордости и взять себя в руки. Она резко выпрямилась, в ее сузившихся глазах не было ни гнева, ни даже обиды, а только презрение.

— Вы подлый трус, и я вас ненавижу. Оказывается, вам ничего не стоит наплевать человеку в душу и потом сказать, что он сам этого хотел. Хорошо, что я узнала это сейчас, а не позже...

Она круто повернулась и пошла к двери. Когда, наконец, дверь за ней закрылась, Светозаров с усилием расправил плечи, откинулся на спинку кресла.

«Ну, все! Я правильно сделал, что высказался разом и прямо. Иначе было бы хуже. Кажется, там ничего не слышали, дверь была закрыта плотно. Недоставало еще сплетен, черт побери! Сама она никому не скажет, это не в ее интересах. А все-таки глупо и нехорошо все получилось. Она-то девчонка, да я-то уже не мальчик... Впрочем, ерунда, скоро она все это забудет, мало ли бывает в жизни таких банальных историй...»

20

Валя сбежала с крыльца конторы и, не останавливаясь, боясь встретиться с кем-либо из знакомых, быстро направилась к

мастерским. Проще было бы выйти на большак и доехать до дому на любой попутной машине, но Вале эта простая мысль не пришла в голову. Она инстинктивно стремилась на ту тропку, по которой добралась сюда, и вскоре очутилась на опушке леса. Проходя мимо ворот мастерских, заметила, что шофер Светозарова уже вывел машину из помещения и, наверно, в последний раз осматривал ее.

Шофер проводил Валю недоуменным взглядом и почему-то покачал головой.

В лесу Валя спохватилась: куда же это она спешит? Ведь ей теперь некуда торопиться...

Молчаливый и мудрый лес, знакомый с детства, подействовал на нее успокаивающе. Чем дальше Валя углублялась в него, тем меньше посторонних звуков доносилось до ее слуха и все явственнее и ласковее журчал, шелестел, напевал птичьими голосами сам лес. Вот тропку пересек бойкий ручеек, вот отчего-то треснула ветка, в топких местах сильнее, как бы причмокивая от удовольствия, зашлепала под ботиками талая вода. Лес жил какой-то своей, непонятной жизнью, хотя Валя знала многие его тайны. Да он и не скрывал их от добрых и любознательных, а вот ей, Вале, надо скрывать. Ведь добрых-то людей так мало на свете. Да и есть ли они вообще?

После одного из поворотов тропка устремилась вверх, и через несколько минут Валя выбралась на сухое. А вот и полянка, где Валя еще давеча хотела отдохнуть, но так

и не остановилась. Открытая со всех сторон солнцу, полянка обсохла уже давно, да и сейчас закатные лучи еще освещали один ее край, иссушая и без того скрипучий, пылящий под ногами седой мох. Говорят, это место когда-то выгорело начисто, но только редкие опаленные деревья подтверждали, что тут был пожар, а сама полянка давно поросла подлеском, травой и мхом.

Валя свернула с тропинки и пошла на солнечный край поляны. Тут она присела на мягкую, пушистую, словно перина, кочку, однако уже через минуту легла на нагретую землю лицом вниз.

«Как я могла полюбить его? Когда? — задала она вопрос, который мучил ее от самого крыльца конторы и который до сих пор Валя не решалась прямо задать себе. — Как же это случилось?..»

Многое разом промелькнуло в ее памяти. Но так как все выглядело теперь в ином свете, перечеркнутое и искаженное только что пережитым потрясением, Валя не могла вспомнить, когда это началось, а главное — не могла восстановить свои тогдашние впечатления в их первоначальной свежести и непосредственности. Ей все время чудилось, что уже тогда, помимо воли и желания, в ее сердце начали закрадываться неясные сомнения, исподволь отравляя пришедшее к ней счастье. Валя припомнила, что даже после самых счастливых минут у нее не было уверенности, что это и есть настоящее, прочное, взаимное, беззаветное чувство — любовь на всю жизнь. Да, не было, и все-таки она

внушала себе, что Светозаров любит ее, не может, не имеет права не любить.

Винить в беде, свалившейся на нее, было некого...

От этого или же оттого, что поделиться своей бедой тоже было не с кем, глухое, безвыходное отчаяние все сильнее овладевало ею. Казалось, оно обступало ее со всех сторон, придавливало к земле, до боли сжимало сердце. Наверное, слезы облегчили бы боль, но и слез не было.

«Ах, какой же он подлец, как он ловко все разыгрывал! — с ненавистью и брезгливостью повторяла Валя, прижимаясь горячей щекой к земле. — А я, дуручка, ему верила... Как же я была глупа и легкомысленна! Уж если говорить по правде, я сама навязалась ему, я хотела, чтобы он был мой, чтобы любил меня. Это казалось так ново и заманчиво. Да, конечно, мне нравилась его внешность, а души-то я не знала да и не интересовалась, а она вон какой обернулась... Что же теперь делать, как жить?»

Валя застонала, с силой сжимая сцепленные пальцы рук. Никогда прежде она не испытывала такого унижения, какое довелось ей пережить в кабинете Светозарова. Ведь он по сути дела бесцеремонно прогнал ее, а ей и ответить было нечего, потому что она сама во всем виновата. Но в чем же состояла ее вина?..

Пытаясь разобраться в этом, Валя впервые с удивлением и горечью обнаружила, что у нее нет даже одной-единственной подруги, которой она могла бы рассказать все,

найти поддержку и совет. Это открытие поразило ее. Валя не понимала, как это могло произойти. Ведь она уже почти год здесь, на родине, тут росла, училась, работала. Остались в селе и старые подружки-сверстницы, и знакомые ребята, а настоящих друзей почему-то не было. Вернее, все они казались Вале друзьями, желавшими ей успехов на «елочке». И все одинаково гордились ею, так что Вале, право же, незачем было задумываться, кто ей ближе, а кто вовсе чужой. Она не испытывала одиночества — слишком уж полной большими и маленькими радостями была ее жизнь. И так, думала она, будет долго, всегда. Не было никакой нужды выслушивать или участвовать в чьих-то посторонних радостях и горестях, делиться собственными мечтами. Что касается матери, то Анна Сергеевна никогда не понимала или, что еще хуже, толковала Валины стремления и поступки вкривь и вкось, несмотря на свой возраст и опыт.

И вот сейчас Валя оказалась одна со своими горестными думами... Она перевернулась на спину и стала смотреть в бездонное, холодное, безразличное ко всему небо. Одна! И она знала теперь, как это случилось. Но почему же никто — никто! — не сказал, не предупредил, даже не намекнул, что так может случиться? Нет, кажется, кто-то говорил, а возможно, что-то такое она читала в газетах. Да вот хотя бы Николай Егорович... Но Валя терпеть его не может. И вовсе это не Николай Егорович, а Костя. Ну да, конечно, Костя...

Пожалуй, Костя мог бы понять ее... не про то, что вышло сегодня, а вообще... но она сама оттолкнула его. Хуже того — оскорбила тяжело и непоправимо. Конечно, он не имел никакого права так разговаривать с ней, но, если вдуматься, Костя сказал ей все это не со зла. Он-то любил ее — просто и робко. Быть может, слишком робко... Только — любил ли? Что-то не верится. Тоже, наверное, искал острых ощущений. Все-таки с Костей ей было легко и весело. В сущности он чуткий и милый парень, без хитростей. Да что толку об этом вспоминать? Костя был, а теперь его нет и не будет. Даже видеть его ей было бы больно и стыдно. Теперь-то он, понятно, еще больше презирает ее, и она это заслужила. Как говорится, допрыгалась...

Но что же делать, что делать? Домой идти страшно: мать пристанет с расспросами, могут прибежать за ней с фермы. Наверно, ее уже ищут. Дядя Ваня наверняка рыскает по селу в напрасных поисках, а это значит, что о ее невыходе на работу теперь знают все. И, возможно, кое-кто догадывается, где она может быть... Боже мой, как все это гнусно! Николай Егорович, конечно, злорадствует: вот, скажет, я давно предупреждал, что Лесукова не выдержит: ей, видите ли, райские условия требуются, а у нас обыкновенный совхоз, и трудностей у нас много... Да, он рад будет от нее избавиться. Если бы можно было, он с удовольствием вообще прикрыл бы «елочку» — так спокойнее... Костя подумает: ну вот, зазнавалась, а теперь шлепнулась в лужу. Но он, по крайней мере,

не выскажет это вслух. Зинка... ну, что Зинка? Просто пожмет плечами, пожалуй, даже обрадуется такому скандалу, потому что получит возможность занять Валино место. Но она, правда, сейчас в больнице.

Коровы остались неподоенными или подоенными неумелыми руками, кое-как. Скорей всего, Зыков наскоро соберет бывших доярок и заставит их доить вручную... Это ужасно. Немыслимо представить эту дикую, ни с чем несообразную картину, но сегодня Валя не может пойти. Да и поздно уже. А завтра и подавно нельзя, чтобы не стать посмешищем в глазах Зыкова и остальных. Ведь всем известно, почему она отказалась работать. Пойти — значит, явиться с повинной головой, а она ни в чем не виновата. Нет, ни за что!..

Круг замкнулся... Ей не остается ничего другого, как совсем уехать отсюда. Уехать к тетке или еще куда-нибудь. Пусть тайком. Какое это имеет значение? Здесь она не перенесет позора. А уж если и на этот шаг у нее не хватит силы воли, то стоит ли тогда вообще жить?..

21

Часа в три пополудни Костя нагрузил семенным зерном последнюю подводу и, наскоро почистившись, направился на «елочку». Он собирался пойти туда с самого утра, но колебался. А когда решился, то успокаивал себя тем, что идет навестить дядю Ваню и Паську. В этот час он и в самом деле мог встретить только их, так как дневная

дойка должна была давно закончиться, а вечерняя начаться лишь в семь вечера.

Поэтому понятным было удивление Кости, когда он увидел на скотном дворе выстроившихся в очереди коров и жердястого Пасько, подгонявшего их к доильному залу.

«Вот те раз! — свистнул Костя. — Чего это сегодня Валя так припозднилась? Мотор отказал? Тогда зачем же Пасько с хворостинкой по двору болтается?»

Это выглядело столь необычным и забавным, что Костя, подойдя и не сумев удержать улыбки, спросил:

— Это ты чем же занимаешься, Паисий Христофорович?

— Доим вот... — Пасько неопределенно мотнул головой.

— Кто доит? — не понял Костя.

— Иван доит, кто же еще? Да ты пойдешь, его спрашивай. Не мешайся под ногами.

Сбитый с толку, Костя вошел в доильный зал и сразу же увидел дядю Ваню, суетливо бегавшего в траншее, словно зверь в западню. Вали нигде не было.

— Иван Петрович! — не без тайной тревоги окликнул Костя. — Ты что тут делаешь? А где же Валя?

Дядя Ваня поднял голову, стыдливо улыбнулся, смахнул рукавом пот со лба и, преодолев смущение, обрадованно сказал:

— А, это ты, Костя! Вот, брат, дою, леший бы их взял... Механизмы вроде простежкие, а не враз управишься. Валя-то? А она, брат, не иначе как заболела. Я еще утром доглядел, а она не призналась...

— Что-нибудь серьезное?

— Да нет, грипп, по-моему, где-то подхватила. Этого добра сейчас много... Ты вот что, Костя, помоги-ка мне, а то я вовсе запарился. Не знаю, за какую шлангу хвататься. Бери вон эту кишку и ополаскивай вымя. Дело нехитрое...

Костя без слов спустился в траншею и взялся за «кишку». Ему не раз доводилось наблюдать, как работают Валя и Зинка, и вскоре он уже был хозяином в траншее: подмывать вымя поручил дяде Ване, а сам принялся орудовать доильным аппаратом. Дело, однако, ладилось плохо. Надевание стаканов на соски оказалось кропотливой и долгой операцией, причем стаканы поминутно спадали. То Костя забывал открыть нужный краник, и молоко не поступало в бидоны, то не успевал вовремя отключить вакуум... Коровы беспокоились, переступали ногами, нетерпеливо взмыкивали, рвались из станков. Дядя Ваня, взмокший и злой, ожесточенно поливал водой вымя, вытирать же считал излишним, да и полотенце где-то затерялось...

Так они промучились сами и мучили коров еще не менее часа, пока Пасько, придя с улицы, не сказал:

— Все. Ни одной больше не осталось.

— Это ты серьезно? — даже не поверил дядя Ваня. — Ну, молодец! Хвалю тебя за службу!

— Ладно, вылезай. Теперь тебе сушиться полдня надо. Обмочился с головы до пят, как маленький...

— Видал? — округлив глаза, обратился дядя Ваня к Косте. — Мы, можно сказать, живота не жалели, крутились в этой дыре, как окаянные, а ему смешки! Ну и народ пошел! А ну, подойди-ка сюда, Христофорович, глянь, отчего тут кран заело...

Пасько подошел, и тут дядя Ваня, изловчившись, полоснул его из шланга струйками теплой воды. Пасько с несвойственной ему резвостью отскочил, отряхиваясь.

Дядя Ваня торжествовал.

— Понял теперь? Не насмехайся над чужой бедой, а то, ишь, возгордился...

— Шальной ты, Иван, ей-богу. Не все дома у тебя, — ругался Пасько и выразительно крутил возле виска длинным сухим пальцем.

Костя развешивал аппараты на специальные крюки, вытаскивал наверх бидоны. Молоковозчик уже давно ждал их.

Отправив молоко, собрались в котельной. Раздевшись, дядя Ваня сушил верхнюю одежду, дымил сигаркой, молчал. Обозлившийся Пасько возился около мотора. Костя размышлял над тем, что могло случиться с Валеи и серьезно ли она заболела.

Молчание дяди Вани затягивалось. Это было настолько необычно, что Костя не выдержал.

— Какую великую думу думаешь, Иван Петрович? — шутливо спросил он.

— Так, разные разности... Вечернюю-то дойку придется побоку. Этак мне и до ночи не управиться. Да это не важно, утром по доим. Больше молока скопится.

— А Валя что сказала, когда уходила?

— А ничего. Ушла и ушла, только и делов.

— Как же так? По крайней мере, в конторе-то знают, что ее надо пока подменить?

— Знать-то знают, а кем? — дядя Ваня придвинулся к Косте, заговорил вполголоса, временами оглядываясь на Пасько. — Тут, парень, кажись, не в болезни причина... Валька-то утром смутная пришла, вроде на тебя глядит, а в глазах у нее и думки про тебя нету. Хотела еще тогда бросить все, я еле уговорил. Спрашиваю: может, заболела? Нет, говорит, здорова... Егорыч ее самосильно обидел, но и она тоже по шерстке его не погладила. Так что квиты, хотя сейчас твой папаша, как узнал от меня про Вальку, шумит, что, дескать, трудностей девка убоилась и все такое прочее. Да хоть и трудности — что, нельзя без них обойтись? Только не в них одних дело...

— В чем же? — неведомо почему начиная волноваться, нетерпеливо спросил Костя.

— В чем, в чем! — неожиданно вспылил дядя Ваня. — Говорил тогда тебе, дураку: женись, не упускай Вальку, а ты ушами хлопал...

— Я тут ни при чем, ты дело говори, — недовольно перебил старика Костя.

— А может, и при чем, откуда ты можешь знать? Ладно, теперь уж не воротись. Я еще утром учуял, что Валентина может не прийти. Однако ждал, а ее нет и нет. Ну, я и смотался на всякий случай к ней на квартиру. Любопытно же, как-никак...

— Ну?

— Вот тебе и ну!.. Не оказалось ее дома, понял?

Костя с удивлением посмотрел на дядю Ваню, беспомощно пожал плечами.

— Ты тоже вроде Паисия, а грамотным считаешься... Ребятишки-школьники бегали тут во дворе, они мне и рассказали. Будто бы сиганула тетя Валя через оградку и ушла в лес. А там тропка есть, кумекаешь?

— Куда же она могла уйти, по-твоему? Зачем?

— Зачем — это ее личное дело, а куда — сообразить тоже просто. Тропка-то куда ведет? В Клыково да на центральную усадьбу. В Клыкове ей, понятно, делать нечего, там всего четыре избы, значит, к нему махнула... к Светозарову.

— Ну и черт с ней! — в сердцах выпалил Костя, стыдясь своего недавнего волнения и беспокойства за Валю; вспомнив вчерашний разговор с Коряковым, добавил: — Нашла время бегать! Коров бросила, Зинка в больнице, доить некому — это как же называется?

— Ты не сепети, — сердито оборвал его дядя Ваня, — и допреж времени не чертыхайся. Не за конфетой туда она побежала, вот что я скажу. Она еще утром допытывалась: что да как говорил с Егорычем Светозаров, а у самой злющие огоньки в глазах так и прыгают. Неладно, по-моему, что-то у них...

— Да уж наверное все ладно, раз побежала...

— А я тебе говорю — неладно, — упрямо повторил дядя Ваня. — Было бы ладно — не побежала. Ни хрена ты не знаешь Вальку, хоть и гулял с ней. Я, брат, стреляный воробей, подальше твоего вижу. И мой тебе совет: узнай-ка ты все досконально. Гордость-то тут ни при чем, понял?

— Это с чего бы я стал навязываться? Да и как можно что-то узнать? Так она тебе и станет рассказывать. Ерунду говоришь, дядя Ваня. Смешно даже...

— Нет, не ерунду, — уперся тот. — Ты не только этого... самого... Светозарова учти, а и о другом задумайся. Небось, Дубровину она не зря жаловалась, да и с управляющим ругаться причина имелась. Работу бросить — это не шутка. Конечно, Валька девка горячая, может, и спохватится потом, да как бы поздно не было.

Костя промолчал. Ему и самому хотелось узнать, что произошло с Валею, почему она решила на такой рискованный шаг, но он положительно не представлял, как это можно сделать. Кому другому это, наверно, не составило бы особого труда, но ему, Косте?.. Нет, это невозможно. Как этого не понимает дядя Ваня?

— Зинка-то как, не знаешь?

— Дня через три выпишут. Ходит уже, — сказал Костя.

— Ну и добро, пусть поправляется. Ежели Валентина завтра не явится, придешь помочь? Я Егорычу обещал: справлюсь... Да у нас же с тобой опыт имеется, живо их, чертенят, обрабатываем. Почище, чем сегодня.

— Ты отцу обещал, вот и управляйся.

— Нельзя же дело оставлять. Придумали тоже, одну обучили механической дойке и молились на нее. Эх!.. Зинка-то самоучкой до всего дошла. А теперь вот отдувайся. Школу собирались открыть, а где она? Про нее и вовсе забыли. Руководители! Зря они газеты читают, ей-богу... Толку-то мало... Кто его знает, привезут шлаку или нет. Твой отец говорит: не до шлаку сейчас. Консерватор известный, ты уж меня извини. Да я и сам это Егорычу выскажу. Ну, а ты-то что же?..

В голосе дяди Вани слышалось искреннее огорчение.

— Ладно, приду, ежели время будет, — рассеянно сказал Костя.

— Ну и порядок! — обрадовался дядя Ваня, напяливая на себя просохшую, покорбившуюся одежду. — Ты пошел, что ли? Так гляди, разузнай там, что и как. Не забудь, слышишь?

22

Костя нарочно пошел от фермы кружным путем, чтобы собраться с мыслями, решить, что он может и что не может сделать. Вечерело. Солнце, утомившись за день греть ненасытную землю, спряталось за спасительным щитом Торшеевского лесного массива. Медленно, неприметно наплывали прозрачные весенние сумерки. Ни ветерка, ни шороха. Но сегодня благостная тишина почему-то давила, угнетала Костю. Он невольно поднял голову, ожидая увидеть притаившуюся

где-нибудь на искрайке неба грозу, однако горизонт был чист, все так же безмятежно отливал густой синевою. Над Торшеевским лесом величественно догорал закат.

«Интересно, отчего это дядя Ваня настаивал, чтобы именно я пошел? — недоумевал Костя. — Узнавал бы сам, ему же удобнее...»

Выйдя к школе, он обогнул ограду и остановился на том месте, откуда были видны и тропка, и заднее крыльцо, и окна Валиной квартиры. Сел, прислонившись спиной к стволу старой березы, закурил и тут же, иронизируя над собой, подумал: «Посиди, посиди, может, и высидишь что-нибудь интересное. Может, даже Светозарова посчастливится узреть... или еще раз на «подлеца» напороться... Эх ты!..»

Однако Костя не встал и не ушел, а продолжал не спеша затягиваться папиросным дымком, поглядывая то на крыльцо, то на тропинку, выходящую из леса. Кругом было тихо и безлюдно. Конечно, Валя еще не вернулась, да и вообще неизвестно, вернется ли сегодня. Наплевать ей на все! Свое удовольствие дороже...

Но Валя вернулась... Еще не заметив ее, Костя вздрогнул от неясного предчувствия и инстинктивно откинулся за ствол березы. Валя прошла от него в двадцати шагах. Она почти бежала, словно за ней гнались. Сперва Костя так и подумал, потому что вид у Вали показался ему по меньшей мере странным. Даже в профиль было видно, что она чем-то взволнована, может быть, напугана.

Пальто расстегнуто, косынка повязана кое-как, волосы выбились на лоб.

Костя не успел сообразить, что все это могло значить, как Валя уже перемахнула через ограду, пересекла двор и скрылась в сенях школы.

Он не двинулся с места, задумавшись. Достал новую папиросу. Разминая, порвал ее, отбросил в сторону, снова полез в карман... Да, тут что-то не то. Отчего же Светозаров не захотел проводить ее до самого дома? Мог бы просто на машине подвезти. А Валя-то какова! Вот тебе и гордая! Непрístupная! Знатная!.. Видимость одна — вот что она такое. Что ж, теперь можно поставить точку. Дальше все известно заранее: свадьба, чашки-ложки, дети, семейный уют и тому подобная идиллия. Ясное дело, на ферму директор молодую жену не пошлет. Так что невелика потеря, ежели завтра Валя на работу не выйдет. Зря дядя Ваня беспокоится.

Можно было уходить, но Костя почему-то медлил. Много позже он понял — почему: несмотря на все горькие и злобно-ревнивые, смешанные с жалостью к себе мысли, он все еще на что-то надеялся, не был до конца убежден, что Валя для него потеряна навсегда... Казалось, все было донельзя очевидно — и все-таки не верилось. Не хотелось верить. Прежняя, самая светлая мечта, которой Костя долгое время жил, упрямо не желала умирать, хотя и становилась уже почти одним воспоминанием...

Однако скрываться и подглядывать было уже глупым ребячеством. Не касаясь рука-

ми, Костя перепрыгнул ограду и развалисто, помахивая веточкой, пошел через двор к калитке. Пусть даже Валя заметит его в окно — наплевать. Да где ей! Сидит, поди, перед фотокарточкой Светозарова (наверняка подарил — без этого какая же любовь!) и в мыслях возносится в заоблачные высоты. Давай, давай!..

Он уже проходил крыльцо, когда услышал за собой тревожный, дрожащий голос: — Костя! Погоди!..

С крыльца, суетясь, прижимая к груди ладони, спускалась Анна Сергеевна. Глаза ее были припухшими от слез, губы нервно-чески вздрагивали.

Костя шагнул ей навстречу.

— Что такое, Анна Сергеевна? Что-нибудь случилось?

— Случилось, случилось, дружок. Валя-то моя... Нынче на работу не пошла, я от людей узнала, а теперь вот прибежала и лица на ней нет. Трясет ее как в лихорадке, а что там случилось — никак не добьюсь. Ты бы зашел, Костя, а?

— Я там не нужен, Анна Сергеевна, — холодно сказал Костя. — Да вы не волнуйтесь особо, через полчаса ваша Валя улыбаться будет.

— Ой нет, Костя, ты меня не успокаивай. Уважь свою старую учительницу, зайди к Валюше, поговори с ней. Вы ведь друзьями были, как же можно? Я тебя очень прошу.

Сколько Костя ни отговаривался, Анна Сергеевна не отступала от него. «Дернуло

меня через двор идти», — запоздало подумал он и с неохотой побрел в дом.

А когда Анна Сергеевна открыла перед ним дверь Валиной комнаты и почти втокнула его туда, Костя махнул на все рукой: «Ладно, я ей выскажу. Людей же подводит — это ей игрушка? Выскажу и уйду...»

Валя лежала ничком на кровати, сняв лишь пальто и ботики. Заслышав скрип двери и робкие шаги, Валя с досадой сказала:

— Мама, я же тебя просила — дай мне побыть одной.

Костя оглянулся, но Анны Сергеевны уже не было. Тогда он довольно уверенно проговорил:

— Валя, это я, Костя...

Она стремительно повернула к нему голову и приподнялась на локте.

— Ты? Зачем?

Сердце у Кости дрогнуло. Валя показалась ему похудевшей и подурневшей, словно после болезни, а ведь он так привык видеть ее неизменно решительной, насмешливо самоуверенной, полной сил. Теперь на него смотрели испуганные, поблескивающие от слез глаза, губы вздрагивали.

«При радостях люди, по-моему, иначе выглядят, — мелькнуло у Кости в голове. — Любопытно все же, с чего это ее так перевернуло».

— Я бы не зашел, да Анна Сергеевна просила... А вообще, конечно, на ферме интересуются, почему ты не вышла сегодня на работу.

Он не сказал — «в конторе», чтобы не напомнить Вале о своем отце.

Валя села на кровати, одергивая на коленях платье и потирая смятую щеку.

— Ах вот что! — Злая и мстительная усмешка появилась на ее дрожащих губах. — Интересуются, значит? Твой папаша, конечно, в первую очередь... А раньше-то кто-нибудь интересовался? Спросил, каково мне? Помог?

Костя не сел, потому что сразу решил долго здесь не задерживаться, но сейчас он машинально оперся спиной о дверь, как бы загоразживая себе выход.

— По-твоему, не интересовались? — спросил он, испытывая одновременно непонятную жалость к Вале и раздражение от ее усмешки. — А по-моему, даже слишком. Понимаю, ты имеешь в виду теперешние трудности... Об отце я не говорю, есть и его вина, да ведь ты его знаешь: что начальство скажет — то он и делает, от сих и до сих... Начальство переключилось на другую кампанию — и он туда же. Но и ты спасовала, чего уж там. На других-то фермах не легче. Я на днях тебя спрашивал — в чем дело, а ты и слушать не стала. Да ведь, кроме меня, и другие есть, а с кем ты по-доброму посоветовалась?

Усмешка исчезла с лица Вали, в глазах вспыхнули и тут же погасли презрительно-гневные огоньки.

— Нотацию читаешь? Для этого и пришел? Все вы... Глядеть мне на всех вас тошно...

Она бросилась на подушку и отвернулась к стене.

Костя оттолкнулся от двери, подошел ближе к кровати.

— Не городи чепухи, Валя. Все хотят, чтобы ты стала нашим настоящим маяком, а не просто рекордсменкой. Извини, но слава сделала тебя эгоисткой. Можешь, конечно, опять назвать меня подлецом, но я был и остался твоим товарищем и хочу тебе только хорошего...

Он сделал еще шаг к кровати и тише добавил:

— Поверь, Валя, у меня нет на тебя никакой обиды и говорю я это от чистого сердца... Ты ни в чем не провалилась, и никто этого не думает. Возьми себя в руки и выходи завтра на работу. Вспомни, ты же взяла большое обязательство. Я завтра буду на ферме.

Костя застыл в ожидании. Не оборачиваясь, Валя сказала:

— Нет, не могу, Костя... Не могу и не хочу. Никому я там не нужна, и мне ничего не нужно. Может, я и виновата, не буду оправдываться. Пожалуйста, оставь меня, Костя.

— Не то ты говоришь, Валя, — с горечью отозвался он. — Хорошо, я уйду. Я понимаю, что должен уйти, — подчеркнул Костя слово «должен», — но ты, конечно, еще подумаешь. Завтра мы тебя ждем.

Он решительно повернулся и вышел.

Валя с трудом переменяла положение, легла на спину и широко раскрытыми гла-

зами уставилась в потолок. Болела голова, горячо было ногам. Мысли разбегались, и она долго не могла сосредоточиться на чем-нибудь одном. Вдруг Валя вздрогнула, с беспощадной отчетливостью осознав то, что все время таилось и точило мозг: она опозорена!.. Этого не случилось бы, если бы она не приехала сюда, на родину, не пошла на злополучную «елочку». Постой, а при чем тут «елочка»? Неужели Костя прав, что она стала эгоисткой? В чем же проявился ее эгоизм? Она же никого не обидела, не предала, не присвоила незаработанного. Просто хотела... Чего же она хотела? Славы? Да, этого она хотела давно, об этом думала еще в школе, но что же в этом плохого? Сколько прославленных героев в нашей стране! Какая у них интересная жизнь! Конечно, они работали, что-то изобретали, совершали полеты в космос, но все-таки самое интересное приходило потом, вместе со славой. И Валя не хотела быть заурядной, ни в коем случае! Ведь она знала, что способнее и одареннее других — об этом ей говорили и мать, и учителя, и Дубровин, и Мария Васильевна, зоотехник, научившая ее работать на «елочке». И верно, ей все давалось легко. Правда, с «елочкой» было потруднее, но Валя быстро поняла, что ей сулит «елочка». Поэтому-то и увлеклась она необычной и неожиданной для себя специальностью. Но она знала — это временно. Если в школе ее мечты о будущем носили неясный, даже фантастический характер, то теперь они несколько определились: университетский зна-

чок, талантливая диссертация, звание кандидата, а может, и доктора, жизнь в столице, большое научное открытие — и всюду восхищенные отзывы: «И этого добилась бывшая доярка! Поразительно!..»

Все это, лихорадочно цепляясь друг за друга, пронеслось перед Валиными глазами и внезапно уперлось в ту же, лишь на мгновение забытую мысль: она опозорена, она провалилась с «елочкой», и люди уже злорадствуют над ее падением, над несбывшимися мечтами. Вот и Костя опять высказался. Он не так прост, как иногда кажется. Ему нужно только одно — чтобы она вышла на работу, а остальное его не касается. А она не выйдет, она не допустит, чтобы за ее спиной хихикали Зыков и ему подобные. Такого удовольствия они не получают. Но что же предпринять, где искать выход?

Этого Валя не знала. Ей предстояла самая длинная в ее жизни бессонная ночь...

В трудные и мучительные минуты мы хотя бы мысленно обращаемся к любимому человеку, зная, что найдем у него если не мудрый совет, то искреннее сочувствие и тепло сердца, которого не заменить ничем и которое возрождает веру в себя, в добро, в жизнь. У Вали такого человека сейчас не было.

23

Наутро Валя на ферму не пришла... Костя был подавлен и зол, но по возможности скрывал от дяди Вани свое беспокойство. Дома у него произошел резкий и неприятный

разговор с отцом, неприятный главным образом потому, что формально отец был прав, а Валя не права. Защищать ее оказалось трудным и щекотливым делом. А теперь, когда выяснилось, что Валя не передумала и, видать, не собирается приниматься за работу, Костя с раздражением говорил себе: а стоило ли защищать? Она устраивает личные делишки, а тут за нее думай и переживай...

Они закончили утреннюю дойку в девятom часу. Как и вчера, дядя Ваня умудрился промокнуть так, что Костя не выдержал, невесело пошутил:

— Взять бы тебя покрепче в охапку да выжать — то-то бы воды натекло.

— Дурачье дело не хитрое, — проговорил тот, прибираясь в траншее. — Давай заодно промоем аппараты, а то как бы они вовсе не закисло.

— Давай, — вяло согласился Костя.

Они промыли аппараты, уложили их по своим местам. Кряхтя и охая, чего за ним сроду не замечалось, дядя Ваня, словно на физзарядке, дважды согнул и распрямил спину, пошел сушиться. Костя сел на порожек котельной, закурил.

— А скажи, Костя, — внезапно спросил дядя Ваня, — что бы мы с тобой делали, ежели бы «елочки» не было?

— Ничего не делали бы, — пожал Костя плечами. — Доярки доили бы вручную, только и всего.

— Так-то так, а в какую бы это копеечку влетело совхозу? И сколько бы баб мучи-

лось над этими животными, каких мы сегодня вдвоем обработали, а Валентина и одна бы справилась?

— Чудак ты, Иван Петрович. Кто же спорит, что «елочка» выгодна?

— Да вроде бы никто, в том-то и гвоздь, — задумчиво качнул головой дядя Ваня. — А посчитай, сколько их в районе? Одна пока. Вот я и раздумываюсь: чего же проще? Раз выгодна, тащите ее в каждый колхоз! Стройте! Запрягайте ее, любушку... Так нет! Не строят. Почему это, а?

— Ну, как тебе сказать... Они же недавно пустились, промышленность маловато выпускает, да и дороговаты эти «елочки» для иных колхозов.

— Пожалуй, что так, а все же... В руководителях, по-моему, главная причина. Завели одну и рады: у нас, мол, тоже передовая техника есть, не отстаем, в ногу с другими-прочими маршируем. Да и про одну-то сейчас забыли. Школу Дубровин обещал организовать, а где она? Да теперь и со школой совестно высовываться — на последних местах идем. И между прочим Светозаров тоже в холодке отсидивается, а ведь мы — хозяйство опорно-показательное. Крутом порядок получается...

У Кости не было никакого желания продолжать этот разговор, хотя в другое время он охотно поддержал бы его. Рассчитывая пресечь неуместную словоохотливость Ивана Петровича, Костя язвительно заметил:

— Критиковать, дядя Ваня, легче, чем делать.

Результат получился прямо противоположный.

— А я что, небо копчу да траву топчу? — вскинулся Иван Петрович. — Ежели меня поставили на должность, спрашивай по всей строгости — отвечу. А то водятся такие тяжкодумы в больших чинах, что лишних хлопот боятся, одно у них на уме — как бы на кресле удержаться. И у нас так бывает: горяч почин, да скоро остыл. Ладно, придет Дубровин, я его допрошу, как насчет «елочек».

— Тебя бы референтом к нему, — невольно улыбнулся Костя.

— Кем, кем? Что-то я не дослышал...

— Ну, консультантом, советчиком, что ли...

— А я и так кому хошь посоветую, ежели понадобится. Не смотри, что я простой скотник... Ты завтракал?

— Не успел, — признался Костя.

Дядя Ваня снял с гвоздя изрядно потертую, с дырочками на уголках, сумку из-под противогаза, вынул оттуда хлеб, соленые огурцы, вареную картошку.

— Садись, перекусим. Картошку страсть люблю, вот только остыла, поди.

— Можно молока взять, вон бидоны стоят.

— Э, не стоит, — поморщился Иван Петрович. — Без него обойдемся.

— Тебе что, жалко? — с удивлением спросил Костя.

— Жалко, не жалко, а надоили-то мы с тобой даже поменьше, чем вчера. Ну и... не стоит. Чай, не ребенок грудной, потерпишь.

Костя посмотрел в недовольное лицо старика и не стал спорить.

Ели молча. Потом Костя обратил внимание на выдавшую виды сумку Ивана Петровича, указал на нее глазами:

— С фронта?

— Сумка-то? — оживился тот. — Оттуда... Вот забава, черти бы ее взяли! Почти два первых года таскали эту тяжесть, противогазы то есть, а потом они куда-то девались, даже и не помню — сами побросали или забрали их у нас обратно на склад. А сумка ладная — в ней и паек, бывало, и папиросы, и другая нужная солдату разность. Так и привез домой... Ядовитых газов опасались, однако Гитлер не посмел их употребить. Сплошное смертоубийство бы получилось...

Иван Петрович очистил картофелину, вздохнул.

— Та война, Костя, страшная была, не дай и не приведи бог, а ежели сейчас разгорится — что будет? Подумать страшно... Нам, понятно, молчать не с руки, ежели американцы или те же битые генералы за бомбу возьмутся, а только как бы это раньше им укорот дать? Чтоб не хорохорились шибко, а? А то ведь в прошлом году чуть не выиграла война из-за Кубы-то.

— Потому и не выиграла, что у нас сила не меньше, а больше, чем у них. Генералам-то за свою шкуру тоже страшно.

— Так-то так, а все же ручаться за них нельзя. Вот ежели бы таких сумасбродов совсем по боку — тогда, конечно...

— Придет время — и по боку. Народ и у них нынче грамотный стал, видит, кто ему добра, а кто зла хочет.

— Вот, вот... Не запоздали бы только. Сколько времени-то?

— Одиннадцатый час.

— Ну, я пойду, коровушек подкормлю, а ты отдыхай пока. Говоришь, к врачу вчера Валька бегала? Это к какому же врачу?

— Есть там на центральной усадьбе один специалист... — смущенно ответил Костя отводя глаза в сторону.

— А наша докторша, что же, хуже? Ну нет, я ее не похуюю. Очень даже вежливая и понимающая.

— Ну, я не знаю, — по-мальчишески покраснел Костя, не привыкший лгать кому бы то ни было. — Видно, Вале тот специалист потребовался...

Иван Петрович кинул на него осуждающий взгляд и погрозил пальцем:

— То-то, специалист! Ври да не завирайся!..

24

Около двенадцати на ферму заявился сам Николай Егорович Зыков.

Каким манером он добирался по двору до «елочки» и что думал при виде того, как прихотливая весна превратила образцовую ферму в захудалый хлев, — неизвестно. Зато Иван Петрович сразу же обратил внимание, что на Зыкове широченные, прочнейшего литья резиновые сапоги, которые он, опасаясь ревматизма, надевал крайне редко.

— Ну как тут у вас? — благодушно заговорил Николай Егорович, расхаживая по площадке и с любопытством, словно радуясь, что здесь за эти два дня ничего не изменилось, оглядываясь вокруг. —хлопотно без привычки, Иван Петрович?

— Мне что, я и вручную давал, когда жена, бывало, приболела. А вот коровам, действительно, мука, — укоризненно ответил дядя Ваня. — Это же не дойка, а, можно сказать, издевательство над животными.

— Они не молчат — мычат, — поправил Костя.

— А ты тут что делаешь? — будто сейчас только увидев сына, спросил Николай Егорович. — Агитацию среди коров проводишь?

И он расхохотался, довольный собственной шуткой.

— Костя мне помогает, а то я совсем запарился бы, — хмурясь, пояснил Иван Петрович.

— Рановато смеешься, отец, как бы скоро раскаиваться не пришлось, — негромко сказал Костя.

— Это ты о чем? Перед кем и почему я должен, по-твоему, раскаиваться?

— Тебе лучше знать. На полях-то давно сухо, а ты сюда пошел — в резину обулся. Тогда бы уж и коров в сапоги надо одеть.

— А тебе, может, перчаточки преподнести, чтоб не замарался? — не без ехидства проговорил Николай Егорович. — Да и кто тебя просил тут торчать? Прежнюю симпатию выручаешь, что ли? Поздно, брат. Зря стараешься.

Костя вспыхнул, сказал резко:

— Хотя бы и выручаю, это дело мое. А вот ты сделал все, чтобы Лесуковой работу затруднить.

— Никто ей не затруднял! — сразу обозлился и тяжело задышал Николай Егорович. — Дурья башка, сколько тебе можно доказывать? Грязь, она испокон веку весной и осенью бывает. Ты что, сейчас родился? Работнички! Одной шлея попала под хвост, а другой ее защищает. Это в детских яслях детишек на руках носят и с ложечки кормят, а здесь и по грязи своими ногами ходить надо, понял?

— Не беспокойся, давно понял! — повысил голос и Костя. — Ты, видать, привык к этой грязи, а нам привыкать незачем. И походя шельмовать молодых тебе тоже никто не позволит.

— Это я шельмую? — окончательно возмутился Зыков. — Молокосос! А ты знаешь, что эта барышня не из-за грязи работу бросила, а из дурацкого принципа? Мол, я знатная, мне все можно... За Светозарова уцепилась, да, видно, и тут сорвалось. Сейчас звонил ему, рассказал всю историю, а он говорит: нечего с Лесуковой без конца возиться, не хочет — пусть идет на все четыре стороны...

— Неправда! — воскликнул пораженный Костя. — А если так сказал, то подлец твой Светозаров, вот что!

— Видал, Иван Петрович? Вот она — современная молодежь! Родного отца сукиным сыном обзовет и не покраснеет.

— Ну как тут у вас? — благодушно заговорил Николай Егорович, рассказывая по площадке и с любопытством, словно радуясь, что здесь за эти два дня ничего не изменилось, оглядываясь вокруг. —хлопотно без привычки, Иван Петрович?

— Мне что, я и вручную давал, когда жена, бывало, приболеет. А вот коровам, действительно, мука, — укоризненно ответил дядя Ваня. — Это же не дойка, а, можно сказать, издевательство над животными.

— Они не молчат — мычат, — поправил Костя.

— А ты тут что делаешь? — будто сейчас только увидев сына, спросил Николай Егорович. — Агитацию среди коров проводишь?

И он расхохотался, довольный собственной шуткой.

— Костя мне помогает, а то я совсем запарился бы, — хмурясь, пояснил Иван Петрович.

— Рановато смеешься, отец, как бы скоро раскаиваться не пришлось, — негромко сказал Костя.

— Это ты о чем? Перед кем и почему я должен, по-твоему, раскаиваться?

— Тебе лучше знать. На полях-то давно сухо, а ты сюда пошел — в резину обулся. Тогда бы уж и коров в сапоги надо одеть.

— А тебе, может, перчаточки преподнести, чтоб не замарался? — не без ехидства проговорил Николай Егорович. — Да и кто тебя просил тут торчать? Прежнюю симпатию выручаешь, что ли? Поздно, брат. Зря стараешься.

Костя вспыхнул, сказал резко:

— Хотя бы и выручаю, это дело мое. А вот ты сделал все, чтобы Лесуковой работу затруднить.

— Никто ей не затруднял! — сразу обзлился и тяжело задышал Николай Егорович. — Дурья башка, сколько тебе можно доказывать? Грязь, она испокон веку весной и осенью бывает. Ты что, сейчас родился? Работнички! Одной шлея попала под хвост, а другой ее защищает. Это в детских яслях детिशек на руках носят и с ложечки кормят, а здесь и по грязи своими ногами ходить надо, понял?

— Не беспокойся, давно понял! — повысил голос и Костя. — Ты, видать, привык к этой грязи, а нам привыкать незачем. И походя шельмовать молодых тебе тоже никто не позволит.

— Это я шельмую? — окончательно возмутился Зыков. — Молокосос! А ты знаешь, что эта барышня не из-за грязи работу бросила, а из дурацкого принципа? Мол, я знатная, мне все можно... За Светозарова уцепилась, да, видно, и тут сорвалось. Сейчас звонил ему, рассказал всю историю, а он говорит: нечего с Лесуковой без конца возиться, не хочет — пусть идет на все четыре стороны...

— Неправда! — воскликнул пораженный Костя. — А если так сказал, то подлец твой Светозаров, вот что!

— Видал, Иван Петрович? Вот она — современная молодежь! Родного отца сукиным сыном обзовет и не покраснеет.

Наступило тяжелое молчание. Костя кипел негодованием, но не столько на отца, сколько на отсутствующего Светозарова. Николай Егорович, багровея лицом, натужно кашлял. Дядя Ваня бесцельно вертел в руках резиновый шланг, недоуменно шевелил усами. Наконец спросил:

— Это верно, Егорович, что директор так выразился или, по простому сказать, обругал Валентину?

— Почему обругал? Сказал то, что есть. До каких же пор ей в рот заглядывать и капризы ее исполнять? У нас здесь что — государственное предприятие или шарашкина контора? Дисциплина должна быть или нет?

— Без дисциплины, понятно, нельзя, но и Костя прав — обидели вы Вальку. Сами же ее вознесли, а теперь, выходит, пускай как хочет, хоть и на все четыре стороны... Это значит вовсе души человеческой не понимать, Егорович. Валька — это, к примеру, не то, что я или Пасько. Ты-то зачерствел под старость, это я могу понять, а вот Светозаров почему таким проявился? Что же из него дальше получится?

— Ну, это не моя забота, — огрызнулся Николай Егорович. — Старый, а туда же... Кому подпеваешь-то? Эка невидаль — девка раскапризничалась. Завтра Зинка из больницы выйдет — сразу все и уgomонится. Эта не избалована, хныкать да жаловаться не будет.

— Хныкать не будет, но и терпеть беспорядки тоже не станет, — с вызовом сказал

Костя. — Ей тоже не захочется обязательство проваливать.

— Обязательство-то не она брала, к твоему сведению. Есть разница?

— Нету. Обязательство лежит на «елочке», а Зинка от Вали никогда себя не отделила.

— Ты, Егорович, и то поймей в виду, что я здесь тоже не посторонний, — веско добавил Иван Петрович.

Зиков свирепо оглядел обоих, но промолчал, подумал: «Надо будет Светозарова предупредить, а то поднимется шум — могут на меня все свалить. А Косте я дома пропишу, молод еще меня учить...»

Он уже собирался уходить, но вспомнил, что последнее слово осталось не за ним, скороговоркой буркнул:

— Ну ты, Иван Петрович, постарайся еще сегодня, а завтра Зинка придет. Она мне так сказала, что уговорит врача пораньше выписать, раз надо.

«Ишь ты, не поленился в больницу сбегать», — удивился Костя.

Потоптавшись еще несколько у дверей, Николай Егорович исчез. А через полчаса в доильный зал, предварительно постучавшись, вошел Терентий Павлович Лазуткин. Он вел за руку белобрысенькую девчущку с льяными косичками, хотя вести ее не было никакой нужды: ей самой не терпелось увидеть «елочку» собственными глазами.

«Да ведь это Танюша! — узнал и почему-то обрадовался Костя. — Та самая, которая в нашем концерте участвовала. Ох и бедо-

вая девчонка, правду Володя Дьяков говорил».

Терентий Павлович малость огляделся, весело сказал:

— Здорово живете, молодцы! Принимайте гостей, вот ученицу вам привел, Татьяной Шубиной зовут, прошу любить и научить доброму делу.

Дядя Ваня так и всплеснул руками, растерянно посмотрел на Костю. Костя не совсем уверенно ответил Лазуткину:

— Милости просим, Терентий Павлович. С Таней вашей я знаком, только вроде не слышал, чтобы она в доярки собиралась.

— А вот взяла да и собралась, — не без гордости глянув на девушку, сказал Лазуткин. — Еще какая доярка выйдет! Не хуже вашей Лесуковой. Верно, Танюша?

Таня зарделась, но ответила бойко:

— Постараюсь, Терентий Павлович. Раз взялась — не отступлю. — И повернулась к Косте, взмахнув косичками. — По-твоему, я неспособная, да?

— Да нет, почему же... — смутился Костя. — Вовсе... даже наоборот.

В это время дядя Ваня сосредоточенно рассматривал на ладони какую-то железную шутовину, упрямо не поднимал глаз.

— А Лесукова-то где же? — спросил Лазуткин. — И помощницы ее тоже не видно.

— Помощница болеет, но завтра она будет, — уклончиво сказал Костя.

— Ну, а Валентина? — допытывался Терентий Павлович, которому не терпелось поскорей познакомиться Таню с самой Лесуковой.

Дядя Ваня швырнул шутовину в угол, ожесточенно, будто злясь на кого-то, заговорил:

— Кому другому не сказал бы, а тебе, Терентий Павлович, откроюсь. Да и все равно сам все узнаешь. Неприятность у нас тут с Валентиной случилась. Второй день на работу не выходит, и неизвестно, выйдет ли. Обидели ее, ну и она маленько подзазналась, закусил удила. Дело-то молодое, а подбавить ума-разума оказалось некому... Маяк-то она, конечно, маяк, но и у маяков разные характеры бывают, не на одну колодку сделаны. Так-то вот...

Лазуткин сразу посерьезнел, шагнул к дяде Ване, негромко попросил:

— Ну-ну, расскажи, Иван Петрович...

И дядя Ваня, ни разу не посмотрев на Костю, рассказал всё — о Валиной славе и шумихе вокруг нее, о грязи и бескормице, повлекших падение надоев, о Зыкове и о словах Светозарова, что пусть-де Лесукова идет на все четыре стороны... Не упомянул лишь о личных отношениях Вали со Светозаровым, хотя был убежден, что они-то и явились последней каплей, переполнившей меру душевной стойкости девушки. Но Лазуткину между прочим и не надо было об этом намекать, он сам слышал кое-что о Вале и Светозарове — в деревне такие вещи не так-то легко скрыть.

— М-да, — озабоченно произнес он, правая зачем-то защитного цвета фуражка. — Видишь, Танюша, как оно бывает... Героем-то, оказывается, тоже не так просто

быть. Характер подтверже, чем у Валентины, надо иметь. Но и вы, — Лазуткин укоризненно посмотрел на мрачно насупившегося Костю, — Лесукову напрасно проглядели. Наверно, думали, что раз она герой, так ей уж все ясно и понятно, а ведь жизнь-то у Валентины только начинается. Может, она и вообразила, что теперь без друзей-товарищей обойдется, я же Лесукову немного раньше знал, самолюбия у нее и тогда было не по возрасту, но вы-то, молодежь, почему так поступили? Похваливали, небось, и всё, а того не доглядели, что похвалы ей во вред шли. Головы и покрепче от похвал кружились. Да и начальство ваше... Ладно, со Светозаровым я поговорю, ну; а теперь что вы нам с Танюшей прикажете делать?

— Да что! — решительно сказал дядя Ваня, — пусть остается, а завтра и за дело — вот что. Зинка, брат, живо ее обучит. А жить она у меня будет, места хватит. Только ты мне объясни, Терентий Павлович, обучить-то мы ее обучим, в этом не сомневайся, а на чем же она у тебя работать будет? «Елочки»-то у тебя ведь нет?

— Верно, нет, — улыбнулся Лазуткин. — Но фундамент уже закладываем. Будет и у нас «елочка», Иван Петрович. Правда, не такая капитальная, как у вас, а полегче да подешевле... Ты думаешь, это я самолично Татьяну сагитировал? Сами ребята ее выбрали и сюда командировали.

— По вашему совету, Терентий Павлович, мне же девчата рассказали, — поправила Таня.

— А хотя бы и по моему, — охотно согласился Лазуткин. — Я да они — вот и получилась отличная кандидатура.

— Ой, что вы меня заранее хвалите? — смущаясь посторонних, запротестовала девушка. — Я и сама не знаю, что у меня выйдет. Может, и вовсе ничего...

— Ладно, не буду. Только я ведь твой характер тоже немного узнал за это время. Ну и... выйдет. Ты бы, Иван Петрович, показал ей пока всю эту механику. Так сказать, ориентировочно...

— Это можно, — бодро отозвался дядя Ваня. — Давай-ка, Татьяна... как тебя по батюшке-то?.. Семеновна, спускайся сюда, в траншею, да халат сперва надень, вот он висит...

Терентий Павлович отозвал Костю в сторонку, положил руку ему на плечо.

— Где сейчас Валентина, знаешь?

— Дома, наверно... где же еще? — Костя недоуменно глянул на Лазуткина и вдруг почувствовал, что краснеет. Это окончательно смутило его.

Терентий Павлович не сводил с Кости пристально-задумчивого взгляда и не снимал с плеча тяжелой мужицкой руки.

— Наверно... А на что она может решиться, тоже не знаешь? Кому-кому, а тебе, по моему, это не безразлично, верно? Вижу, что верно. Ну так вот, пойдти и поговори с ней по-товарищески. Пока один, понял? А я к Светозарову съезжу. Хотя, черт его знает, ежели он так про Лесукову сказал, толку не будет. Не ожидал... Ладно, выскажу

все, хотя я тут вроде и посторонний. Узнаю хоть, что у него за совесть, да и он, может, кое над чем призадумается. Я ведь его предупредал. Да, дела... Сложная это штука — порог жизни переступить, недолго и споткнуться, а подниматься-то еще труднее. Это же понимать надо...

Лазуткин вроде размышлял про себя, да так оно и было, потому что за свою почти полувековую жизнь Терентию Павловичу пришлось принимать участие во множестве человеческих судеб, и он знал, как это важно — вовремя поддержать человека в переломную пору, а еще лучше — предугадать в его поведении назревающий кризис и уметь уберечь от тяжелой ошибки.

После слов Терентия Павловича Костю впервые обожгла мысль, что Валя может уехать. Однако поверить в это было так же трудно, как и в то, что она глубоко и страстно влюбилась в Светозарова.

25

Не без внутреннего трепета открывал Костя знакомую калитку, а потом стучал в дверь квартиры Лесуковых. Ему никто не ответил, хотя Костя по некоторым признакам почувствовал, что дверь изнутри не заперта. Тогда он решился и вошел в маленькую переднюю.

В комнате за столом, заваленном стопками тетрадей, сидела Анна Сергеевна. Она так крепко задумалась, что не сразу заметила Костю, а заметив, подняла голову, по-

200

смотрела на него чуть растерянным, Косте показалось — виноватым взглядом.

— Я извиняюсь, Анна Сергеевна, что без спросу... Здравствуйте. Валя дома?

Анна Сергеевна отрицательно покачала головой, потом тихо проговорила:

— Нету Вали, голубчик... Уехала. Вот, почитай...

И приложила платок ко рту.

Костя дрожащей рукой взял лежавшую на краю стола записку. Знакомый торопливый почерк:

«Дорогая, милая мама.

Знаю, что поступила нехорошо, не простившись с тобой, но ведь мы скоро увидимся. Все равно я не сумела бы объяснить тебе, почему я должна уехать. Поверь, мне тяжело было на это решиться, но другого выхода я не вижу. Пока буду у тети Глаши, попробую готовиться в университет, и ты за меня не беспокойся. Если увидишь Костю, то, пожалуйста, передай ему, что я извиняюсь за вчерашнее и за все, за все. Может, он и прав, но я не могла поступить иначе.

Твоя Валя».

Костя медленно положил записку на прежнее место, но тут же снова взял и перечитал еще раз... «Извиняюсь за все...» «не могла поступить иначе». Злость, обида и жалость одновременно охватили Костю. Почему не могла? Как можно было решиться на такой шаг? Это же прямое дезертирство, другого слова не подберешь. Что подумают теперь о Вале Терентий Павлович, Танюшка, Зинка, дядя Ваня, Сергей Коряков? И как будут довольны отец со Светозаровым! Глупышка, трусиха — вот кто ты, товарищ Лесукова.

8 Обала

201

Но, черт возьми, ей, наверно, сейчас так тяжело, и неизвестно, чем все это кончится. Милая, упрямая Валюша, разве можно так?..

Анна Сергеевна выжидательно смотрела на Костю, не решаясь заговорить с ним первой. Костю удивило, что мать, кажется, не особенно расстроена и огорчена бегством дочери, как видно, она не понимала всего трагизма и вместе с тем нелепости Валиного поступка.

«Платок у рта — это просто старая бабья привычка», — неприязненно подумал Костя и не очень вежливо спросил:

— Допустим, Валя не простилась с вами, но до этого-то говорила что-нибудь, почему она уезжает?

— Да нет, ничего, — вздохнула Анна Сергеевна. — А разве она никого не предупредила, и тебя тоже?

— В том-то и дело... — сердито ответил он и замолчал на полуслове: бесполезно было объяснять Анне Сергеевне, что все это означало, да ее это мало и интересовало.

— А ей ничего за это не будет, Костя?

В глазах Анны Сергеевны промелькнула тревога.

— За что? — думая о другом, переспросил он.

— Ну за то, что самовольно уехала.

— Не знаю... Под суд, может, и не отдадут, но вы о том подумайте, Анна Сергеевна, что в городе-то с Валеи может быть? Как дальше станет жить? Люди что о ней говорят будут?

Анна Сергеевна подвинулась на стуле, недовольно поджала губы.

— От хорошего Валя не уехала бы, вот что я скажу, голубчик. А то придет, бывало, с этой своей фермы — и в слезы, то неладно, это не так. Относились бы к ней получше, небось, не поехала бы, поработала еще...

— Давно ли у нее слезы-то появились? — иронически спросил Костя.

— Отец твой тоже Валею не любил, а ведь на каждого не угодишь, — продолжала Анна Сергеевна уже совсем учительским тоном. — Пока рекорды были, все Валею хвалили, а разве она виновата, что рекордов не стало? Ну, а теперь... что ж, хватит с нее, в университет пора готовиться. У тети Глаши ей будет спокойно, никто нервы не станет трепать. А здесь пусть другие так же потрутся, как Валя трудилась. По работе-то ее упрекнуть не в чем, верно?

— Верно, да не совсем, — подчеркнуто сказал Костя. — И без Вали работа не хуже пойдет, не беспокойтесь. Только как бы она сама не раскаялась в том, что сделала.

— А уж это ее дело, я не вмешиваюсь. Валя, чай, сама взрослая, — почти сухо проговорила Анна Сергеевна и засунула платок в рукав. — Главное, чтоб ей покой был...

Больше Косте здесь делать было нечего. Он попрощался и вышел на улицу.

«Вот так... Вот, значит, для чего «елочка» Вале была нужна. Да она и сама мне как-то намекала. Но ведь любила же она свою работу, иначе не получалось бы у нее все

так здорово. Только, выходит, разная любовь бывает. Вот Зинка... или дядя Ваня... молодая и старый, а случись такое — ни за что не убежали бы. Сердцем к своему делу поirosли, а Валя... Только прав Терентий Павлович: проглядели мы ее. Да и не мы одни. Кто ее воспитывал? Да тот же Дубровин, например. Простой был метод: ура, и никаких эмоций, как Светозаров выражается. А мы в сторонке отсиживались. Но и Валя до чего же слабой оказалась, даром что гордая. Вилать, не та это гордость, не настоящая... Где она сейчас? О чем думает? Эх, повидать бы ее, хоть слово услышать! Написала: «Извиняюсь за все», а как это понять — насовсем попросилась или... Нет, надо к ней съездить, нельзя же так...»

26

На другой день, придя домой на обед, Николай Егорович еще с порога обратился к сыну:

— Ну, что я тебе говорил? Смывась твоя краля, чуть не ночью убежала, чтобы люди не увидели. Нет, брат, сколько волка ни корми, он все в лес смотрит, а ты мне доказывал... Избаловала ее за эти годы, пока училась, городская жизнь, к нашей теперь не прилепишь. Я это еще зимой высказывал.

— А ты рад, что она уехала? — холодно спросил Костя.

— Рад? — Николай Егорович снисходительно рассмеялся. — Вот и видно, что молодой ты еще, простых вещей не понимаешь.

С чего бы мне радоваться, скажи на милость? Начнутся расспросы, то да се — одним словом, одни неприятности. Допустим, я тут ни при чем, а все-таки... Но Валентину я понимаю. Зачем ей тут себя насиловать и мучить, раз работа не по душе? Очень даже тонятно...

— Раньше-то была по душе, — не совсем уверенно проговорил Костя.

— Пока все гладко да весело шло.

Костя злился, но ответить достойно не нашелся. Была в словах отца своя логика, не хотел он понять одного — что Валю можно было удержать, если бы вовремя помочь ей, отнестись по-доброму, внушить чувство ответственности. Впрочем, сейчас Костя сомневался даже и в том, помогло ли бы это. Да, вот чего главным образом не хватало Вале — чувства ответственности. Но никто почему-то не подумал об этом...

— Я не говорю, что Лесукова целиком права, — глухо произнес Костя, одеваясь. — Но и вы немало постарались, чтобы толкнуть ее на дезертирство. А сейчас боитесь, как бы неприятностей не нажить. Как и что теперь будет с Валей — на это вам со Светозаровым в сущности наплевать, вот что возмутительно.

— Ты это брось, — нахмурился Николай Егорович. — У Светозарова своя голова на плечах, он, видать, из молодых да ранний, так и рвется куда бы повыше, а мне работа нужна, переживаний разных я в молодости насмотрелся. Ими тебе можно заниматься, а у меня и без того хлопот полон рот.

Костя натянул на лоб свою серую, в крапинку, кепку, пошел к дверям.

— Ты куда? А обедать?

— Я уже... В контору зайду, сведения взять надо.

— Вот это по мне! — оживился Николай Егорович. — Полюбуйся там, сколько мы делов наворочили. Думаю, сегодня зернобобовые добьем, а завтра на картошку и овощи навалимся. Напиши там в листке, что главное — темпы не сбавить. Ну и, понятно, переловиков отметить, есть кого отметить...

Возле конторы Костя встретил Сергея Корякова. С той размолвки они виделись лишь мельком, поговорить откровенно не удавалось, и сейчас Костя чувствовал себя неловко. Сергей только что спустился с крыльца и стоял, поджидая приятеля. Но, дождавшись, тотчас взял Костю под руку, отвел в сторону:

— Значит, сбежала? — без обиняков спросил он.

Костя молча кивнул.

— Да, иначе это не назовешь, — задумчиво проговорил Сергей. — Как же это случилось?

— Я что, ее поверенный, по-твоему? — сердито сказал Костя.

— Ну все-таки... А в общем-то понятно: все мы только «елочку» да литры видели, а что у Вальки за душой — на пробовах узнать. Да и не теперь это у нее началось, вот что плохо... Вернется она к нам, как думаешь?

— Вряд ли,

— Пожалуй... А повидать ее все же надо, а?

— Делегацию к ней собираешься послать? — усмехнулся Костя.

— Зачем делегацию? Это ни к чему. Сам съездишь.

— А нужны мы ей?

— Нужны, не нужны, а узнать надо. Что же, так вот и будем: уехал человек по каким-то не простым причинам, а мы — туда ему и дорога? Не по-товарищески получается.

— Вот и съездил бы сам. В семилетке же вместе учились...

Неизвестно, почему злился и язвил Костя, ему и самому был противен этот тон, но переменить его он уже не мог. Сергей показал глазами на окна конторы, сокрушенно проговорил:

— Эх и болтают там черт знает что... Ну, мне некогда, на смену спешу. Пока.

Сергей пожал Косте локоть, развалисто и скоро пошагал по улице.

Костя постоял в раздумье — идти или не идти в контору, но идти надо было, и он тяжело стал подниматься по ступенькам крыльца.

27

Прошло еще пять дней, а Костя все не мог решиться на поездку к Вале. Но выжидал он не только из-за нерешительности или боязни встречи. Он знал теперь, что встреча неизбежна, что рано или поздно он не выдержит и поедет к Вале, если... если она са-

ма не вернется домой. Каждое утро, просыпаясь, Костя с тревожной и сладостной надеждой думал: вот он выйдет из дому, как всегда, сделает круг, чтобы пройти мимо школы, а там, на крыльце, а может, и у калитки — Валя... Этот момент так ясно представлялся ему, что Костя почти не сомневался в его реальности — пусть не сегодня (он допускал на всякий случай некоторую отсрочку), так завтра уж непременно. Он действительно делал круг, медленным шагом проходил мимо школы, но там, как и вчера, никого не было...

И не могло быть, понимал Костя умом. Разве может вернуться Валя после всего, что случилось? Вернуться — значит, открыто и прямо признать свою вину, а чувствует ли она себя виноватой? Но если даже и чувствует, решится ли самой себе сказать об этом? Для Вали, это, пожалуй, потруднее, чем для кого бы то ни было. Похоже, она потеряла точку опоры в жизни и вновь ее найти не так-то просто. А в чем она — точка опоры? Для каждого, наверно, разная. И еще неизвестно, была ли она у Вали вообще...

А у него? В чем он видит смысл своей жизни, ради чего живет? Неужели только ради того, чтобы прожить жизнь более или менее честно и все? А Валя разве не стремилась к тому же? Ну да, у нее была мечта — добыть себе славу, и этого она достигла, а дальше? Дальше вот что вышло... Это честно или нет? Вряд ли. Нет, он, Костя, славу себе добывать не стал бы, хотя, ко-

нечно, это заманчивая штука. Слава могла бы прийти к нему незаметно, если бы он ее заслужил. И ничего бы в его жизни не изменилось, разве что чувства ответственности прибавилось бы. Ведь на человека со славой равняются, ему хотят подражать другие. Но что об этом говорить, в его должности славы не добудешь, хотя он любит свою работу. Ему приятно, когда люди, пришедшие в клуб, довольны концертом или лекцией, приятно, что у него много друзей-единомышленников, он радуется, когда пишет в стенгазете или боевом листке что-нибудь хорошее о Сергее Корякове и его товарищах, радуется всему новому, что появляется в совхозе. И если ему доведется уехать в институт, он вернется сюда же. Здесь — его точка опоры, здесь он хочет приносить пользу, на какую способен.

Костя усмехнулся... Не очень-то грандиозны его планы, но что ж поделаешь? Так уж он создан. Посмотреть со стороны — серая жизнь, а вот сам Костя с этим не согласен. Планы у него вполне конкретные: надо подготовить новую программу концерта и выступить с ним в ближних сельских клубах, пора уже братья за постановку большой пьесы — сил для этого хватит. Ребята просят договориться о выступлении в районном Доме культуры — что ж, и выступим, не осрамимся. Готовится читательская конференция по роману «Секретарь обкома» — надо проследить, чтобы роман прочитало как можно больше людей. И, пожалуй, пора уже посылать документы, узнать, к каким эк-

заменам следует готовиться. А тут еще Валья... Сергей прав — нельзя вот так легко, сплеча отрезать: была знатная доярка, гордость совхоза, а теперь уехала — и не нужна. А если ей сейчас совсем плохо и она ждет чьей-то помощи? Вчера ребята на репетиции разговорились и, хотя многие осуждали Валью, тут же спрашивали: как бы поправить человека, сделать возможным его возвращение. Ведь не в одних Валькиных капризах дело...

Все эти дни Костя ни разу не побывал на «елочке», хотя хорошо знал, что там делается. Его почему-то смущала встреча с Зинкой. Когда он навещал ее в больнице, то испытывал не только жалость и сочувствие к ней, но и не вполне осознанную нежность за ее преданность и безответную привязанность к нему. А главное — он искренне уважал и ценил Зинку и вместе с тем понимал, что этого ей недостаточно. Если б он тогда не взялся отводить эту злополучную лужу, она не упала бы в ледяную воду и не схватила воспаление легких. В больнице Костя не мог обидеть ее своей сухостью.

Но теперь Зинка была здорова, она снова работала на «елочке» — и притом самостоятельно! — и не нуждалась ни в жалости, ни в участии. А если нуждалась, то как вести себя с ней? Он ничего не мог ей предложить, кроме бескорыстной и верной дружбы, ничего... Зинка милая и чуткая Зинка должна понять все. И она, конечно, поймет, как бы ни было это грустно и ей, и ему, пусть и по разным причинам...

Не пошел бы Костя на ферму и в этот день, если бы не Терентий Павлович Лазуткин. Председатель колхоза догнал Костю на своей машине, когда Костя в полдень шел по улице в клуб. Машина остановилась, Лазуткин по-молодому выпрыгнул из кабины, махнул шоферу — езжай, мол, — а сам подошел к Косте, поздоровался с ним за руку, спросил:

— Куда путь держишь, добрый молодец?

— Мой путь известный — в клуб, — улыбувшись, ответил Костя.

— Ладно, не убежит куда твой клуб. Проводи на ферму, хочу свою ученицу навестить. Что там нового слышно?

— Да все нормально, Терентий Павлович. Таня старается, говорит, что как вернется в колхоз, сразу же потребует от вас «елочку».

— Ишь ты! Ухватистая девка! «Елочку» мы ей сделаем, я сегодня не зря в город скажился. У шефов был, помогут кое-чем...

Косте захотелось спросить, говорил ли Терентий Павлович со Светозаровым о Вале, но он стеснялся. Да и до нее ли сейчас Лазуткину? Своих забот невпроворот. Но любопытство превозмогло, и Костя спросил:

— В городе о Лесуковой ничего не довелось услышать?

— Видать не видал, а с Дубровиным о ней говорил, — хмурясь, ответил Терентий Павлович. — Да ему Светозаров уже доложил всю эту историю. Дубровин, конечно, удивлен: сколько, мол, возились с Лесуковой, а она вон какую штуку выкинула. Не-

надежный народ эта молодежь, в большом деле положиться на нее нельзя... Я ему, понятно, обратное доказываю, говорю, что подход к Лесуковой был неправильный, а Светозаров тут сыграл явно неприглядную роль — куда там! Светозарова, мол, не трожь, недавно к руководству пришел, а уже показал, на что способен — первым сев заканчивает. Беречь и поддерживать таких людей надо. А Лесукова... Что ж, незачем, мол, раздувать это некрасивое дело, мало ли что бывает. Других маяков найдем. В общем, погворили по-мужски, да Дубровина разве переговоришь?

— Ну, а Светозаров что?

— Этот, брат, от всего отказывается: не я, дескать, Лесукову поднимал и воспитывал, не мне и расхлебываться... Скользкий и наглый тип, по-моему. Сразу не ухватишь. А пойдет далеко, нюх у него собачий. Таких на одном случае не прижмешь — вывернется... Ну, а ты сам как оцениваешь поступок Валентины?

Костя ждал этого вопроса, но не скоро собрался с мыслями.

— Несмотря на то, что вы сейчас рассказали, оправдывать ее трудно. Какой-то точкой опоры не было здесь у Вали, — вспомнил он свои недавние рассуждения и смутился: не очень-то ясно и членораздельно получилось.

Но Терентий Павлович, казалось, сразу все понял.

— Вот именно, — подтвердил он. — А она у каждого должна быть. Понимаешь, Костя,

поведение Валентины — это тоже своего рода пережиток, только не старый — стяжательство или корысть, а новый — зазнайство, этакий барский индивидуализм, что ли... С ним не столько бороться, сколько предупредить нужно, особенно у молодых. Нам, большим и маленьким руководителям, крепко об этом помнить надо, да и ты намотай это на ус. Плохо, когда о нашем брате по отчетам и процентам судят и не интересуются, какой мы моральный урон людям можем нанести, ежели за процентами живых и разных судеб не увидим. А это, брат, дороже стоит, чем выполнение плана во что бы то ни стало...

Терентий Павлович внезапно умолк, словно спохватившись, что все это для Кости не так уж важно и интересно, хотя Костя слушал его с нескрываемым любопытством и вниманием. Лазуткин сам был удивлен собственной словоохотливостью и, застеснявшись, пояснил:

— Это я Светозарову такую лекцию читал, смешно получилось. У него ведь высшее образование, а у меня семилетка да курсы разные. И ты думаешь, он этих вещей не понимает? Препотлично понимает, только уверен, что это к нему не относится. Да, сложная это штука — человек. Вот, к примеру, про доярку или тракториста вскорости можно сказать, хороши они или плохи, а руководителя как определить? Не говори, что это просто, Костя. Для руководителя-то точных оценок еще не придумано, и вот какой-нибудь бездушный и черствый, но снорови-

стый и ловкий «процентник» годами сидит у руля и числится в номенклатуре, а коллектив его не любит и не уважает, и ему горя мало, что не уважает, лишь бы начальство одобряло. Он думает, что коллектив для того и создан, чтобы им командовать, а то, что он веру в справедливость и живую душу у людей убивает — на это ему наплевать...

— Это все от культа личности тянется, и не так легко, видать, это вытравить, — сказал Костя.

— Ох, не легко, — тряхнул головой Лазуткин. — По себе знаю. Бывает, начнешь какое-нибудь дело, убежден, что прав, и народ тебя поддерживает, а нет — в душе будто червячок шевелится: а как в районе на это посмотрят, не дадут по шапке?.. С сукровицей эта боязнь выдавливается, чего уж тут скрывать. Только ты вот на что обрати внимание: народ-то смелее иных руководителей стал, значит, будет толк. Народ назад теперь не повернешь и поперек дороги ему не станешь — мигом раскусят и убраться попросят. Вот и приходится иным лавировать да похитрее изворачиваться...

Терентий Павлович улыбнулся, хлопнул Костю по плечу.

— Вот ведь о каких материях мы с тобой разболтались, а Валентине-то, небось, от этого легче не стало, верно? Чем она теперь намерена заняться, как, по-твоему?

— В университет, скорей всего, готовится.

— В университет? Что ж, неплохо. Если, конечно, этот урок помнить будет. А то ведь и в университете подобные пережитки встре-

чаются. Но было бы лучше, если бы она вернулась. Как ни тяжело, а лучше...

— Понятно, лучше бы, Терентий Павлович. Только трудно на это рассчитывать. Боясь, что тут, кроме других причин, личные причины имеются.

— Я тоже так думаю, — кивнул Лазуткин. — Что-то очень уж Светозаров нервничал, когда я ему про это намекнул...

Костя многое мог бы сказать по этому поводу, но он боялся собственных догадок и тем более не хотел делиться ими с Лазуткиным, человеком все-таки посторонним, а главное — не потерявшим уважение к Вале. Мало ли что могло прийти ему, Косте, в голову, а если все это неправда? С другой стороны, Терентий Павлович, судя по всему, уже имел обо всем этом определенное мнение и не высказывал его лишь из чувства такта.

Больше на эту тему не заговаривали...

28

На ферме они застали и Зинку с Танюшкой, и дядю Ваню с Паськом. Девушки убрались в доильном зале, готовились к дневной дойке, а Иван Петрович и механик, как обычно, сидели в котельной и молча, ожесточенно дымили самокрутками. О «Беломорканале», как видно, здесь уже забыли — новых-то экскурсий не бывало уже давно...

Завидев Костю и Лазуткина, дядя Ваня с живостью вскочил с чурбана, радостно,

будто не встречался с ним целый год, заговорил:

— Ты куда же это пропал, Костя? Нет и нет, как в землю провалился. Нехорошо, брат, старых дружков забывать... Здорово, здорово, Павлович, милости просим, полюбуйся на свою и нашу воспитанницу — прямо герой да и только...

— Так уж и герой? — усмехнулся Терентий Павлович.

— Ну, сказать, пока не совсем, а девка с большим понятием. Старших уважает, вот что дорого! А у нас тут новья с целый короб. Перво-наперво — были вчера Светозаров с Егоровичем, взялись порядки наводить, чуть не в каждую щель заглядывали. К вечеру шлаку привезут, ну и кормов тоже подбросить обещали. Уяснил ситуацию, Костя? Житуха нам теперь — лучше не надо...

— Чему же ты радуешься, дядя Ваня? — холодно сказал Костя. — Они за свою шкуру испугались, а ты вроде в ноги готов им поклониться.

— Но-но! — сразу как-то скис дядя Ваня. — Христофорович вон свидетель, я Светозарову все как есть высказал. Шлак и корма, может, и будут, а человека-то нет. Не было письмишка от Вальки?

— Нет, — коротко ответил Костя.

— Ну-к что ж, проходите в залу, девчата, небось, рады будут, — засуетился Иван Петрович и побежал открывать дверь.

Зинка и Танюшка, обе в халатах и резиновых сапогах, заметно смутились, но на самое короткое время. Танюшка радостно и не

без гордости улыбнулась Терентию Павловичу, а Зинка с всегдашней приветливостью — Косте, получив в ответ дружеский, хотя и короткий взгляд. Дядя Ваня и тут успел опередить всех, весело заговорив:

— Вот они, наши красавицы.

Терентий Павлович тряс своими шершавыми, крупными ладонями маленькую руку Танюшки, морщил в улыбке уголки глаз, спрашивал:

— Ну, как тут живет-ся-работается, рассказывай. Тебя в халате не сразу и узнаешь, на докторшу похожа. Приедешь домой, небось, заважничает, а?

— Уж вы скажете, Терентий Павлович...

— Значит, у тебя все в порядке, Таня? — радуясь за девушку, сказал Терентий Павлович. — Ты мне, главное, всю аппаратуру изучи досконально, чтоб разобрать, собрать умела.

— А сколько еще мне здесь работать?

— А это ты сама решай, тебе виднее. Зина, ты довольна ученицей?

— Что вы, Терентий Павлович! Таня очень способная и старательная, — серьезно ответила Зинка.

— Я ж говорю — девки как на подбор, — вмешался дядя Ваня. — Душа в душу работают, приятно посмотреть.

Он потянул за рукав Костю, шепнул:

— А все-таки Валькиной легкости у них еще нет. Блеску не хватает...

Костя подумал: еще не известно, плохо это или хорошо. Внешнего-то блеску, может, и нет, зато за Зинку и сам дядя Ваня спокоен:

эта выдержит, сделает свое дело незаметно и надежно. А вот Таня... Да и она под прищотром Терентия Павловича наверняка станет настоящим маяком, на которого многим будет лестно равняться.

Костя вдруг вспомнил, как они с Иваном Петровичем в первый раз доили здесь коров, и невольно улыбнулся. Он и не подозревал, что и таинственный шепот дядя Вани, и его непонятная улыбка беспокоили и волновали Зинку, она думала, что говорят про нее и, может быть, осуждают за что-то, хотя ничего такого предосудительного она вроде бы не сделала. Неужели за то, что заменила Валю и как-то призналась дяде Ване, что она, Зинка, так не поступила бы? Но ведь она не напрашивалась сюда, ее просто назначили — разве можно было отказаться? И уж если говорить правду, дела на «елочке» без Вали идут нисколько не хуже. Неужели Костя так жалеет Валю, что мог возненавидеть ее, Зинку?

Она неловким движением поправила козынку, опустила глаза и отошла в сторону. От Кости не ускользнуло ее смущение, хотя он и не догадывался о причине. Только чувствовал, что должен, обязан подойти к ней. И он, делая вид, будто осматривает площадку, приблизился к Зинке, попробовал поймав ее взгляд.

— Не тяжело после болезни, Зина? Тебя ведь раньше срока заставили выписаться.

— Кто же меня заставил? — удивилась она, подозрительно глянув на Костю. — Я сама...

— Ну, все равно... — поняв неуклюжесть и неуместность своего намека, пробормотал он. — Про обязательство ты знаешь?

— Ага, — смягчившись, кивнула Зинка. — Мы уже договорились с Николаем Егоровичем, завтра мне Клаву Замятину в помощницы дадут. Она согласна.

— Клаву? Ну, из нее получится толк. Выходит, «елочка» была и есть, верно?

Он сказал это почти с гордостью и совершенно искренне, несмотря на то, что не переставал думать о Вале и ее судьбе.

— Конечно. Как же иначе? — просто ответила Зинка.

Ей уже давно хотелось спросить у Кости про Валю, но она боялась сфальшивить, боялась, что Костя заподозрит ее в неискренности, хотя на самом деле Зинка тоже жалела, что все так вышло. Было бы куда веселее и лучше, если бы Валя по-прежнему была здесь и они работали бы вместе.

Все-таки она решилась, сказала вполголоса, чтоб не услышали другие:

— От Вали весточки нет?

— Нету... Я, знаешь, хочу к ней съездить, узнать, как и что...

Зачем он это сказал? Еще мгновение назад Костя и не думал этого говорить, сказавшись как-то само собой, почти машинально — может быть, потому, что мысль о поездке все время сидела у него в голове, особенно после разговора с Терентием Павловичем. И когда Костя увидел, что поправить уже ничего нельзя, он понял, что не сказать этого тоже нельзя было.

Зинка помолчала, теребя пояс халата, потом произнесла совсем тихо:

— Что же, поезжай, раз решил. Привет от меня передай...

И отвернулась, скрывая внезапно набежавшие на глаза слезы...

Нет, не чувство облегчения испытал в этот момент Костя, но и жалости тоже не было. Было лишь острое, как укол, ощущение неловкости оттого, что впервые в жизни незаслуженно обидел хорошего человека и товарища...

29

Дни затворничества и раздумий не принесли Вале облегчения. Ни о какой подготовке в университет не могло быть и речи. А тут еще тетя Глаша, узнав о том, что Валя бросила работу самовольно, отнеслась к ее поступку явно неодобрительно. Правда, вначале она как будто сочувственно выслушала горячий и сбивчивый Валин рассказ, горестно кивала головой и даже слезинку смахнула с ресниц, а потом, подумав, сказала напрямик:

— И все-таки, Валюша, ты поступила поребячески... Я же все про тебя в газетах читала и от людей кое-что слышала, гордилась тобой, и вдруг такой конец. А у других, думаешь, без трудностей успех добывается? Не пойму что-то я тебя. Может, ты не договариваешь что?

— А этого разве мало? Ведь это же издевательство, иначе не назовешь. А все потому, что многие мне завидовали.

— Так уж и многие? — усомнилась тетя Глаша. — А если и были такие, то, может, они по-хорошему завидовали, тоже по-новому хотели работать? Чего уж там, ты и раньше была мнительная, я давно замечала. Нет, тут другое, да ты боишься признаться.

— Я тебе все расскажу, только не сейчас, не сегодня... Пожалуй, я пройду по городу, по набережной. Давно уж я там не была.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Глаша.

Валя и в самом деле решила прогуляться по улице.

Был субботний вечер, безветренно теплый и более шумный от множества гуляющих. Невдалеке от дома, где жила тетя Глаша, находился кинотеатр, и оттуда текла оживленная толпа. Но в кино Валя не собиралась. Она вышла из калитки и направилась на набережную.

На набережной было порядочно народу. Чтобы не встретиться взглядами с людьми, Валя смотрела на реку, на снующие там и сям прогулочные и рыбацьи лодки, на далекий и теперь уже опустевший пляж на том берегу... И казалось ей, что лишь вчера она вот так же беспечно каталась с ребятами и подружками на легкой вертлявой лодчонке, озоровала и смеялась каждой шутке, радуясь всему — солнцу, воде, своему умению нырять лучше других... Вчера! А ведь, если вдумается, как давно это было! И как она завидует сейчас вон тем ребятам и девчушкам-школьницам, которые ловко перекидываются мячом на песчаной отмели, хотя им,

пожалуй, пора уж идти в парк. Но они, конечно, еще успеют и в парк — все такой же веселой и дружной стайкой, не заботясь пока о том, что ждет каждого впереди. Хорошо бы и ей, Вале, начать все сызнова, вот с этой игры в мяч. Сызнова, но по-другому...

Но думать об этом бесполезно. То, что было и есть, не выбросишь из сердца и головы. Да и стоит ли? Как ни тяжело ей сейчас, она, пожалуй, богаче тех ребят и девушек, что резвятся там, на песке. Такое, что досталось ей, дается нелегко, но, может быть, это и есть ее первое ценное приобретение в ту назримую копилку, которая зовется жизненным опытом. Видимо, ей тоже так или иначе придется сейчас начинать что-то заново, но это уже будет совсем не так, как начиналось раньше. Тетя Глаша права: надо пересилить себя, взять в руки. Только до чего же тяжело сделать это одной! Хотя бы с Костей посоветоваться, да на него плохая надежда. Вернее, никакой. Разве он может простить?..

И все-таки Валя посветлевшими и заблестевшими от какого-то приятного предчувствия глазами смотрела на реку и раз даже засмеялась, заметив на плотах мальчишку-рыболова, в азарте ловли свалившегося в воду и закричавшего приятелю:

— Петька, банку держи, я сейчас!

После этого Валя уже смело отвечала на взгляды встречающих и сама не без любопытства рассматривала их. Попадались и знакомые. Валя кивала им, но не останавливалась — говорить с ними было не о чем. И

вдруг она увидела Светозарова. Увидела издали, словно кто подтолкнул ее и указал, куда смотреть, ибо ей и в голову не могло прийти, что он может быть здесь — именно на набережной и именно в этот час.

Сердце ее дрогнуло, она тотчас опустила глаза и хотела уже повернуть назад, чтобы избежать встречи, а между тем ноги сами несли ее вперед и вперед. А почему, собственно, она должна скрываться? И даже если он заговорит с ней, она ответит ему. О, она обязательно ответит! Пусть знает, как она ненавидит и презирает его. Ничего, если услышат прохожие. Пусть слышат, ей не только страшно, но даже и стыдно не будет.

А что, если он, узнав о ее отъезде, давно раскаялся и ищет примирения с ней? Что она тогда ответит ему?..

Валя шла как в полусне, не поднимая глаз и все-таки ни на мгновение не упуская из виду приближавшегося Светозарова. Вот они почти уже поравнялись, еще шаг — и она услышит его голос. Вале даже показалось, что Светозаров подходит к ней, сейчас он дотронется до ее руки. Нервы были напряжены так, что она не выдержала и подняла глаза...

Светозарова впереди больше не было. Валя быстро, все еще надеясь на что-то, оглянулась назад. Светозаров уходил все той же непринужденной и уверенной походкой, слегка повернувшись к шагавшей рядом высокой женщине в красивом ярком платье и что-то рассказывая ей. Женщина смотрела на него и улыбалась. Наверно, он рассказы-

вал про нее, Валю, а женщина смеялась от удивления, что бывают же на свете такие дурочки...

Валя до крови прикусила дрожавшую от стыда и злости нижнюю губу и почти побежала прочь, натыкаясь на прохожих. На углу первой же улицы остановилась, борясь с желанием еще раз оглянуться. Не оглянувшись, сжала ладони в кулаки и торопливо пошла прямо домой.

30

На следующий день она с прежним раздражением уверяла тетю Глашу, что совершенно здорова и не нуждается ни в чьей помощи, и тогда тетя Глаша втайне от племянницы вызвала врача. Она и сама понимала, что это глупо, но так растерялась и расстроилась, что утратила всякую надежду как-то иначе воздействовать на Валю. Из старого и опытного педагога она превратилась в обыкновенную, суетливо хлопочущую мать — пусть не своей дочери, а дочери сестры. Да она и раньше заботилась и переживала за Валю не меньше, чем за родных дочерей.

Врач действительно явился, и у него с Валей произошло в высшей степени неприятное объяснение. Тетя Глаша была пристыжена. Она многократно извинялась перед врачом, не поленилась проводить его до калитки да так и осталась там стоять, прислонившись к столбу, опасаясь даже глянуть на окна своей квартиры.

Внезапно ей пришла мысль, что Валя от обиды и возмущения может что-нибудь сделать над собой, а возможно уже сделала. Охваченная страхом, тетя Глаша бросилась в дом. Больное сердце едва не вырвалось из груди, пока она поднималась по лестнице...

Валя стояла у окна и не шевельнулась на стук двери. Обессиленная и обрадованная, тетя Глаша вспомнила о своем сердце и опустила на стул. Не оборачиваясь, Валя сказала:

— Я никогда не простила бы тебе, тетя, эту комедию, если бы... Вот он уже прошел в калитку... Тетя, ты можешь нас оставить одних?

— Одних? Боже мой, с кем же это?

Тетя Глаша попробовала встать со стула и не могла.

— Ко мне гости...

— Гости? Ох, так бы сразу и сказала, родная моя... Ну, конечно, могу, пожалуй-ста, не стесняйся. У меня как раз есть одно дело к старой подружке. Сейчас, сейчас...

И она поспешно набросила на плечи теплую кофту.

Теперь уже не страх, а нетерпеливое женское любопытство охватило тетю Глашу. Она вышла в коридор, но не спустилась вниз, а направилась в дальний темный угол, куда жильцы сносили разные ненужные вещи. И дождалась.

Вскоре по лестнице поднялся молодой, наверное, года на два старше Вали, русоволосый паренек, огляделся и неуверенно постучал в дверь. Тотчас же появилась Валя...

«Незнакомый мне — значит, из совхоза. Ну, дай-то бог, чтоб с добрыми вестями», — думала тетя Глаша, потихоньку, чтобы вновь не растревожить сердце, спускаясь вниз по лестнице...

Костя, не ожидал, что все так получится. Он, правда, сразу отметил про себя, что Валя здорово изменилась за эти дни, но не это было главное. Она первая протянула ему руку и улыбнулась — вот что обрадовало и тронуло его до глубины души. Тем более, что он готовился к самому худшему и даже не был уверен, что ему вообще удастся поговорить с Валею.

Казалось странным, что при такой теплой встрече Костя смутился и растерялся больше, чем если бы его вовсе не пустили в комнату. Но это было действительно так...

— Проходи же, садись вот тут... Нет, лучше сюда, к столу. Видишь, как у нас тесно. Но тетя Глаша добрая, сколько я лет у нее прожила — и ни разу не поссорились. А я, знаешь, рада, что ты зашел. По делам приехал?

— Да нет, я, собственно... Ну да, по делам, в отдел культуры. Ну и решил повидать. Думаю, как ты тут живешь, может, матери что захочешь передать...

— Живу?.. Да вот, как видишь... В общем-то неплохо. — Улыбка у Вали вышла невеселой, хотя она и старалась говорить бодро. — А ты как?

— Все так же... Думаю на заочное подавать. Ты-то не раздумала насчет университета?

Валя удивленно взглянула на него, потемнела лицом.

— Почему же я должна раздумать? Нет, не раздумала... да с этим успеется. Маму давно видел?

— Давно. В тот самый день, — признался Костя, но не стал передавать своего тогдашнего разговора с Анной Сергеевной. — Надо бы тебе навестить ее и вообще... вернуться. Нехорошо все получилось, ты и сама понимаешь, но мы там, в совхозе, не тебя одну видим...

Да, трудно было Косте говорить об этом. Он не хотел быть неискренним и в то же время чувствовал, что сказать сейчас всю правду у него тоже нет сил. Да Костя и не знал ее, всей правды, и не так-то просто было ее узнать. Валя и раньше не была с ним до конца откровенной, а теперь она, может, и самой себе не верит. Понять бы, что у нее происходит на душе! Пожалуй, и без того он брякнул лишнее...

Валя сидела на валике дивана, боком к Косте, и ему почти не виден был ее взгляд и тем более трудно было угадать, о чем она думает. Вот возьмет и вдруг скажет без обиняков, как бывало не раз: «Ну, хватит об этом, надоело». Что ж, ежели так, то и он щадить ее не будет. Небось, не маленькая, знала, что делала.

Поскольку Валя продолжала молчать, Костя, хмурясь, сказал:

— Мы считаем, что все это сгоряча у тебя вышло, зря ты с нами не посоветовалась. Но ошибку исправить можно. Чего ты по

родственникам будешь скитаться? Возвращайся, упреков не будет.

Она повернулась к нему, окинула недоверчивым, злым и растерянным взглядом.

— Не будет, говоришь? Да ты же первый сейчас меня упрекнул. Сгоряча уехала! Не посоветовалась!.. А с кем бы это я могла посоветоваться? До меня и дела-то никому не было. Верно, с тобой я раз посоветовалась, помнишь? Что ж, и на том спасибо...

Костя был ошеломлен. Краска медленно залила его лицо, он заговорил тихо, но с большой силой убежденности.

— Я не с упреками к тебе приехал, Валя. И тогда не хотел тебя обидеть. И ты знала, что я приеду, хотя, может, тебе и неприятно меня видеть. А я тебя любил и люблю, и это ты тоже знаешь, только не думай, что я навязываться пришел. Я же не вовсе дурак, чтобы не понимать...

— А что ты должен понимать? — резко спросила она.

Теперь, когда он сказал самое трудное, Косте нечего было терять. И он ответил прямо, не опуская глаз:

— Я же знаю, что ты любишь другого. Вот это и понимаю. Одного не пойму: почему он тебе не помог?

Валя склонила голову, подошла к окну, ответила глухо, не оборачиваясь:

— Потому, что он никогда меня не любил...

На этот раз Костя не удивился — он уже давно догадывался об этом. Но он понимал, каких усилий и мук стоило Вале признание,

ее боль словно передалась и ему, и все-таки он не удержался, спросил:

— А ты?

— А я — да...

Губы у Кости нервно дернулись.

— Мне, пожалуй, пора, а то уж больно невеселый разговор у нас пошел... — сказал он с дрожью в голосе, но не двигаясь с места.

Валя, оторвавшись от окна, качнулась и встала перед ним.

— погоди, Костя. Ты сам завел этот разговор. Я тебе одному сказала правду. Не могла иначе... Что же теперь делать?

— Сказать и остальную правду самой себе до конца. И набраться мужества пережить и исправить ошибку.

— Вернуться домой? Перед кем-то оправдываться? Но я никого ни в чем не виню и не хочу оправдываться. Что было, то было, а теперь, видно, надо начинать все заново. Не знаю, выйдет ли. Ничего не знаю. Только вот больно здесь, — она прижала ладонь к груди, — и всё...

— Надо вернуться домой, у тебя там немало друзей, — упрямо повторил Костя. — Люди всё поймут...

— Может быть, ты, но другие... — Валя горестно покачала головой. — Да и какие у меня там друзья? Если и были, так они сейчас поздороваться со мной не захотят. А о других и говорить нечего... Нет, не хочу... Попробую сама выкарабкаться.

— В одиночку-то трудновато будет, имей в виду, — угрюмо заметил он.

— Может быть... Вот считала себя умной, да и многие так считали, а ты сейчас, наверное, думаешь про меня: простых вещей Валя не понимает. — Она слабо улыбнулась ему, на мгновение дотронулась пальцами его рукава. — Ничего, Костя, может еще и поумнее когда-нибудь, кто знает... Ты когда приехал? Давно? — круто переменяла она разговор.

— Прямо с автобуса и сюда.

— Есть хочешь?

— Ни капельки, — сказал Костя, дивясь тому, как быстро и легко исчезла в нем недавняя неприязнь к этой взбалмошной, упрямой и трудной девушке, которую, несмотря ни на что, он продолжал любить. — Зинка просила привет тебе передать, и дядя Ваня тоже, и Терентий Павлович, и все наши ребята...

— Спасибо. Зинка теперь на «елочке»?

— Она. А ученицей у нее Таня Шубина из колхоза «Вперед к коммунизму». Потом наша Клава Замятина будет.

— Что ж, все правильно... так и должно было быть, — задумчиво и грустно проговорила Валя, и Костя понял, что воспоминание о «елочке» разбередило в ее душе какие-то скрытые, неведомые ему чувства. Он ждал, что она скажет еще что-нибудь, но Валя умолкла, и ей, как видно, не легко было заговорить снова.

Постояв еще немного в нерешительности, Костя спросил:

— Ладно, пойду. Анне Сергеевне что передать?

— Ничего, Костя, — спокойно сказала Валя. — Я ей написала, а больше ничего не надо.

Она проводила его до двери, сама открыла ее и вышла с Костей в коридор. Откровенно говоря, ему жаль было уходить, не хотелось оставлять Валю снова одну в этой уютной, но в общем-то скучной и тесной комнате и к тому же в таком грустном, почти подавленном настроении. Несколько утешала лишь надежда, что он еще сможет когда-нибудь прийти сюда. Когда-нибудь... Какой же будет та встреча?

Он постеснялся пожать ей руку, только улыбнулся и кивнул головой и хотел уже спускаться по изношенным деревянным ступенькам, но в этот момент Валя сама подошла к нему вплотную, коснулась губами его щеки и невнятно сказала:

— Спасибо, Костя...

Как и тогда, в мартовскую студеную ночь, у школьной калитки, Костя вспыхнул, схватился рукой за щеку, хотел удержать Валю, что-то сказать ей, но она уже стояла в дверях, а в следующее мгновение закрылась и дверь.

Он перевел дыхание и оперся спиной о перила лестницы. Постоял так, чутко прислушиваясь, не отрывая глаз от заветной двери, а потом, словно стыдясь закипевшей в груди радости, смущенно улыбнулся и легко сбегал вниз, на многолюдную в этот час улицу...

Николай Васильевич Угловский

ОБИДА

*

Редактор *А. П. Гусев*

Оформление *В. А. Чулкова*

Корректор *М. В. Чернакова*

ГЕО2647.

*

Подписано к печати 30.7.63 г. Бумага 70 × 90^{1/32}

Бум. л. 3,68. Печ. л. 8,62. Уч.-изд. л. 9,2.

Тираж 15 000. Заказ 3578.

Цена 38 коп.

Областная типография,
г. Вологда, ул. Калинина, 3.

20

38 коп.